АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Р. П. ДМИТРИЕВА

СКАЗАНИЕ О КНЯЗЬЯХ ВЛАДИМИРСКИХ

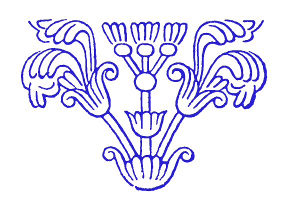

СКАЗАНИЕ О КНЯЗЬЯХ ВЛАДИМИРСКИХ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Р. П. ДМИТРИЕВА

СКАЗАНИЕ О КНЯЗЬЯХ ВЛАДИМИРСКИХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА – ЛЕНИНГРАД
1955

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР *Д. С. Лихачев*

ОТ РЕДАКТОРА

Небольшое произведение, возникшее, как устанавливает автор предлагаемой вниманию читателей работы, в первой четверти XVI в., — «Сказание о князьях владимирских», — необычайно по своему значению в политической и литературной жизни XVI в.

Оно стало главным выразителем официальных политических воззрений Русского централизованного государства XVI в. Его идеи были использованы в грандиозных летописных сводах того времени — в Воскресенской и Никоновской летописях, в Царственной книге, затем в Степенной книге царского родословия, в Великих Четьих-Минеях, в посланиях и грамотах Ивана Грозного, в его духовной, в «Государевом родословце» и т. д. Оно широко использовалось в дипломатической практике Русского централизованного государства в борьбе за исконные русские земли, временно подпавшие под власть Польско-Литовского государства, а также во внутренней политике. Оно применялось в чине венчания на царство, части его были вырезаны на створках царского трона, установленного в Успенском соборе. Оно было переведено на латинский язык (один из первых переводов русского литературного произведения с русского языка вообще) и было известно за границей. Оно отразилось в «Записках» Сигизмунда Герберштейна; с идеями «Сказания» спорили польско-литовские дипломаты. Частично его содержание передавала грамота константинопольского патриарха 1561 г., извещавшая Ивана Грозного о признании за ним сана царя. Наконец, само это произведение несколько раз перерабатывалось и дошло до нас в большом количестве списков, подавляющая часть которых впервые вводится в научный оборот настоящей книгой.

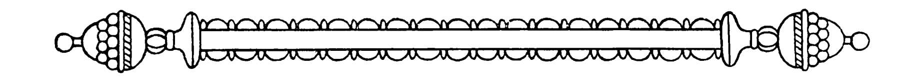
Идеи «Сказания» создались не сразу. Они прослеживаются уже в XIII в. — в «Слове о погибели Русской земли» и во владимирской летописи; затем развитие этих идей можно проследить в летописях и документах XIV—XV вв., где явно чувствуются те же стремления — подчеркнуть преемственную связь московских

государей с князьями владимирскими, а через них — с киевскими: с Владимиром Мономахом и Владимиром Святославичем. Вместе с тем, развитие идей «Сказания» не остановилось на XVI в., оно перешло в XVII в. и там имело свою примечательную судьбу.

Р. П. Дмитриева берет центральный момент истории государственной политической идеи Русского централизованного государства — XVI в., когда идее этой была придана наибольшая литературная законченность и когда она имела наибольшее, отчетливо определимое значение в литературе, публицистике и самой политической действительности. Разумеется, что тот ее автор (Спиридон-Савва), с которого Р. П. Дмитриева начинает рассмотрение литературного оформления идеи преемственности московских князей от владимирских и киевских, не был ее первым и единственным создателем. «Послание» Спиридона-Саввы только хронологически первое произведение, с которого мы можем начать конкретную текстологическую работу по произведению определенного состава. В дальнейшем исследователям общественной мысли придется и углубиться в предшествующие века, и продолжить исследование Р. П. Дмитриевой до XVII в. включительно. Но и в том виде, в каком сейчас предлагается вниманию читателей работа Р. П. Дмитриевой, она заново ставит вопросы происхождения памятника, его литературной судьбы, роли его во внутренней и внешней политике Русского централизованного государства, заново определяет литературный характер этого произведения и его политические идеи, долгое время произвольно смешивавшиеся с пресловутой идеей «Москвы — третьего Рима» — церковной в своей основе.

От автора

Автор считает своим долгом выразить признательность за помощь по разысканию рукописей М. В. Щепкиной, Т. Н. Протасьевой, В. Ф. Покровской, за указание неизвестных списков «Сказания о князьях владимирских» Н. Н. Розову и А. А. Зимину.

ВВЕДЕНИЕ

«Сказание о князьях владимирских» — один из важнейших памятников русской политической литературы XVI в. Оно начинается с рассказа о разделении вселенной между потомками Ноя, дает краткий перечень властодержцев древности и особо останавливается на судьбе Августа кесаря. По смерти Юлия Цезаря Август, находившийся с войсками в Египте, был провозглашен властителем вселенной. Его венчали на царство, возложив на голову митру индийского царя Пора, облекли в одежды египетского царя Сеостра, плечи покрыли бармами египетского царя Филикса. Август возложил дани на вселенную и послал своего брата Пруса на берега Вислы — в страну, которая затем была названа по его имени Прусской землей. От этого Пруса и повелись русские князья. В Прусскую землю пришли искать себе князей по совету новгородского воеводы Гостомысла послы новгородцев. Отсюда они взяли себе Рюрика — потомка Пруса и, следовательно, родственника Августа кесаря. Вместе со своими братьями, Синеусом и Трувором, Рюрик прибыл в Новгород и здесь положил основание роду русских князей — держателей Русской земли. От этого Рюрика и ведут свой род князья московские. Спустя некоторое время потомок Рюрика и правнук великого князя Владимира Святославича Владимир Всеволодович Мономах с большим войском пошел походом на Византию — во Фракию. Поход этот был победоносным. Русские пленили жителей Фракии и возвратились с богатой добычей. Греческий царь Константин Мономах созвал царский совет и отправил к Владимиру Всеволодовичу послов, которые принесли ему крест «от древа», на котором был распят Христос, царский венец с головы Константина Мономаха, сердоликовую крабьицу, «из нее же Август кесарь веселяшеся», бармы со своих плеч, цепь из аравийского золота и другие дары вместе с посланием, в котором Владимир приглашался венчаться на царство присланным венцом и дарами. «И с того времени, — замечает «Сказание», —

князь великий Владимир Всеволодович наречеся Мономах, царь великия России». Венцом царским был венчан Владимир Мономах, а затем этим же венцом венчались на царство и другие русские великие князья — его потомки. Вслед за «Сказанием» иногда читается родословие князей литовских, обычно остающееся вне поля внимания литературоведов.

«Сказание о князьях владимирских» занимает важнейшее место среди официальных политических произведений Русского централизованного государства. Почти каждый исследователь, затрагивавший вопросы правительственной идеологии XVI в., в той или иной мере касался «Сказания о князьях владимирских», находил ему место среди прочих идеологических явлений того времени. Однако детальным и конкретным изучением этого памятника занимался только академик И. Н. Жданов, посвятивший ему исследование «Повести о Вавилоне и „Сказание о князех владимирских“».[1] Все последующие работы, которые затрагивали эту тему, в большей или меньшей степени опирались на выводы, сделанные И. Н. Ждановым, на те тексты, которые были им опубликованы, на тот состав памятника, который был им установлен, и на то определение времени создания этого памятника, которое было им сделано.

Большинство исследователей рассматривало «Сказание» в составе тех произведений, которые объединены теорией «Москва — третий Рим». Многие из исследователей вместе с тем считали, что эта теория утверждала за Русским государством право на преемственность от Византии.

В истолковании «Сказания» ярко сказывался идеализм буржуазной науки. Появление цикла произведений, условно объединяемых идеей «Москва — третий Рим», буржуазные ученые не только связывали с внешними причинами падения Византии, но и объясняли этими внешними причинами.

В ранней своей работе «Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории» В. С. Иконников, разбирая вопрос о развитии культуры в Русском государстве с древнейших времен, все развитие древнерусской культуры объяснял влиянием Византии.[2] Появление легенды о Владимире Мономахе целиком связывалось им с влиянием Византии. В. С. Иконников считал ее легендой, созданной на основе византийских преданий. «Таким образом, теория светской власти утверждается в обществе на византийских преданиях, духовном авторитете и источ-

---

[1] И. Н. Жданов. Повести о Вавилоне и «Сказание о князех владимирских». СПб., 1891.

[2] В. С. Иконников. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869.

никах византийской письменности», — так подводит итог своего исследования В. С. Иконников.[1]

Вопросам идеологии Русского централизованного государства в буржуазной исторической науке посвящена работа М. А. Дьяконова «Власть московских государей».[2] В этой работе были неправильно поставлены сами вопросы, подлежащие, по мнению автора, исследованию: во-первых, спрашивает автор, почему до падения Византии в истории русской мысли нет попыток к проведению каких-либо самостоятельных задач; во-вторых, почему так быстро начало развиваться политическое сознание с половины XVI в. В этих вопросах уже были заключены ложные утверждения, умаляющие роль политического сознания в древней Руси. Неправильно поставив вопросы, автор решил их также неправильно, не считаясь с фактами: для него развитие русской общественной мысли в XV—XVI вв. связано в первую очередь с падением Константинополя. До падения Константинополя русская общественная мысль находилась в подчинении у Византии, и только якобы после падения Константинополя на Руси появляется политическое самосознание как результат прикрепления к Руси византийских политических представлений. Так, как полагал М. А. Дьяконов, рождается теория «Москва — третий Рим». Для доказательства прав русских на византийское наследие, по его мнению, были придуманы легенды о приобретении Владимиром Мономахом царского венца из Византии и о происхождении русских князей от Пруса, родственника Августа, римского императора, и вскоре эти две легенды были слиты вместе Спиридоном-Саввой.[3] Так, думает М. А. Дьяконов, было создано «Сказание о князьях владимирских». Оно служило, по его утверждению, для оправдания политики Русского государства как наследника Византии.

Такую же точку зрения высказал П. Пирлинг, рассматривая вопрос о женитьбе Ивана III на Софье Палеолог. «Идея православной миссии» нашла себе выражение в теории «Москва — третий Рим»; в связи с этим, утверждал автор, появился цикл легенд, оправдывавших эту теорию, в их числе — легенда о Владимире Мономахе.[4]

В. Сокольский в работе, посвященной «участию» русского духовенства и монашества в государственной жизни конца XV и

---

[1] Там же, стр. 370.
[2] М. А. Дьяконов. Власть московских государей. СПб., 1889.
[3] Там же, стр. 73—78.
[4] П. Пирлинг. Россия и Восток. Царское бракосочетание в Ватикане. Иван III и Софья Палеолог. СПб., 1892, стр. 158—165.

первой половины XVI в., также придерживался мнения, что после 1453 г. Русское государство считало себя наследником Византии, и видел эту преемственность в генеалогических связях с византийскими императорами и в присылке венца Владимиру Мономаху; автор работы полагал, что с целями установления этих генеалогических связей было использовано интересующее нас «Сказание о князьях владимирских».[1]

Как было сказано, исследованию конкретных условий появления «Сказания о князьях владимирских» и его литературной истории посвящена работа И. Н. Жданова. Выводы, к которым он пришел в результате изучения памятника, до сих пор никто не пересматривал. И. Н. Жданова больше всего интересовал вопрос выяснения источников этого произведения. Происхождение повести о Владимире Мономахе он видел в устной легенде. Появление такого памятника, как «Сказание о князьях владимирских», И. Н. Жданов связывал с изменением характера великокняжеской власти на Руси, с ее усилением, но также отдавал дань иноземному влиянию, хотя это влияние видел уже не со стороны Византии. Ложные представления о роли иноземного влияния в известной мере сказались и на выводах о времени написания «Сказания» и его авторе. Создание легенды о Прусе И. Н. Жданов относил полностью за счет южнославянского влияния и автором «Сказания» предполагал Пахомия Серба. По мнению И. Н. Жданова, «Сказание» появилось между 1480 и 1523 гг. Однако конкретное изучение этого произведения, как мы увидим в дальнейшем, не подтверждает таких выводов. И. Н. Жданов не исследовал всех списков «Сказания», а поэтому не сумел выявить его редакции, время их появления, исторические условия, вызвавшие их к жизни. Не пытался И. Н. Жданов решать вопрос и о конкретном использовании этого памятника во внешнеполитической и внутриполитической борьбе Русского государства за объединение.

А. С. Архангельский[2] прослеживал путь развития политических идей на Руси после падения Константинополя. Он считал, что после падения Византии Русь стала лицом к Западу и должна была в своем развитии итти под руководством Запада. Таким образом, и по его мнению, сначала под влиянием Византии, затем Запада создавалась русская литература. Появление

[1] В. Сокольский. Участие русского духовенства и монашества в развитии единодержавия и самодержавия в Московском государстве в конце XV и первой половине XVI в. Киев, 1902, стр. 104—114.

[2] А. С. Архангельский. Из лекций по истории оусской литературы. Литература Московского государства (конец XV—XVII вв.). Казань, 1913.

«Сказания о князьях владимирских» А. С. Архангельский связывал с влиянием южнославянской литературы. Для характеристики «Сказания» он пользовался выводами И. Н. Жданова.

Тенденция объяснить все развитие русской культуры только иностранным влиянием проявилась и в недавно опубликованной статье Дмитрия Стремоухова в журнале «Speculum».[1] Автор поставил себе целью определение источников идеи «Москва — третий Рим». Возникновение этой идеи он объясняет, с одной стороны, влиянием византийских событий, с другой, — влиянием литературной традиции южных славян. Автор статьи безуспешно пытается истолковать конкретное использование этой теории в деятельности Русского государства, игнорируя все огромное рукописное наследие.

Таким образом, буржуазная наука не может выяснить настоящих причин появления интересующего нас литературного памятника. Она не может определить и настоящего его применения в практической деятельности Русского централизованного государства.

Выводами И. Н. Жданова о «Сказании о князьях владимирских» в науке, к сожалению, в основном пользуются до сих пор, хотя исследователи в оценке этого произведения как прогрессивного памятника времени образования централизованного государства ушли далеко вперед по сравнению с той, которую давал ему И. Н. Жданов.

В характеристике отдельных идейных сторон «Сказания о князьях владимирских» точки зрения советских ученых несколько отличаются друг от друга. Но существует единое мнение о «Сказании» как памятнике времени образования и укрепления Русского централизованного государства и о его высоком значении в укреплении великокняжеской власти.

В «Истории русской литературы» Института русской литературы Академии Наук СССР «Сказание о князьях владимирских» охарактеризовано как памятник публицистической литературы, связывающий генеалогическим путем историю Русского государства со всемирной. В этом памятнике, по словам авторов, утверждается, что «великие князья московские являются прямыми наследниками власти кесарей римских, царство Московское свое происхождение ведет от великих мировых монархий древности».[2]

---

[1] Dimitri Stremooukhoff. Moscow the Third Rome: Sources of the Doctrine. Speculum, a journal of mediaeval studies, vol. XXVIII, № 1, january, 1953, стр. 84—101.

[2] История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 307.

В «Истории Москвы» о «Сказании о князьях владимирских» сказано в разделе, где Москва характеризуется как столица централизованного государства. «Сказание» трактуется здесь как памятник общественно-политической мысли, показывающий место молодого Русского государства во всемирном историческом процессе. Этот памятник подчеркивал единство процесса русской истории, устанавливая связь между князьями киевскими, владимирскими и московскими, говорил о месте Русского государства в мировой истории.[1]

О роли «Сказания» как памятника, утверждающего исконность власти московских князей, говорится в работе Д. С. Лихачева «Национальное самосознание древней Руси». В содержании «Сказания» автор видит не утверждение наследования власти московскими князьями из Византии, а подчеркивание их исконных прав с древнейших времен на Русской земле и их высокого происхождения.[2]

Н. К. Гудзий в учебнике по древнерусской литературе содержание «Сказания о князьях владимирских» трактует как продолжение идей «Сказания о вавилонском царстве».[3] В том и другом произведении говорится о перемещении знаков царской власти из страны в страну, в результате чего в конце концов они попадают на Русь. Благодаря этому, по мнению автора, русские великие князья в «Сказании о князьях владимирских» представлены как преемники византийских царей, что якобы было необходимо для утверждения авторитета московских князей.

В настоящей работе сделана попытка на основании всего обнаруженного рукописного материала, имеющего отношение к «Сказанию о князьях владимирских», проследить его литературную судьбу; сделана попытка связать этот памятник с конкретными историческими событиями, проследить характер его политического использования и сделать вывод о значении «Сказания» не только на основании анализа содержания самого этого произведения, но и на основании его практического применения. Только конкретное исследование «Сказания» и связанных с ним памятников политической идеологии Русского централизованного государства, исследование их списков и применения этих памятников в политической практике сможет окончательно разбить неправильное построение буржуазной науки, прикреплявшее весь

---

[1] История Москвы, т. I. М., 1952, стр. 127.

[2] Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. М.—Л., 1945, стр. 103—104.

[3] Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1953, стр. 244—246.

комплекс памятников, связанных со «Сказанием», к идеям «византийского наследия» — государственного и культурного, к византийскому и югославянскому влиянию, к идеям «агрессивной» политики России.

«Сказание о князьях владимирских» — памятник времени складывающегося централизованного государства. Перед нами стоит задача выяснить историю и роль этого произведения в той конкретной исторической обстановке, в которой оно появилось и продолжало свое существование. Как убедимся в дальнейшем, «Сказание» отразило на себе стремление к укреплению великокняжеской власти.

Образование Русского централизованного государства, явившееся результатом социально-экономического развития страны, — явление прогрессивное. «Только страна, объединенная в единое централизованное государство, может рассчитывать на возможность серьезного культурно-хозяйственного роста, на возможность утверждения своей независимости».[1] Это — процесс сложный и продолжительный. В Русском государстве он шел несколько своеобразно, особенности его были обусловлены внешней опасностью. Государственная централизация вела к укреплению великокняжеской власти, опиравшейся на прогрессивную часть дворянства и городского населения.

Государственной великокняжеской власти приходилось вести долгую и сложную борьбу. Являясь органом господства феодалов и действуя в их интересах, она затрагивала отдельные привилегии крупных феодалов, чему последние упорно сопротивлялись. Вопросы укрепления великокняжеской власти остаются животрепещущими на всем протяжении складывания и укрепления Русского централизованного государства.

Появление идеологических памятников, которые служили бы делу укрепления великокняжеской власти, в такой обстановке было совершенно необходимым. Прогрессивный характер великокняжеской власти в период централизации Русского государства обусловливает и прогрессивность этих произведений.

И. В. Сталин в своей работе «Марксизм и вопросы языкознания» подчеркивает активную роль надстройки: «Надстройка порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь

---

[1] И. В. Сталин. Приветствие Москве. Правда, 7 сентября 1947 г.

новому строю доконать и ликвидировать старый базис и старые классы».[1]

Идеология как надстроечное явление и в эпоху укрепления централизованного государства не только отражала происходившие изменения в феодальном строе, но и активно содействовала его развитию. «Сказание о князьях владимирских» как раз такое произведение, которое нашло себе широкое применение в борьбе за укрепление великокняжеской власти.

На примере «Сказания о князьях владимирских» отчетливо видно возрастающее в XVI в. общественное значение литературы. Потребность в идеологическом обосновании крепнувшей великокняжеской власти остро ощущается со времени Ивана III. Необходимость такого обоснования хорошо видна на примере той идеологической подготовки, которая велась великокняжеской властью в связи с присоединением Новгорода: великий князь заявлял права на Новгород, как на свою отчину.[2] Необходимость идейных построений ощущается и в дипломатической переписке, которая использует те же мысли, что и в объяснении прав великого князя на новгородские земли. Утверждается божественный характер происхождения великокняжеской власти, говорится о том, что московский великий князь наследует права киевских князей. Наследием от киевских князей обосновываются притязания Русского государства в борьбе с Польско-Литовским на возвращение Руси окраинных земель, некогда отторгнутых от нее.

Та же идея проводится и в летописях XV—XVI вв. Изложение летописания ведется от киевских событий к московским, от князей киевских к московским.[3] Эта же тенденция наблюдается и в изложении родословных того времени.

Вассиан Рыло, близкий Ивану III человек, в своем «Послании на Угру», в стремлении убедить Ивана III продолжать борьбу с татарами, напоминает ему о необходимости сохранения традиции своих предков. «Поревнуй прежебывшим прародителем твоим, великим князем: неточию Рускую землю обороняху от поганых, но иные страны приимаху под соби, еже глаголю Игоря, и Святослава, и Владимера, иже на греческых царех дань имали, потом же и Владимера Монамаха, како и коли бился со

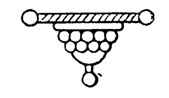
[1] И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1953, стр. 7.

[2] Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси, стр. 90—91.

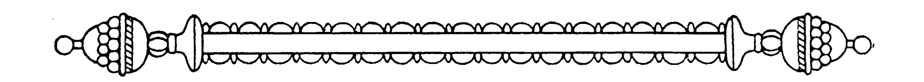
[3] Д. С. Лихачев. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. М.—Л., 1946, стр. 36.

оканными половци за Русьскую землю, и иные мнози, их же паче нас ты веси».[1]

На этих неполных примерах видно, в каком направлении шло развитие официальной идеологии того времени. Появление «Сказания о князьях владимирских», как мы увидим в дальнейшем, было обусловлено конкретной исторической обстановкой, было вызвано потребностью молодого Русского централизованного государства в укреплении власти великого князя. Оно отразило идеи, уже назревшие в русской действительности и в русской литературе. В этой обстановке «Сказание» служило прогрессивным целям — укреплению централизованного государства. По своим идеям оно не явилось заимствованием из Византии или с Запада, не служило оно и оправданию «завоевательной политики». Оно говорило не о праве русских князей на византийские земли, а об их праве на все русские земли, в том числе и на киевские. Оно служило делу укрепления международного авторитета русского княжеского рода, утверждая его равенство со всеми владетельными домами Европы. Только этим задачам — собиранию русских земель и укреплению международного авторитета Руси, как мы увидим в дальнейшем, — и служило «Сказание о князьях владимирских», памятник исключительной политической активности, созданный для действий и в обстановке действий — дипломатических и внутриполитических.

[1] И. Н. Кудрявцев. «Послание на Угру» Вассиана Рыло Труды ОДРЛ, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 175.

Глава I

РЕДАКЦИИ «СКАЗАНИЯ О КНЯЗЬЯХ ВЛАДИМИРСКИХ» И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИХ С ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ, БЛИЗКИМИ К «СКАЗАНИЮ»

Хорошо знакомое историкам древней русской литературы и историкам русской общественной мысли «Сказание о князьях владимирских» по существу изучено очень мало. Не выяснено время возникновения «Сказания», его литературная история, не изучены его редакции, их связь с исторической действительностью, причины и поводы их возникновения. В науке было известно очень немного списков «Сказания», не позволявших установить самые необходимые данные. Вот почему изучение «Сказания» приходится начинать с выявления его списков, с определения времени возникновения редакций, с установления их текста.

Для определения времени появления «Сказания о князьях владимирских» и общей, предварительной характеристики его имеет существенное значение разрешение вопроса о взаимозависимости «Сказания» с целым кругом близких ему по содержанию произведений. Близки «Сказанию» следующие памятники: статьи, носящие характер вступления к родословию великих князей русских, ряд повестей, в которых рассказывается о приобретении Владимиром Мономахом царского венца, «Послание» Спиридона-Саввы. Кроме того, известны повести, одновременно близкие и «Сказанию» и «Посланию», включающие особенности того и другого произведения. Все перечисленные произведения, помимо повестей, названных последними, были рассмотрены академиком И. Н. Ждановым в его исследовании,[1] но взаимоотношения их со «Сказанием» не были до конца выявлены. Прежде чем определить эти взаимоотношения, необходимо установить связь между списками «Сказания о князьях владимирских».

---

[1] И. Н. Жданов. Повести о Вавилоне и «Сказание о князех владимирских». СПб., 1891.

И. Н. Жданову было известно всего только пять списков «Сказания». В настоящее время к этим пяти спискам мы можем добавить еще двадцать семь. Анализ всех списков обнаруживает новые данные сравнительно с теми, которые мог установить И. Н. Жданов, имея перед собою только пять списков.

Сравнение списков «Сказания о князьях владимирских» между собой показало следующее. Большинство списков четко делится на две редакции. Шесть списков имеют индивидуальные особенности, поэтому их приходится рассматривать отдельно. Признать же эти списки особыми редакциями нет оснований: они так или иначе связаны с двумя упомянутыми редакциями «Сказания».

Обе редакции «Сказания о князьях владимирских» передают один и тот же рассказ, который, начинаясь с разделения вселенной Ноем между сыновьями и постепенно рассматривая судьбу потомков этих сыновей, приводит к родословной русских великих князей. В нем сообщается о происхождении Рюрика от римского императора Августа, устанавливается родословная связь с ними Владимира Мономаха и затем говорится о событиях, связанных с последним: о приобретении им царского венца и царских регалий от византийского императора Константина Мономаха. Эта сюжетная линия сохранена в той и другой редакции, но некоторые отличия между редакциями все же имеются.

Основное отличие редакций друг от друга состоит в том, что текст их имеет разные окончания. В конце «Сказания» одной редакции сообщаются даты жизни и княжения в Киеве Владимира Мономаха и место его погребения; в другой редакции вместо этого имеется рассказ об отпадении римской церкви от православия. Кроме того, есть и другой признак, по которому, совершенно не колеблясь, можно отнести списки «Сказания» к той или иной редакции, хотя бы они и не имели окончания. Этим вторым признаком является подзаголовок в середине текста той из редакций, которая оканчивается сообщением даты погребения Владимира Мономаха: «Поставление великих князей руских, откуду бе и како начашася ставити на великое княжение святыми бармами и царскы венцем». Подзаголовок выделяет особо вторую часть «Сказания», в которой приведен рассказ о Владимире Мономахе. Начало текста после подзаголовка в этой редакции несколько отличается от соответствующего места в другой редакции. В редакции с подзаголовком приведена дата вокняжения Владимира Мономаха, которой нет в другой редакции. Вопроса о роли подзаголовка для выяснения цели и времени написания данной редакции «Сказания» мы коснемся, когда разберем

группы и отдельные списки этой редакции. Редакцию с подзаголовком в середине текста будем в дальнейшем называть второй. Ниже мы увидим, почему эта редакция действительно вторая.

* * *

Обратимся прежде всего к той редакции, которую мы условились (несколько предваряя результаты нашего анализа) называть второй. Именно в такой последовательности, — проанализировав сначала вторую редакцию, а затем уже первую, — будет удобнее всего выяснить их взаимоотношения, чтобы далее перейти к рассмотрению произведения, которое легло в основу «Сказания». Так, переходя от более поздней редакции к более ранней, легче всего будет вскрыть движение текста «Сказания». Текстологическая работа над редакциями «Сказания», которую мы продолжим затем на целом ряде произведений того же круга, приведет нас к решению многих основных вопросов литературной судьбы «Сказания», к выяснению причин его возникновения, его идейного содержания, связи с историческими событиями и влияния на политическую действительность XVI в.

Всех списков, относящихся ко второй редакции, — двенадцать. Из них один список имеет некоторые индивидуальные особенности, поэтому о нем приходится говорить особо.

За основной список второй редакции принят нами список Государственного Исторического музея из собрания Синодального, № 792 (*X*).[1] Этот список помещен в сборнике, написанном одним почерком — полууставом третьей четверти XVI в. Водяной знак — кувшинчик. На полях, на лл. 1—7, скорописью XVI в. написано: «Летописец аркадевьской, в нем же царское поставление, Кирилова монастыря Белозерскаго». Содержание сборника: л. 1 — Летописчик вкратце; л. 2 — Сказание о князьях владимирских; л. 10 — Чин поставления на великое княжество (чин венчания на царство Ивана IV); л. 42 — Список с грамоты московского митрополита Алексея; л. 47 — Ярлыки ордынских царей, данные русским митрополитам; л. 53 — Повесть о Цареграде; л. 60 — Сказание о создании св. Софии цареградской; л. 81 об. — Продолжение повести о Цареграде; л. 122 — Повесть о Казарине; л. 125 — Слово Максима Грека. Заголовки «Сказание...» и «Поставление...» написаны киноварью.

Принять список *X* за основной заставляет ряд причин:

1) список один из ранних — писан почерком XVI в.;

2) он содержит полный текст «Сказания», начиная с названия и кончая заключением о кончине Владимира Мономаха;

[1] Все списки «Сказания о князьях владимирских» для удобства подведения вариантов условно обозначены буквами русского алфавита.

3) по сравнению со всеми остальными списками второй редакции текст этого списка наиболее сохранившийся.

Сопоставление данного списка с другими списками рассматриваемой редакции дает следующие результаты. Он имеет очень незначительное количество пропусков. В одном предложении выпущены слова «и милитинского и стратига антиохийскаго», но эти пропущенные слова написаны на полях тем же почерком, что и остальной текст. Очевидно, писец, переписывая текст, пропустил эти слова, а потом, заметив свою ошибку, приписал их на полях. Такое предположение дает возможность восстановить пропуск, тем более, что в рукописи тем же почерком отмечено то место текста, где сделан пропуск, и текст этого места с включением пропуска совпадает с соответствующим текстом других списков. Кроме того, два раза выпущено имя «Владимер» в словах «отряжает убо послы к великому князю Владимеру Всеволодичю» и «И с того времени князь великий Владимер Всеволодичь наречеся Манамах». Это имя также легко восстанавливается в тексте, так как в большинстве списков оно сохранилось. Существенных расхождений с остальными списками второй редакции, которые были бы свойственны одновременно всем спискам этой редакции, у списка *Х* нет. Отступления от текста основного списка в остальных списках по большей части представляют различные варианты изменения текста. Описок смыслового характера, т. е. таких, которые заставляли бы думать, что в других списках текст правильнее, в списке *Х* нет, за исключением одной. В словах «постави царя над Индеею во Иерусалиме» безусловно есть смысловая описка. Это подтверждается сравнением текста списка *Х* с другими списками «Сказания». Так, в списке из собрания Троице-Сергиевой лавры, № 740 (*У*), стоит вместо «Индеею» слово «Июдеею»; последнее слово подходит по смыслу и поддерживается тем чтением этого места, которое дает первая редакция (см. тексты, стр. 188). Правильное написание слова есть только в одном списке. Это заставляет думать, что ошибка, очевидно, была сделана еще при составлении второй редакции, а в списке *У* была уже только исправлена. Несущественных описок в списке *Х* очень небольшое количество. Сравнение со всеми остальными списками данной редакции дает возможность это установить. Так, в разбираемом нами списке написано «пооблагода» вместо «пооблада», «кекесаря» вместо «кесаря», «Египетр» вместо «Египет», «Нектанавола» вместо «Нектонавова», «адом» вместо «ядом», «дано» вместо «дань», «чепо» вместо «чепь». В отношении одного слова, читающегося по-разному в списке *Х* и в других четырех списках второй редакции, трудно сказать, где оно напи-

сано правильно и какое слово стояло в протографе. В списке *Х* написано «богоразсудныи», в списках *Ч*, *Е*, *Ж*, *Я* — «благоразсудны».

Итак, незначительное количество искажений текста в списке *Х*, а также полнота его дает возможность считать этот список одним из лучших и наиболее близким к протографу рассматриваемой редакции.

Теперь возникает вопрос о взаимоотношении списков второй редакции и о связи их со списком, избранным за основной.

Установить взаимозависимость списков можно путем анализа разночтений, а также на основании рассмотрения содержания сборников, в которые включен текст «Сказания». Попутно отметим, что близкие тексты в большинстве случаев входят в сборники со сходным составом статей. На основании указанных данных списки второй редакции «Сказания» могут быть разделены на ряд групп. Близки между собой списки *Х*, *У*, *Ч*, *Г*, *Н*. Явная связь прослеживается между списками *Е*, *Ж* и *З*. Третью группу составляют списки *Т*, *Я*, *И*. Отдельно стоит список *Р*.

Очень близок основному списку список в сборнике Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина из собрания Троице-Сергиевой лавры, № 740 (*У*).[1] Этот сборник писан скорописью начала XVII в. Составлен он из различных чинов церковного ритуала (например чин освящения церкви, чин на произведение в игумены), в том числе в этот сборник попал и чин венчания на царство, перед которым помещено интересующее нас «Сказание». На л. 77 помещен «Летописец вкратце», затем, с л. 77 об., начинается «Сказание о князьях владимирских». Разночтения с основным списком незначительны, существенное только одно: в основном списке написано «Индеею», здесь же — «Июдеею». Как было сказано раньше, второе чтение правильнее. Пропущенных фраз в списке *У* нет. Встречаются пропуски отдельных слов: «в мире», «лета», «стратигом». Есть некоторая замена слов по сравнению с основным списком: вместо «некий» написано «первый», вместо «своих» — «многих», вместо «подкладати» — «подкладывати». Сразу же после «Сказания», на л. 82 сборника, начинается «Чин и поставление на великое княжество» — чин венчания на царство, в котором имя царя не указано; вместо имени поставлено «имя рек». Повидимому, это чин венчания Ивана IV или Федора Иоанновича.

Довольно близок к основному списку список Государственного Исторического музея из собрания Уварова, № 537, в 4-ку

[1] Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицко-Сергиевой лавры, ч. III. М., 1878, стр. 132.

(*Ч*).[1] Список находится в сборнике, писанном полууставом XVII в. На лл. 1—2 помещен «Летописец вкратце», на л. 2 об. начинается «Сказание о князьях владимирских». В этом списке больше отступлений от текста основного списка, чем в списке *У*. В заглавии пропущены слова «великия Русия», недостает слов и в самом тексте: «Хус», «даже», «их», «его», «и стратига антиохийскаго», «и посяже за неже царица Клеопатра премудрая», «в мире», «руское», «киевский». Разночтений с основным списком в списке *Ч* значительное количество, существенные из них следующие: вместо «наготы» — «срамоты», вместо «и Клеопатру» — «Ирода Антипатрова», вместо «подкладати» — «покладати», вместо «Гостомысл» — «Стомысл», вместо «властию» — «областию», вместо «богоразсудны» — «благоразсудны», вместо «благъпремудре» — «премудры», вместо «лет» — «благолет», вместо «боговенчанный» — «благомвенчанный». После слов «раб братома своима» добавлено «и наготу отца своего». Как название «Сказание...», так и подзаголовок «Поставление...» написаны киноварью. Сразу после «Сказания», на л. 11, начинается «Чин и поставление на великое княжество». Это чин венчания на царство Федора Иоанновича. Разбираемый сборник включает те же статьи, которые имеются в сборнике, содержащем основной список; только вместо двух последних статей («Повесть о Казарине» и «Слово Максима Грека»), имеющихся в сборнике с основным списком, в сборнике со списком *Ч* помещены три другие статьи («Видение богородицы Печерского монастыря», «Послание московских купцов с Москвы и хождение их в Цареград» и «Грамота Ивана IV Максимилиану, посланная с Сугорским»). Одинаковый состав сборников свидетельствует о том, что оба сборника почти целиком были переписаны с одной и той же рукописи или рукописей, близких друг другу.

Меньше всего расхождений с основным списком имеет список из фондов Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде, шифр F.IV.238 (*Г*). Список находится в сборнике, писанном скорописью конца XVI или самого начала XVII в. Открывается сборник «Летописцем вкратце», далее помещена летопись, которую А. А. Шахматов определяет как Новгородский свод 1539 г.[2] После текста летописи, с л. 451 об., начинается текст «Сказания о князьях владимирских», заголовок которого написан киноварью. Сразу же после «Сказания», с л. 454 об., начинается «Чин и поставление на

[1] Леонид, архим. Систематическое списание славяно-российских рукописей собрания гр. А. С. Уварова, ч. IV. М., 1894, стр. 145.

[2] А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904, стр. 163—164.

великое княжество». Это чин венчания на царство, без указания имени венчаемого. Разночтений с основным списком в списке *Г* незначительное количество: вместо «Сотр» написано «Сотрю», вместо «Трувор» — «Трувар», вместо «Августиа» — «Августина», вместо «боголюбивый» — «благолюбивый». Имеются в списке *Г* описки, но все они, кроме одной, характерны и для списка *X* (например «пооблагода», «Нектанавола», «адом», «Египетр»). Описка, свойственная лишь списку *Г*, допущена в словах «съвет благъпремудре и царский», где вместо «царский» написано «церкви». Пропусков в данном списке тоже немного. Пропущены слова «Егда седе» и два раза имя «Владимер», причем оба раза это имя пропущено и в списке *X*. Текст списка *Г* настолько близок тексту списка *X*, что можно с уверенностью говорить о существовании у них общего протографа. Если сравнить состав сборников, содержащих эти списки, то видно, что в сборнике со списком *Г* повторяются все те же статьи, какие находятся в сборнике со списком *X*, кроме «Слова Максима Грека». В сборник со списком *Г* включены и другие статьи (летопись, родословие литовских князей, родословие русских князей, «Литовскому роду починок», «Житие и хождение игумена Даниила»). Интересно отметить, что последовательность расположения статей, одинаковых для обоих сборников, в сборнике со списком *Г* такая же, как и в сборнике со списком *X*. Можно думать, что сборник, содержащий список *Г*, возник на основе если не самого сборника со списком *X*, то рукописи, очень близкой ему, с привлечением статей из других рукописей.

К той же группе, что и списки *У*, *Ч* и *Г*, относится список из собрания Центрального Государственного архива древних актов, фонд 181, № 20/25 (*Н*). Список находится в сборнике, который написан двумя почерками: полууставом конца XVII в. и скорописью начала XVIII в. «Сказание о князьях владимирских» начинается с л. 841 об. Заголовок написан киноварью. Киноварью же написан и подзаголовок «Поставление. . .». Трудно сказать, к какому списку рассматриваемой группы ближе всего список *Н*. Имеющиеся у этого списка расхождения с основным списком не характерны для других списков данной группы. Правда, в двух случаях разночтения списка *Н* совпадают с разночтениями списка *Г*: в том и другом списках вместо «Сотр» написано «Сотрю», вместо «Трувор» — «Трувар», а кроме того в обоих списках имеется одинаковый единственный для списка *Н* пропуск: «Егда седе». Более или менее существенные разночтения в списке *Н* с основным списком следующие: вместо «Арфаксадова» написано «Арфаксада», вместо «Мерсем» — «Герсем», вместо «воцарися во Египте» — «воцарися

во Египте и царствова», вместо «же» — «жену его», вместо «пятдесятникы» — «пятодесятоначалники», вместо «благъпремудре и царский» — «премудрый царь», вместо «во святей Софеи» — «во церкви святей Софеи». Встречаются некоторые перестановки слов во фразах, например, часто вместо «князь великий» написано «великий князь», вместо «вои свои» — «своя вои». Имеются искажения дат: вместо «6375» стоит «6370», вместо «6633» — «6683». Текст «Сказания» кончается на л. 844 об. После «Сказания», с л. 844 об., следует краткое родословие русских князей, которое кончается сыновьями Ивана III и упоминанием «великого князя Ивана Ивановича сынове Дмитрей от княгини Елены Волошанки». По составу статей рукопись, содержащая список *Н*, близка рукописи со списком *Г*.[1] Они содержат сходные между собой тексты летописей. Кроме того, в них помещен целый ряд одних и тех же статей, которые в отличие от других статей в рукописи со списком *Н* написаны одним почерком («Летописец вкратце», «Сказание о князьях владимирских», родословие русских князей и литовских, список с грамоты митрополита Алексея, ханские ярлыки, «Литовскому роду починок»). В сборнике со списком *Н* имеются и другие статьи, которые отсутствуют в сборнике со списком *Г*, это — родословие удельных князей, «Житие Иоасафа Каменского» и «Сказание о Каменном монастыре». По мнению А. А. Шахматова, обе эти рукописи имели общим источником сборник XVI в., который в одном случае подвергся одним дополнениям, в другом — другим.

Выше было сказано, что сборник со списком *Х* по составу статей близок сборникам, содержащим списки *Ч* и *Г*. В свою очередь, как только что было установлено, близки между собой сборники со списками *Г* и *Н*. Поэтому можно думать, что все пять сборников создавались на основе если не одной рукописи, то рукописей, близких между собой.

Во всех рассмотренных сборниках перед «Сказанием о князьях владимирских» помещен «Летописец вкратце», а после, кроме случая с последним списком, помещен чин венчания на царство. При этом, учитывая, что сборники со списками *Х*, *У*, *Ч*, *Г* и *Н* близки по происхождению, можно предполагать, что и в той рукописи, из которой был заимствован текст списка *Н*, чин венчания на царство также имелся. Надо думать, что «Сказание» и чин венчания на царство переписывались рядом не случайно. Связь их между собой подтвердится при рассмотрении других списков второй редакции.

---

[1] А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи. стр. 165.

По составу разночтений от разобранной группы отличаются близкие между собой списки *Е*, *Ж*, *З*.

Один из них — список Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде из собрания Соловецкого монастыря, № 962 (*Е*).[1] Список находится в сборнике, писанном почерком начала XVII в. Вначале помещены оглавление и зачеркнутые пометы: «Старца Ферапонта болнишного» и «Послушника старца Аникия Соловецкаго монастыря». «Сказание о князьях владимирских» начинается с л. 1. Сразу же после «Сказания», с л. 10, следует «Чин и поставление на великое княжение». Перед нами чин венчания на царство, без указания имени царя. Данный список «Сказания» с пропусками в тексте, с искажениями в названиях, с некоторой заменой слов.

В большинстве случаев имеющиеся в списке *Е* отступления от основного списка характерны и для списка, включенного в рукопись Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде, шифр Q.XVII.149 (*Ж*).[2] Рукопись эта относится к концу XVI в. На лл. 1—124 в ней находится «Домострой», затем идут чистые листы, а далее, с л. 138 об., начинается «Сказание о князьях владимирских». Название и подзаголовок в тексте «Поставление...» написаны киноварью. Значительной части текста «Сказания» недостает: со слов «в лето 5457» по «совет даю вам аз». Очевидно, часть листов была потеряна. В списке имеются и другие, менее значительные пропуски, некоторые из них совпадают с пропусками в списке *Е*. Наиболее существенные разночтения списка *Ж*, одинаковые с разночтениями списка *Е*, следующие: вместо «Сказание о великих князех» в этих списках написано «Сказание великих князей», вместо «пакы» — «как», вместо «Египетьское царство» — «царство свое», вместо «чиноначалникы» — «началники», вместо «крестившаго» — «просветившаго», вместо «моего» — «своего», вместо «ставятся» — «поставятся», к словам «Александра» и «Птоломеа» добавлено «царя». Анализ разночтений приводит к убеждению, что список *Е* был списан со списка *Ж* или со списка, очень близкого ему. В рукописи со списком *Ж* сразу же после «Сказания»,

[1] Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. 2. Казань, 1885, стр. 553.

[2] Текст «Сказания о князьях владимирских» был издан И. Н. Ждановым по этому списку со вставками по другим спискам, содержащимся в рукописях из Публичной библиотеки в Ленинграде (собр. Погодина, № 1572; О.IV.21; F.IV.238). Изданный текст представляет собой произвольное соединение исследователем той и другой редакций «Сказания» (И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 588—602).

с л. 138 об., следует «Чин и поставление на великое княжество». Это чин венчания Федора Иоанновича.

Близок спискам *Е* и *Ж* список из собрания Центрального Государственного архива древних актов, фонд № 196 (Мазурина), № 930 (*З*). Текст «Сказания» помещен в рукописи на лл. 1—3 об., писан почерком середины XVII в. Заголовок написан киноварью. Водяной знак — крепостные ворота. Текст «Сказания» не окончен, обрывается словами «святым креще нием», т. е. он доведен только до «Поставления» и представляет собой первую часть «Сказания». Основанием отнести список *З* ко второй редакции служит близость его текста соответствующему тексту списков *Е* и *Ж*. Сразу после «Сказания» начинается «Челобитная нижегородских попов в лето 7144 великому государю святейшему Иосафу патриярху московскому и всея Русии...». Список *З* особенно близок списку *Ж*. Они имеют одинаковые разночтения с основным списком. В списке *З* мы находим и свои особые разночтения. Пропуски в тексте незначительны, выпущены отдельные слова: «Ноа», «его». Есть замена слов, которая присуща только этому списку: вместо «царь» написано «человек», вместо «въставити» — «избавити», вместо «именем Олег» — «князь великий». Некоторые отклонения наблюдаются и в передаче названий и имен.

Неточным является список Библиотеки Академии Наук СССР, шифр 17.8.2 (*Т*). Список находится в сборнике, писанном почерком конца XVII в. Водяной знак — герб города Амстердама. Сборник поступил в библиотеку по особому реестру книг «из дома царевны Натальи Алексеевны» (в реестре значится под № 111). Первую половину сборника занимает текст жития Александра Македонского. После чистого листа, с л. 189, помещено «Сказание о князьях владимирских», сразу же после него, с л. 196, начинается «Чин поставления на великое княжество» — чин венчания на царство, в котором имя царя не указано. Список *Т* без утраченных листов, текст доведен до конца, т. е. кончается погребением Владимира Мономаха. Однако в данном списке пропущено много отдельных фраз и слов, некоторые слова написаны иначе, чем в основном списке, имеются и перестановки слов. Все эти особенности списка *Т* характерны и для списка *Я*, о котором пойдет речь ниже. Расхождения же с основным списком, свойственные только списку *Т*, незначительны: вместо «отлучися Хус» написано «отлучахуся», вместо «рода» — «града», вместо «наследници» — «настолницы»; пропущено слово «здравии».

Очень близок списку *Т* список из собрания Отдела древних рукописей Ленинградского отдела Института истории Академии

Наук СССР, № 256 (*Я*). «Сказание» находится в сборнике, который написан одним почерком XVIII в. Посвящен он событиям второй половины XVI в. Состав статей этого сборника, помещенных после «Сказания», полностью совпадает с составом предыдущего. Водяной знак — гербовый щит. «Сказание» помещено на лл. 2—5 об. Заголовок его и «Поставление...» написаны киноварью. Заголовок и начало целиком совпадают с заголовком и началом списка *Т*; здесь только произведено позднейшее осмысление: в списке *Т* написано — «О история Ханаонова града», в списке *Я* — «О история Хана онова града». В разбираемом списке сделаны такие же пропуски, как и в списке *Т*: «от благословениа отца своего Ноа, зане не покры наготы», «Антонину же пришедшу с многими вои по суху и по морю», «лучи ми есть с покоем царствовати», «И молиша князя Рюрика посланници от всех новгородцов, дабы шел к ним княжити», «над различными чины борениа тысящники», «иже от начала вечных лет твоего благородиа». Замены слов в некоторых фразах те же, что и в списке *Т*: вместо «ефиопскому» написано «египетскому», вместо «аспидовым» — «ядовитым», вместо «именем» — «имя ему», вместо «до четвертаго роду» — «лет», вместо «с нашим» — «с вашим», вместо «времяна» — «лета», вместо «выа» — «свояси», вместо «боговенчанный» — «благочинный». Однако в списке *Я* есть и разночтения, свойственные только этому списку, но они незначительны по сравнению с теми, которые общи с разночтениями списка *Т*. Как и в большинстве списков второй редакции, после «Сказания», с л. 5 об., следует «Чин поставления на великое княжество». Это чин венчания Ивана IV, имя которого упомянуто в самом чине венчания. В рукописи, содержащей список *Т*, в чине венчания имени царя не указано. Связь между этой рукописью и разбираемой несомненна. Поэтому можно уверенно говорить, что, хотя в первой рукописи имя царя не указано, в протографе обеих стояло имя Ивана IV: пропуск имени безусловно явление позднейшее.

Можно говорить только об отдаленной связи между списками *Т* и *Я* и списком Публичной библиотеки в Ленинграде из собрания Титова, № 3439 (*И*). В сборнике, где находится список *И*, перед «Сказанием о князьях владимирских» помещено житие Александра Македонского, как и перед списком *Т* из царской библиотеки, но других данных о взаимозависимости этих списков нет. Сборник написан почерком конца XVI — начала XVII в. «Сказание» помещено на лл. 133—137. Текст «Сказания» полный, отклонения от основного списка незначительны и выразились главным образом в передаче названий и имен. Так, вместо «Арфакса» написано «Афракса», вместо

«в Сосвенех» — «Сосвинех», вместо «Хвоини» — «Хвонии», вместо «Африкию» — «Афракию». После «Сказания» в сборнике помещены тексты лечебников.

Сравнение перечисленных списков второй редакции убеждает, что все расхождения между списками не настолько значительны, чтобы усматривать в них различные виды, а тем более редакции. Тексты их в основном совпадают между собой. Все они, кроме неполного списка *З*, кончаются упоминанием даты и места погребения Владимира Мономаха, почти во всех сборниках после «Сказания» сразу же следует «Чин и поставление на великое княжество». Чин венчания Ивана IV помещен в сборниках после списков *Х* и *Я*; чин венчания Федора Иоанновича — после списков *Ч* и *Ж*; чин венчания без указания имени венчаемого — после списков *Г*, *У*, *Е* и *Т*. Отсутствует чин венчания в сборнике со списками *Н*, *З* и *И*. Однако, несмотря на то, что в трех случаях после «Сказания» помещен иной текст, рассмотрение состава всех сборников, содержащих «Сказание» второй редакции, и сопоставление их между собой убеждает нас в том, что в протографе после «Сказания» данной редакции находился чин венчания на царство.

Такое сочетание текстов «Сказания о князьях владимирских» и чина венчания на царство в большинстве сборников рассматриваемой редакции не случайно. Естественно предположить, что текст этой редакции «Сказания» был использован в виде вступительной статьи к чину венчания и возник именно с этой целью.

В пользу того, что вторая редакция «Сказания» служила предисловием к чину венчания, свидетельствует повторение слова «поставление» в заглавии чина венчания после упоминания этого слова в подзаголовке внутри текста «Сказания», чем, повидимому, подчеркивается логическая зависимость, которую можно усмотреть между второй частью «Сказания» и чином венчания. Кроме того, уже самый факт наличия подзаголовка во второй редакции «Сказания», в отличие от первой редакции, также подтверждает наше предположение. К чину венчания имеет большее отношение вторая часть «Сказания», чем первая часть. Подзаголовок же как бы разделяет «Сказание» на две части и указывает, что вторая часть не менее важна, чем первая. В большинстве рукописей этот подзаголовок выделен киноварью.

Впервые на царство венчался Иван Грозный. Право на царский титул ему надо было завоевать: Западная Европа не хотела видеть в нем царя. Борьба за укрепление централизованного государства продолжалась, а с вопросом укрепления централизованного государства тесно был связан и вопрос укреп-

ления царской власти. Положение было очень острое. Именно тогда нужно было обоснование права русских государей на царский титул, которое и дано в «Сказании» второй редакции.

Наше заключение подтверждается данными состава сборников той из групп, к которой относится основной список Венчание на царство — официальный акт, в котором принимал участие митрополит. Не случайно, что в сборниках, содержащих списки *Х*, *Ч*, *Г*, чин венчания на царство находится вместе со «Сказанием» в составе других документов, часть которых связана с деятельностью митрополита. В рукописи со списком *У* «Сказание» и чин венчания помещены вместе с чинами церковного ритуала.

Итак, текст рассмотренной редакции «Сказания» в двух случаях находится в рукописях вместе с чином венчания Ивана IV. Это позволяет думать, что «Сказание» второй редакции появилось в годы его царствования. Венчание же Федора Иоанновича было делом традиции, поэтому в его время переписывали уже готовое предисловие и сам чин венчания, заменяя только имя Ивана Грозного именем Федора Иоанновича.

В дальнейшем рассмотрение «Сказания» первой редакции и повестей, связанных со «Сказанием», поможет уточнить время появления второй редакции. Более подробно об обстоятельствах и времени появления второй редакции «Сказания» будет сказано позже — в главе III.

Текст «Сказания» второй редакции содержится и в рукописи Библиотеки Академии Наук СССР, шифр 31.6.27 (*Р*). Эта рукопись самого конца XVI в. «Сказание» помещено на лл. 18—21. Текст его соответствует тексту второй редакции, но тем не менее о списке *Р* приходится говорить отдельно. Текст этого списка не имеет значительных расхождений с текстом списка *Х*, кроме того, что в нем отсутствует окончание, характерное для списков второй редакции. Можно без особых колебаний утверждать, что текст списка *Р* представляет собой текст «Сказания» второй редакции, из которого было исключено окончание. Исключение это объясняется тем назначением, которое «Сказание» приобрело в составе сборника. В большинстве разбираемых до сих пор рукописей «Сказание» помещалось как вступительная статья к чину венчания на царство. Здесь же рассказ «Сказания» вставлен в текст Хронографа. И назначение текста «Сказания» в данном случае совсем иное: он преподносится как краткое историческое повествование. Об этом же говорит и изменение названия в списке *Р*: «От потопа вкратце летописчик» вместо «Сказание о князьях владимирских». Очевидно, в данном списке потому недостает дополни-

тельных сведений о Владимире Мономахе, что это было бы излишней подробностью при краткости изложения таких значительных событий. В остальном, как мы уже сказали, сравнение текста списка *Р* с основным дает незначительные разночтения. Особенности списка *Р* не могут поколебать основного вывода о характерных признаках второй редакции. Этот список приходится упоминать в связи с данной редакцией, так как текст «Сказания», который он содержит, в основном соответствует тексту второй редакции. Полагаем, что список *Р* представляет собой позднейшее использование «Сказания», применявшегося ранее в качестве предисловия к чину венчания.

* * *

Перейдем к рассмотрению списков первой редакции.

Списки первой редакции по смысловым и иным расхождениям в тексте распределяются следующим образом. За основной список первой редакции выбираем список *Ц*. Близкими списку *Ц* являются списки, которые составляют одну из групп сходных между собой списков, — списки *М, Б, б, а*. Также близок списку *Ц* список *Д*, хотя его и нельзя причислить к группе списков *М, Б, б, а*. Во вторую группу списков, близких между собой по ряду особенностей, включается довольно большое количество списков — *А, В, К, Л, д, О*, причем связаны они между собою в следующем порядке. Списку *А* близок список *В*. В свою очередь, есть много своих, одинаковых особенностей у списков *В* и *К*. Список *Л* более близок списку *К*. Какому из списков этой группы ближе всего списки *д* и *О*, трудно сказать. Особо приходится говорить о списках *С* и *Ю*.

За основной принимается нами список Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина из собрания Волоколамского монастыря, № 572 (*Ц*).[1] Текст «Сказания» находится в сборнике, состоящем из ряда рукописей. «Сказание» помещено в четвертой рукописи, которая написана одним почерком — скорописью XVI в. Рукопись начинается с л. 190 и открывается «Сказанием». Сразу же после «Сказания», с л. 198, идет «Родство великих князей литовских». Заголовки «Сказания» и «Родства» написаны киноварью. С л. 202, после родословия, тем же почерком написано: «Во образе Давидове Матфей евангелист глаголет о нем». Текст, написанный этим почерком, кончается на л. 204. Остальная часть листа не заполнена. На об-

[1] Иосиф, иеромонах. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882.

ратной стороне листа написано: «Сии тетрати Ильи попа рождественского, а писал их Вавила Халдей». Почерк, которым написана эта фраза, похож на тот, которым писано «Сказание» и дальше, до л. 204. О монахе Илье, священнике новгородской церкви Рождества на сенях, говорится в летописях под 1534 и 1535 гг.[1] Возможно, что он и есть владелец данной рукописи, которая, в таком случае, была написана в первой половине XVI в. Отметим сразу же, что все остальные списки первой редакции относятся уже к XVII в.

Принять список *Ц* за основной заставляет нас также сравнение основных разночтений между имеющимися списками первой редакции. Как уже было сказано, существует близкая связь между списками *А*, *В*, *К*, *Л*, *д*, *О*. Это свидетельствует только о том, что они имеют общий протограф, а не об исправности этих списков. Характерно, что пропуски в этих шести списках не совпадают с пропусками в тексте списков *М*, *Б*, *б*, *а*. В тексте списков *А*, *В*, *К*, *Л*, *д* и *О* есть и неточности; поэтому ни один из них нельзя взять за основной. Группа списков *М*, *Б*, *б*, *а*, в которую входит основной, также имеет ряд неисправностей. Сравнивая обе группы между собой и список *Ц* со всеми остальными списками обеих групп, убеждаемся в том, что список *Ц* сохранил наиболее исправный текст первой редакции. В списке *Ц* нет пропусков, которые должны были бы быть исправлены по всем остальным спискам. Есть, правда, несколько случаев, когда список *Ц* имеет явные описки, легко исправляемые по другим спискам: «чиночялники» (надо «чиноначалники»), «подкладати» (надо «покладати»), «Августия» (надо «Август»), «четыре и патриарх» (надо «четырех патриарх»).

Наиболее близки основному списку и в то же время близки между собою списки *М*, *Б*, *б*, *а*. В ряде случаев все они имеют одни и те же разночтения с основным списком. Вместо слов «и Клеопатру. Она» в списках *Б*, *М*, *б*, *а* написано «Клеопатра», вместо «Пиона» — «Тиона», вместо «будет» — «будут», вместо «а» — «от». Во всех четырех списках пропущены слова «ми», «и милитиньска» и добавлено «постави». Дальнейшее сравнение разночтений показывает, что, в свою очередь, списку *М* ближе список *Б*, а списку *б* — список *а*.

Близким основному списку является список Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде из собрания Погодина, № 1572 (*М*).[2] Этот список «Сказания» находится в сборнике

[1] ПСРЛ, т. V, стр. 74; т. VI, стр. 296.

[2] А. Ф. Бычков. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки, ч. 1. СПб., 1882, стр. 63.

на лл. 115—121. Писано «Сказание» почерком середины XVII в. Разночтения с основным списком в списке *М* не велики, в большинстве случаев они совпадают с разночтениями списка *Б*: например, вместо «Хвоини» в этих списках написано «Хвоица», вместо «второму» — «другому», вместо «моего» — «своего», вместо «превознесется» — «вознесет», вместо «совет» — «ответ». В том и другом списке пропущено «опечалися зело о братне смерти», кроме того, есть несколько пропусков отдельных слов. Разночтений, свойственных только списку *М*, очень мало, и они незначительны. Сразу же после «Сказания» в разбираемой рукописи следует «Родство великих князей литовских».

Список Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде из собрания Кирилло-Белозерского монастыря, № 27/1104 (*Б*), находится в сборнике, содержащем статьи различного содержания. Написан сборник скорописью первой половины XVII в. С л. 171 об. начинается «Сказание», заголовок которого написан киноварью. В основном разночтения списка *Б* были приведены при описании списка *М*. Но в отличие от списка *М* в данном списке несколько больше разночтений, характерных только для списка *Б*. Наиболее существенные из них следующие: вместо «пооблада» в списке *Б* написано «облада», вместо «вся» — «взя», вместо «нумеры» — «умеры», вместо «боголюбивый» — «благолюбивый», вместо «боговенчаньный» — «благовенчанный». Только в списке *Б* пропущены слова «даже до сей страны» и добавлено «в лето 6 (тысяч)». Сразу после «Сказания», с л. 180 об., начинается «Родство великих князей литовских».

Немного расхождений с основным списком и у списка Центрального Государственного архива древних актов, фонд 196 (Мазурина), № 373 (*б*). Рукопись писана двумя почерками второй половины XVII в. Начинается рукопись краткими летописными заметками со времени Владимира Святославича, доведенными до Алексея Михайловича и патриарха Никона. На лл. 32—34 помещено написанное другим почерком краткое родословие великих князей русских, которое кончается Федором Иоанновичем. Следом за родословием помещены заметки различного содержания. «Сказание» начинается с л. 45 и кончается на л. 52. О разночтениях, общих спискам *М*, *Б*, *б*, *а*, было сказано выше. Большинство же особых разночтений списка *б* характерны также и для списка *а*. Перечислим некоторые из разночтений, свойственных только спискам *б* и *а*: вместо «рядники» в основном списке в этих списках читается «уряднику», вместо «времяни» — «дни», вместо «въставити» — «отставити», вместо «царства» — «государства», вместо «смирении» — «мире»,

вместо «Всеслав» — «Святослав». В том и другом списке добавлены слова «великого князя Владимера Киевского». Разночтений, присущих только списку *б*, очень небольшое количество. Особенность списка *б* заключается в том, что после «Сказания» в нем идет не родословие литовских князей, а статья под заглавием «О поклонех». Далее следует: «Выписано из печатного изстория киевскаго», «Повесть о взятии Цариграда», «О убиении Батыя», затем на листе 84 об. начинается: «В лето 6763 по пленении безбожнаго Батыя избежал от плена...» — родословие литовских князей, которое в большинстве случаев помещается после текста «Сказания» первой редакции. Данное родословие неполное, рассказ его оборван.

Как уже было сказано, списку *б* близок список Государственной Библиотеки им. В. И. Ленина из собрания Румянцева, № 459 (*а*).[1] Текст «Сказания», написанный скорописью XVII в., помещен в конце Хронографа, на лл. 525—531. Водяной знак — кувшинчик. Разночтения более или менее существенные совпадают целиком с разночтениями списка *б*. Разночтения с основным списком, свойственные только списку *а*, совершенно незначительны, например: вместо «четвертаго» в этом списке написано «четыредесятого», вместо «настолницы» — «на столице», вместо «духом» — «богом». Список *а* близок списку *б* и той особенностью, что после «Сказания» сразу же следует не родословие литовских князей, а тот же текст «О поклонех», что и в предшествующей рукописи. За текстом «О поклонех» идет краткое родословие великих князей русских, такое же, какое есть в рукописи, где помещен список *б*, правда, в рукописи списка *б* оно помещено до «Сказания». Это родословие кончается сыновьями Ивана IV. Наличие в рукописях одинаковых статей свидетельствует о близкой связи этих двух рукописей. Однако в рукописи, где помещен разбираемый список, родословие литовских князей полностью отсутствует.

Близок основному списку и список в сборнике Публичной библиотеки в Ленинграде, шифр O.IV.21 (*Д*). Сборник состоит из трех рукописей. Рукопись, в которой помещен список *Д*, писана скорописью середины XVII в. С л. 53 сначала помещено родословие великих князей русских, потом удельных. Родословие великих князей кончается княжением Ивана III и перечислением его сыновей. После родословных, на лл. 152—165 об., помещено «Сказание». Данный список так же близок основному, как и список *М*. Однако по характеру разночтений он

---

[1] А. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 779.

отличается от только что описанных списков. Очевидно, перед тем, кто писал список *Д*, лежал исправный текст, близкий списку *Ц*, но написанный недостаточно разборчивым почерком. Этим главным образом объясняются пропуски в тексте списка *Д*: в нем оставлены чистые места для тех слов, которые не были поняты. В списке *Д* пропущено «зане не покры наготы отца своего Ноа», кроме того, пропущен ряд отдельных слов. По сравнению с основным списком есть замена слов, например: вместо «видеша» в списке *Д* написано «ведеша», вместо «реце» — «реш», вместо «боговенчаньный» — «благовенчанный», вместо «сим» — «с ним». В основном разночтения — буквенные. После «Сказания» идет «Род ростовских князей», текст которого находится уже в следующей рукописи.

Из другой группы списков (*А*, *В*, *К*, *Л*, *д*, *О*) меньше расхождений с основным списком в списке *А*. Разночтений, которые не были бы свойственны остальным спискам данной группы, в нем очень мало и они несущественны. Из этого можно заключить, что список *А* лучший из пяти.

Список Публичной библиотеки в Ленинграде, шифр Q.IV.497 (*А*), находится в рукописи, представляющей собой родословную книгу, которая написана скорописью второй половины XVII в. «Сказание» начинается с л. 1. Заголовок написан киноварью. Разночтения, общие остальным спискам разбираемой группы, будут рассмотрены позже, самостоятельные же, как мы уже сказали, несущественны и их немного, например вместо «Алимъпияды» — «Алиписиады», вместо «ряднику» — «подряднику». Сразу же после «Сказания», которое кончается на л. 10, без заголовка начинается текст: «Лета 6840-е по пленение безбожного Батыя избежал от плена его некий князь именем Витянец. . .». Это — родословие литовских князей, которое помещено здесь после «Сказания» так же, как и после других текстов первой редакции. Изложение родословия кончается на л. 14 об. Дальше идет небольшая статья «Летописец избранный вкратце», в которой перечисляются русские князья от Рюрика до Федора Иоанновича, названного царем, и родословие великих князей русских, затем удельных.

После списка *А* следует рассмотреть близкий ему список из сборника Публичной библиотеки в Ленинграде, шифр Q.IV.272 (*В*). Сборник писан скорописью XVII в. С л. 1 начинается «Сказание», в тексте которого есть разночтения, общие всем пяти спискам, но есть также разночтения, которые свойственны только данному списку и списку *К*. Об этих последних разночтениях пойдет речь после описания списка *К*. Разночтения, присущие только списку *В*, не велики, например: вместо

«возвратися» написано «возрадовася», вместо «пленьницею» — «пленизею», вместо «въставити» — «поставити». Сразу же после «Сказания», с л. 13 об., следует родословие литовских князей, после которого уже помещено родословие великих князей русских и удельных. Весь сборник представляет собой родословную книгу.

Близким списку *В* является список в рукописи Публичной библиотеки в Ленинграде из собрания Петербургской духовной академии, № 302 (*К*).[1] Эти два списка имеют довольно большое количество общих разночтений. Например, в них вместо «От история Ханаонава» написано «От история царя Ханаонава», вместо «имя граду в свое имя» — «имя граду тому в свое место», вместо «принес Александр Македоньский от Иньдиа» — «принес Александр Македонский от Андрея». В списке *К* есть также некоторые разночтения, присущие только этому списку. Вместо написанного в основном списке «Филиксе» в списке *К* читается «Филиксеме», вместо «царица» — «царевна», вместо «повершии» — «повершися», вместо «антиохийскаго» — «ахинскаго», вместо «жит Прус» — «жи от Пруса». По сравнению с основным списком в списке *К* добавлены слова «Хам», «Август», «своя». Некоторые пропуски слов тоже имеются, например пропущено «сей же Сеостр». С л. 1 сборника, написанного скорописью XVII в., начинается «Сказание». Сразу же после «Сказания», на л. 6, помещено родословие литовских князей, которое кончается на л. 9. Далее следует статья «Летописец избраный вкратце», в которой перечисляются русские великие князья до Федора Иоанновича, затем — родословие великих русских князей и удельных. Рукопись представляет собой родословную книгу.

Близок списку *К* список в сборнике Публичной библиотеки в Ленинграде из собрания Погодина, № 1604 (*Л*).[2] Этот сборник состоит из ряда рукописей. Одна из рукописей начинается «Сказанием о князьях владимирских», которое помещено на лл. 525—530 об. После «Сказания» идет родословие литовских князей, далее, с л. 534, — «Летописец избранный вкратце» (такая же статья, как в рукописи со списком *К*). Затем помещено родословие великих и удельных князей. Рукопись писана почерком XVII в. и представляет собой родословную книгу. В списке *Л* наряду с разночтениями, общими всем пяти спискам,

---

[1] А. Родосский. Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии и составляющих ее первое повременное собрание. СПб., 1894, стр. 297.

[2] А. Ф. Бычков. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников. . ., стр. 319.

имеются разночтения, которые в большинстве случаев совпадают с текстом списка *К*, иногда с текстом списка *В*. Но, кроме того, в списке *Л* содержится немалое количество разночтений, свойственных только этому списку, хотя разночтений смыслового характера немного: например, вместо «браку» в списке *Л* написано «брату», вместо «царьски» — «церкви», вместо «христиане» — «веры».

Наиболее существенными разночтениями, общими спискам *А*, *В*, *К* и *Л*, будут следующие. По сравнению с основным списком вместо «две близняте» в этих списках написано «два сына», вместо «имянем Олег» — «имя ему Олег», вместо даты «5457» поставлена дата «5057», вместо «второму Хус» в списках *А* и *Л* читается «другому Мус», в списках *К* и *В* — «другому имя Мус».

Во всех четырех списках в заглавии после слова «владимерских» добавлено «и московских», в то же время отсутствуют слова в тексте, например, «зане не покры наготы отца своего Ноа», «велможи», «живоначалныа».

Близок спискам *А*, *В*, *К*, *Л* список Центрального Государственного архива древних актов, фонд 181, № 67/90 (*д*). Рукопись писана скорописью конца XVII в. Текст «Сказания» находится на лл. 1—7. Существенные разночтения с основным списком, характерные для группы списков *А*, *В*, *К* и *Л*, здесь тоже имеются, за некоторым исключением: как и в основном списке, в списке *д* написано «два близняте», в заглавие не внесено добавление «и московских». Перечисленные пропуски, свойственные спискам *А*, *В*, *К*, *Л*, в тексте списка *д* также повторены. Текст списка *д* в основном полный, разночтения почти все совпадают с общими разночтениями списков *А*, *В*, *К*, *Л*, разночтений, свойственных только списку *д*, очень мало. К которому из списков рассматриваемой группы ближе всего список *д*, сказать трудно. Сразу же после «Сказания», с л. 7, идет текст без заглавия: «Лета 6 тыс. осмьсот четыре десятое по пленении безбожнаго Батыя избежал от плена...». Это — родословие литовских князей. После него помещено краткое родословие великих князей русских, которое кончается перечислением сыновей Ивана IV — Ивана и Федора. Вслед за родословием великих князей помещены родословные удельных князей. Вся рукопись представляет собой родословную книгу, а «Сказание» является вступительной статьей к ней.

Все пять списков «Сказания» (*А*, *В*, *К*, *Л* и *д*) близки между собой. Если сравнить и весь состав рукописей, включающих данные списки, то окажется, что состав этот везде один и тот же; все рукописи представляют собой родословные книги,

в которых один и тот же порядок статей. Все эти рукописи имеют общий источник.

В состав родословной книги входит еще один список «Сказания о князьях владимирских» — список Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде из собрания Общества любителей древней письменности, № 196 (*О*). Родословная книга писана почерком конца XVII—начала XVIII в. Открывается она «Сказанием о князьях владимирских», заголовок к которому написан киноварью. «Сказание» находится на лл. 1—7. Сразу же за «Сказанием», на лл. 7—10 об., помещено родословие литовских князей. Следом идет статья под заглавием «Летописец вкратце»; она представляет собой подробное родословие великих князей русских, которое кончается упоминанием сыновей Ивана IV, причем Федор Иоаннович назван царем. По характеру разночтений в тексте «Сказания» список этот близок с только что перечисленными списками; ближе всего он спискам *В* и *К*.[1]

Несколько особо приходится говорить о списке Библиотеки Академии Наук СССР, шифр 4.7.28 (*С*).[2] Текст «Сказания» находится в составе родословной книги, которая писана почерком XVII в. Водяной знак — кувшинчик. «Сказание» помещается на лл. 17—24 об. Список не имеет конца, очевидно, в рукописи утеряна часть листов. Обрывается рассказ на том месте, где говорится, что Владимир Мономах отправляет воинство во Фракию. Судя по тому, что отсутствует подзаголовок в рассказе о мономаховых регалиях, и по отдельным выражениям этот список следует отнести к первой редакции. По составу разночтений трудно определить, какому списку из списков первой редакции он ближе. Текст списка *С* имеет много разночтений, большое количество пропусков. После «Сказания» сразу же идет родословие сначала великих князей русских, где последним назван Федор Иоаннович, потом — удельных князей. Дальше в родословной книге рассказывается о турецких царях, европейских королях, после чего на л. 61 начинается родословие литовских князей.

Можно отнести к первой же редакции отрывок «Сказания» в сборнике Государственного Исторического музея из собрания

---

[1] Список *О* обнаружен нами тогда, когда книга уже была сдана в набор, поэтому в издании текста первой редакции «Сказания» варианты по нему не подведены и в данном исследовании он рассматривается особо. Впрочем, данные списка полностью подтверждают все наши выводы относительно группы *А*, *В*, *К*, *Л* и *д*.

[2] В. И. Срезневский и Ф. П. Покровский. Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии Наук СССР, т. 3. Л., 1930, стр. 156—157.

Вострякова, № 1223 (*Ю*). Начинается «Сказание» в сборнике с л. 261 об., обрывается словами: «во глубочайшая страны Иньдея». По тексту этого отрывка трудно определить, к какой редакции мог бы относиться полный текст «Сказания», так как характерные признаки редакций здесь отсутствуют, но все же он ближе подходит к первой редакции; имеющийся текст почти буквально соответствует первой редакции. После этого отрывка из «Сказания» в рукописи идет родословие великих князей русских.

Ознакомившись с наличными списками первой редакции, можно сделать следующие выводы. О группе списков (*Ц, Б, М, а, б, Д*), которые не входят в сборники определенного состава, мы не можем сказать, что они имели своим протографом один и тот же текст или списаны были один с другого. О такой близкой связи можно говорить только применительно к спискам *а* и *б*. Между тем тексты списков этой группы имеют очень незначительные отклонения друг от друга.

Списки другой группы (*А, В, К, Л, д* и *О*) близки между собою как по особенностям в тексте, так и по одному и тому же составу рукописей, в которых помещен текст «Сказания». Содержание рукописей — родословные книги.

Рассматривая эти две группы текстов, попытаемся решить вопрос о том, в каком сочетании с другими памятниками первоначально выступает в рукописной традиции «Сказание» первой редакции.

В результате изучения состава рукописей, включающих текст «Сказания» первой редакции, выясняется, что все списки «Сказания» так или иначе связаны с родословными. В сборниках списков *Ц, Б, М* после «Сказания» помещено родословие литовских князей. В сборниках списков *а* и *б* имеется одно и то же родословие русских великих князей, кончающееся сыновьями Ивана IV. Кроме того, в сборнике списка *б* помещено также родословие литовских князей. Список *Д* находится в сборнике, где перед «Сказанием» помещено родословие великих князей русских, кончающееся перечислением сыновей Ивана III, и после «Сказания» идет родословие князей ростовских. После списков *С* и *Ю* непосредственно следует родословие великих князей русских.

Списки *А, В, К, Л, д, О* входят в сборники с одинаковым составом статей. Все эти сборники представляют собой родословные книги и открываются «Сказанием о князьях владимирских». Непосредственно после «Сказания» следует родословие литовских князей, а затем великих князей русских. Можно предположить, что связь между «Сказанием» и родословными обусловлена тем, что «Сказание» первой редакции использовалось

как вступительная статья к ним, что и видно на примере списков *А, В, К, Л, д* и *О*. Но в таком случае, почему сразу после «Сказания» во всех этих рукописях следует текст родословия литовских князей, а не родословие князей русских, к которому «Сказание» могло служить введением с гораздо большим основанием? Только за родословием литовских князей следует текст родословия князей русских.

Родословие литовских князей помещено непосредственно за «Сказанием» и в сборниках списков *Ц, Б, М*. Отметим, что в этих сборниках других статей, относящихся к родословным, не имеется. В рукописи списка *б* родословие литовских князей помещено несколько отступя.

Таким образом, в девяти рукописях (*Ц, Б, М, А, В, К, Л, д, О*) сразу после «Сказания» следует родословие литовских князей. Можем утверждать, что данная редакция «Сказания» была, повидимому, исконно связана с родословием литовских князей, и что связь эта чем-то была обусловлена. В таком случае становится понятным, почему текст родословия литовских князей попал после «Сказания», которое помещено в качестве вступительной статьи к родословию великих князей русских: эту дополнительную статью (т. е. родословие литовских князей) механически включили вместе со «Сказанием». Правилен этот вывод или нет, подтвердится при сопоставлении «Сказания о князьях владимирских» с другими произведениями, по содержанию близкими «Сказанию».

* * *

Теперь, когда выяснены особенности списков «Сказания» первой и второй редакций, своевременно обратиться к вопросу, который уже был поставлен нами выше: какая же из редакций была первоначальной? Сравнение разночтений текстов «Сказания» той и другой редакций и рассмотрение состава сборников, включающих текст «Сказания», еще не дают окончательного ответа на вопрос, которая из редакций старше. Можно сделать только некоторые предварительные предположения. Различия между редакциями существеннее во второй части «Сказания», — там, где рассказывается о добывании Владимиром Мономахом царского венца. Обратим внимание на то, что вторая редакция служит предисловием к чину венчания и что именно вторая часть «Сказания» имеет прямое отношение к вопросу венчания на царство. Отсюда можно предположить, что вторая редакция была выведена из первой ради того, чтобы приспособить «Сказание» к обоснованию венчания на царство, — создать из «Сказания» своеобразное историческое введе-

ние к чину венчания. Обратное предположение, что первая редакция возникла из второй, не могло бы найти своего объяснения. Чтобы выяснить — правильно ли такое решение, необходимо привлечение дополнительного материала, что мы и сделаем в дальнейшем.

* * *

Два списка «Сказания о князьях владимирских» нельзя отнести ни к одной из редакций. Они содержат признаки, по которым их можно отнести и к той, и к другой редакции. Общее у этих списков то, что каждый из них соединяет текст двух редакций. Однако тексты этих списков значительно различаются между собой, каждый список имеет самостоятельное происхождение.

Нельзя видеть в этих списках новых редакций, поэтому определяем их как списки смешанного состава.

Один список принадлежит Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде, собрание Титова, № 4267 (*Ф*). Текст «Сказания» помещен в рукописи после краткого родословия, которое называется «Рождение князей руских и число их вкратце». Текст родословия начинается с л. 108 об. Изложение доведено до Федора Иоанновича. Это родословие и следующее за ним «Сказание» написаны почерком первой половины XVII в. Позднейшим почерком к родословию приписаны имена последующих царей, последним назван Петр II. «Сказание» помещено на лл. 110—124 об. Название написано киноварью и имеет свои особенности: «Сказание о великих князех владимирских и всеа Русии из книги Синографа». Что представляет собой этот «Синограф» (т. е., очевидно, Хронограф), установить не удалось. Текст списка *Ф* характеризуется следующими особенностями. Первая часть «Сказания» в большей своей части соответствует тексту первой редакции, со слов же «Неофита митрополита ефескаго иже от Асия» и до конца текст следует второй редакции, заканчиваясь так же, как и вторая редакция, — датой погребения Владимира Мономаха. Текст списка *Ф* полный, добавлений, не свойственных ни той, ни другой редакции, нет. Как получилось, что текст в этом списке дописан по другой редакции, объяснить пока не удалось. Здесь могли сыграть роль случайные причины: например, дефектность списка первой редакции, с которого составитель списка *Ф* начал списывать текст «Сказания»; вынужденный прервать свою работу, он затем продолжал списывать текст с другого списка.

Второй список смешанного состава находится в рукописи Государственного Исторического музея из собрания Вахрамеева,

№ 435 (*Ш*). Установить связь данного списка со списком *Ф* нельзя: соединение двух редакций в списке *Ш* иное. Текст «Сказания» списка *Ш* помещен в рукописи на лл. 138—142, написанных почерком XVII в.; заглавие в этом списке следующее: «Корень родства государей великих князей руских имеет же начало сице». В первой части (до рассказа о Прусе) текст соответствует второй редакции. Часть текста, где рассказывается о Прусе, изложена своеобразно, отлично от первой и второй редакций: «И вселися Прус многими времены. Поживе же даже до четвертаго рода по колену племяни своего. И оттоле и до сего времяни по имени его зоветься Прусьская земля, и оттого начат в ней княжити князь великий. В таж времена некий воевода новаградский именем Гостомысл скончевает житие свое. . .». В том месте, где рассказывается о приходе Рюрика в Новгород и о вокняжении Владимира Мономаха, наличествует соединение двух редакций. Здесь нет подзаголовка, имеющегося во всех списках второй редакции, — «Поставление. . .». Между тем дата прихода Рюрика в Новгород внесена именно из второй редакции, правда с изменением: 6340 г. стоит вместо 6375 г. Из второй же редакции внесена дата вокняжения Владимира Мономаха — 6622 г. Дальше изложение ведется частично по первой редакции и частично по второй. В заключение сначала приписан конец второй редакции, причем вставлена фраза, которой нет ни в одном другом списке: «Сей князь великий Владимер Манамах поставил град Владимер Залеский в Суздальской земли в лето 6 тысяч». После фразы о погребении Владимира Мономаха текст об отпадении римской церкви возвращает нас к первой редакции «Сказания», но дан несколько расширенно. Эта часть текста совпадает с соответствующим текстом «Послания» Спиридона-Саввы, но в самом конце есть добавление, которого нет ни в «Послании», ни в обеих редакциях «Сказания»: «Быша с нами латыня во единой православней вере 735 лет и потом отпадоша правыя веры християньския, прелщени Карулом царем и Формосом, впадоша во аполинариеву ересь в лето 6386».

Таким образом, в списке *Ш* своеобразно соединены обе редакции, а приведенный в конце рассказ об отпадении римской церкви дан по «Посланию» Спиридона-Саввы. Кроме того, как мы видели, в тексте списка *Ш* имеются добавления, которые присущи только этому списку. Предположить, что из списка *Ш* были выделены в дальнейшем две основные редакции «Сказания», нельзя, так как особенности двух редакций хорошо видны по другим спискам. После «Сказания» в рукописи следует без заглавия текст родословия литовских князей, который обычно помещается после «Сказания» первой редакции.

Кроме охарактеризованных двух списков, удалось обнаружить еще четыре списка с особенностями, по которым их нельзя причислить ни к первой, ни ко второй редакции «Сказания о князьях владимирских». Особенность этих четырех списков заключается в том, что текст «Сказания» разбит в них на эпизоды и включен по частям в состав летописи или родословия в тех местах, где он подходит по изложению событий. Происхождение всех этих списков безусловно вторичное: они не представляют новой редакции, а следуют за той или другой редакцией с некоторыми изменениями. Связь и зависимость между этими списками установить трудно.

Текст одного из таких списков «Сказания» вставлен в родословную книгу Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде из собрания Вяземского, шифр F. XXI (*П*). Родословная книга, писанная скорописью XVII в., составлена из нескольких рукописей. «Сказание» помещено во второй рукописи, которая начинается с л. 39. Начало «Сказания» отсутствует. Оно, очевидно, утеряно с первыми листами рукописи. Изложение ведется с середины текста, со слов «цкой[1] смерть прият, нежели пленницею приведеной быти в Рим», и следует до слов: «Князь же Рурик прииде». Затем помещен текст родословной, который начинается словами: «Летописец избранный и вкратце. В лета 6370 по прошению Гостомыслову прииде ис Пруские земли, сиреч из немец, князь Рюрик да з ним два брата его Трувор да Синеус да племяник ево Олег. И сяде Рюрик на Новегороде Великом, а Синеус на Белеозере, а Трувор в-Ызборце...». Текст родословной продолжается до рассказа о Владимире Мономахе. С л. 41, где говорится о Владимире Мономахе, текст возвращает нас к «Сказанию» со слов: «От великого князя Владимира четвертое колено». Подзаголовок «Поставление...» здесь отсутствует, изложение ведется до л. 42 об. и оканчивается так же, как в списках первой редакции. Сразу же после текста «Сказания» помещен текст родословия литовских князей, тот самый, который следует после большинства списков «Сказания» первой редакции. Можно предположить, что писец, когда писал родословную книгу, имел перед собой текст «Сказания» первой редакции. Он использовал первую часть «Сказания» как вступление к родословию великих князей русских и довел изложение до Рюрика. После этого он стал переписывать текст самого родословия и довел изложение до Владимира Мономаха. Дальше составитель вставил вторую часть «Сказания», но не остановил изложения на Владимире Мономахе. Обычно «Сказание» первой

[1] Это окончание слова «египецкой»; см. текст. стр. 174.

редакции кончается рассказом об отпадении римской церкви, а далее следует родословие литовских князей. Все это именно так было внесено в рукопись после рассказа о Владимире Мономахе. Затем составитель продолжил изложение родословия, которое закончил на л. 51 об. словами: «У царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии дети царевич Дмитрей, да царевич Иван, да царевич и великий князь Федор Иванович всея Русии, да царевич Василей млад умре». Далее составитель поместил родословие «турских царей».

Итак, в родословной книге, о которой шла речь, использовано «Сказание» первой редакции. Можно определить, к какой группе списков первой редакции относится список *П*. Он близок спискам *А*, *В*, *К*, *Л*, *д*, *О*. В тексте его есть особенности, которые свойственны только данному списку, но большинство их совпадает с особенностями списков *К* и *Л*. Напомним, что списки *А*, *В*, *К*, *Л*, *д* и *О* помещены в родословных книгах и после каждого из этих списков следует текст родословия литовских князей. В родословную книгу, в которую включен список *П*, после рассказа о Владимире Мономахе вставлены не имеющие никакого отношения к изложению родословия русских великих князей рассказ об отпадении римской церкви и родословие литовских князей. Это могло произойти только потому, что «Сказание» первой редакции в первоначальном виде помещалось совместно с родословием литовских князей. Таким образом, и на примере списка *П* подтверждается связь «Сказания» с родословием литовских князей.

Список «Сказания», текст которого также использован в родословии русских великих князей, находится в рукописи Библиотеки Академии Наук СССР, шифр 33.7.11 (*в*). Рукопись представляет собой исторический сборник первой половины XVII в. С л. 14 об. в ней помещено изложение родословия великих князей русских, которое оканчивается воцарением Михаила Федоровича. Родословие начинается заголовком: «Скажем вкратце о ноновегородце Гостомысле, како здумал новогородцом привести Рюрика з братиею с Триуром и Синеусом, рода им суще кесаря Августа». Говорить о связи списка *в* с той или другой редакцией «Сказания» много труднее, чем относительно предыдущего списка. Текст здесь начинается с разделения вселенной Августом: «В лето 5457 Августу, кесарь римскому, грядущих в Египет со многими вои на брань Клеопатрину, яже бе прияла власть египетскую рода суща Птоломеева. Срете его Ирод Антипатров, творя ему велие службу, вои пищею даривь. . .». В тексте этого рассказа о разделении вселенной Августом, в основном близком соответствующему тексту «Ска-

зания», имеются слова «...и Киринея Сирии положи властодержца», которые отсутствуют в «Сказании» той и другой редакции, но имеются в «Послании» Спиридона-Саввы и в тексте «Государева родословца», речь о которых пойдет ниже. Дальше же, когда родословие доходит до Владимира Мономаха, рассказ, в котором говорится о приобретении Владимиром Мономахом царского венца, начинается так же, как и в «Сказании» первой редакции.

Список *Ц*	Список *в*
...в лето 6496. А от великого князя Владимира четвертое колено князь великий Владимир Всеволодич Манамах, правнук. Егда седе в Киеве...	В лето 6486. А от великого князя блаженного Владимера Святославича четвертое колено, правнук его, князь великий Владимер Манамах Всеволодич. Егда сяде в Киев...

Однако, если сравнить рассказ о Владимире Мономахе в целом в списке *в* с соответствующим текстом «Сказания» той и другой редакции, то видно, что нельзя его причислить ни к первой, ни ко второй редакции. Он ближе всего тексту, речь о котором пойдет ниже и который называется «Написание о царском венце». Очевидно, для составления списка *в* были использованы тексты, близкие «Сказанию», а не сам текст «Сказания».

При изложении подробного родословия русских князей использован текст «Сказания», находящийся в рукописи Государственного Исторического музея из собрания Барсова, № 1546 (Ѣ). Родословие изложено в форме краткой летописи, для составления которой были привлечены Хронограф и летопись. Рукопись написана почерком XVII в. Родословие излагается с л. 368, заглавие его следующее: «О благочестивых государех Великия Росия, самодержцах, откуду корень их изыде, и от летописца вкратце, яже в ле́та державы их содеяшеся». Начинается оно переложением содержания «Сказания о князьях владимирских», но со значительными изменениями по сравнению с текстом «Сказания». Об Августе, римском императоре, внесены подробности из Хронографа. По Хронографу же рассказано о рождении Христа в царствование Августа. Более подробно, чем в «Сказании», говорится о Прусе и призвании Рюрика.[1] Начиная с Рюрика, текст родословия отступает от «Сказания» и переходит в перечисление русских князей с добавлениями записей летописного характера о их княжениях; последним из князей

[1] Эта часть текста «Сказания» с перечисленными дополнениями и особенностями встречается как самостоятельная повесть, см. стр. 68—69.

назван Дмитрий Донской. В соответствующем месте родословия в рассказ о Владимире Мономахе вставлена повесть о приобретении им царского венца, которая передана по второй редакции «Сказания о князьях владимирских». Таким образом, при составлении этого родословия русских князей был использован текст «Сказания» второй редакции, но претерпевший некоторые изменения.

Один список «Сказания» вставлен в текст летописных записей. Этот список находится в сборнике Государственного Исторического музея из собрания Синодального, № 963 (*Щ*).[1] Сборник состоит из пяти рукописей. Список *Щ* помещен в первой рукописи, которая писана скорописью начала XVII или конца XVI в. В начале ее идет краткая родословная русских князей — сначала великих, потом удельных. На л. 8 об. написано киноварью: «Сказание о великих князех киевских и владимирских и московских всея Росии по коленом, княженяа их откуду и како бысть». Текст «Сказания» начинается с того места, где приводится совет Гостомысла новгородцам. Затем, после слов «начя князь великий Рюрик княжити в нем», текст «Сказания» переходит в изложение летописи: «А брат его Синеус седе на Белеозере, а Трувор брат их во Зборце седе; и начаша воевати всюде. И от тех варяг прозвася Рус и земля руская...». В том месте, где летопись доводит повествование до Владимира Мономаха, вставлена вторая часть «Сказания» — рассказ о приобретении Владимиром Мономахом царского венца. Рассказ этот помещен на лл. 23 об.—26 об. Затем следует текст об отпадении римской церкви, что характеризует текст «Сказания» первой редакции. Далее, с л. 27, после некоторого пробела[2] продолжается текст летописи, где говорится об Андрее Боголюбском. С л. 28 идет «Родство великих князей литовских»; это текст, который обычно помещается после «Сказания» первой редакции. Вслед за родословием литовских князей продолжается изложение летописных сведений. Текст летописных записей М. Н. Тихомиров характеризует так: «Летописные сведения в сокращении, а отчасти и в переделке; известия начала XVI в. даны в более полном виде и близки к русскому Временнику; последние известия 7032 (1524) о походе на Казань».[3] Летописные заметки, таким образом, составлены не ранее 1524 г. Можно думать,

---

[1] См. описание сборника: М. Н. Тихомиров. Летописные памятники б. Синодального собрания. Исторические записки, 1942, № 13, стр. 275—276.

[2] Первая половина листа оставлена незаполненной.

[3] М. Н. Тихомиров. Летописные памятники б. Синодального собрания, стр. 276.

также на основании характеристики летописных заметок, сделанной М. Н. Тихомировым, что они написаны были еще во время княжения Василия III или вскоре после его смерти.[1]

Как видно из сказанного, у списка *Щ* есть некоторые признаки, присущие спискам «Сказания» первой редакции. Из сравнения текста списка *Щ* со «Сказанием» первой редакции выясняется следующее. Отрывок из «Сказания», которым после заглавия начинается текст летописи, имеет незначительные отступления от соответствующего текста «Сказания» первой редакции. Отличается несколько первая фраза — в основном списке первой редакции сказано: «И в то время некий воевода новгородьцкий именем Гостомысл скончевает свое житие», в списке *Щ* об этом говорится несколько иначе: «Бысть убо некий воевода новгородцкий именем Гостомысл, сей скончевает житие свое». Вместо «совет даю вам аз», в списке *Щ* написано «аз даю вам совет свой». Текст рассказа о приобретении Владимиром Мономахом царского венца имеет тоже немного расхождений с основным списком первой редакции. Вместо читающегося в основном списке «мал», в списке *Щ* написано «юнейший», вместо «здрав» — «взяв», вместо «родства и поколенья» — «благородства и повеления», вместо «богом» — «духом». В тексте списка *Щ* выпущены отдельные слова: «лето 6496», «вси», «Антипа»; в некоторых же случаях, наоборот, добавлены слова: «сподоблени», «рядников», «от Асия». Появление одного из добавлений трудно объяснить. В списке *Щ* сказано «митрополита от Асия». Между тем, это выражение обычно имеется в «Сказании» второй редакции.

Из сравнения текстов списка *Щ* и первой редакции совершенно ясно, что перед летописцем лежал текст «Сказания» первой редакции и он решил использовать его в летописных заметках. Писец излагал русскую историю, поэтому и текст из «Сказания» взял, начиная только с рассказа о Гостомысле. Когда писец переписывал текст о Владимире Мономахе, он механически внес в рукопись и ту часть «Сказания», которая уже не имела непосредственного отношения к Мономаху — об отпадении римской церкви. Сделал он так только потому, что рассказ об отпадении римской церкви находился в самом конце «Сказания».

На примере списка *Щ* видно, что текст «Сказания о князьях владимирских» использовался не только в родословных, но также в летописных записях. Характерно, что в данную летопись включено не только «Сказание» первой редакции, но внесен

[1] Там же.

также и текст родословия литовских князей, который обычно следует после «Сказания» первой редакции.

Итак, рассмотрение списков *П*, *в*, *Ъ* и *Щ* показывает, что «Сказание» существовало не только как самостоятельное произведение, но и было использовано в составе родословия или летописи.

* * *

В связи со «Сказанием о князьях владимирских» находится текст, содержащий рассказ о приобретении Владимиром Мономахом царского венца.[1] Эта повесть как отдельное произведение сохранилась в нескольких вариантах и под различными названиями, но в основном содержание ее совпадает с содержанием второй части «Сказания». Взаимозависимость повести и второй части «Сказания» несомненна. Рассмотрение списков повести дает возможность установить, какая из редакций «Сказания» является первоначальной, и проследить дальнейшую судьбу этих редакций.

В научной литературе до исследования И. Н. Жданова существовало мнение, что первоначально была создана повесть о приобретении Владимиром Мономахом царского венца, а на основании ее было написано «Сказание о князьях владимирских». И. Н. Жданов доказал, что повесть могла появиться только после создания «Сказания».[2] Однако И. Н. Жданов не знал ни редакций «Сказания», ни вариантов повести, поэтому его общее утверждение нуждается в конкретизации. Рассмотрение вариантов повести покажет зависимость их от «Сказания» определенной редакции.

Всего списков повести — тридцать. Одна группа имеет двадцать списков с заглавием «Поставление великих князей руских, откуду бе и како начашася ставити на великое княжество святыми бармами и царьским венцем» или его вариантами. Другая группа имеет восемь списков. Из них три не имеют заглавия, а пять списков выделяются по заголовку «Написание о царском венце, когда и како принесен бысть из Цариграда в Киев». Кроме списков этих двух групп имеются еще два списка, которые стоят несколько особо.

Первая группа по ряду признаков, в свою очередь, делится на три подгруппы.

---

[1] В дальнейшем текст, содержащий рассказ о приобретении Владимиром Мономахом царского венца, будем условно называть «повестью».

[2] И. Н. Жданов. Повести о Вавилоне и «Сказание о князех владимирских», стр. 69—70.

Одна из подгрупп содержит больше всего списков — десять. Текст «Поставления» этой подгруппы кончается так же, как «Сказание» второй редакции, т. е. сообщением дат кончины и погребения Владимира Мономаха; за «Поставлением» следует чин венчания на царство без указания в большинстве списков имени царя — только в двух случаях указано имя Федора Иоанновича.

Вторая подгруппа состоит из шести списков. В «Поставлении» данной подгруппы отсутствуют дополнительные сведения о Владимире Мономахе, которыми оканчиваются списки первой подгруппы; за «Поставлением», исключая один список, следует чин венчания на царство Ивана IV.

Третья подгруппа состоит только из четырех списков. Она очень близка ко второй, имеет такое же окончание, как и списки второй подгруппы. Отличие ее заключается в том, что в рукописях после «Поставления» следует не чин венчания, а краткие заметки о том, как состоялся обряд венчания Ивана IV.

Все списки первой подгруппы писаны почерком XVII или XVIII в. — иными словами они довольно поздние. Как уже было сказано, повесть о приобретении Владимиром Мономахом царского венца в списках этой подгруппы кончается так же, как «Сказание» второй редакции. Заголовок повести такой же, каким отделен текст о мономаховом венце в «Сказании» второй редакции. Сравнение текстов второй части «Сказания» и этой повести подтверждает близость данной подгруппы «Сказанию» второй редакции. В отдельных списках имеются некоторые отступления от текста основного списка «Сказания» второй редакции, но незначительные. Во всяком случае они не дают права думать, что содержат текст, не близкий второй редакции «Сказания».

Списки «Поставления» рассматриваемой подгруппы по разночтениям в тексте могут быть условно разделены на два вида. Первый вид — списки *Л*, *М*, *Н*, *О* и отчасти *П;* второй вид — списки *Р*, *С*, *Т*, *У* и *Э*. Наиболее точно передают текст списки первого вида; в них текст более близок «Сказанию» второй редакции.

За основной список первой подгруппы принят нами список из собрания Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде, шифр Q.XVII.270 (*Л*). Рукопись, в которой находится список *Л*, писана скорописью XVII в. «Поставление» в ней находится на лл. 16—17 об. Этот список «Поставления» точнее других списков данной подгруппы передает текст «Сказания» второй редакции. Расхождений у списка *Л* с основным списком (*X*) второй редакции «Сказания» немного. Следует отметить,

что большинство расхождений списка *Л* со списком *X* соответствует расхождениям, имеющимся у списка *X* с другим списком «Сказания» также второй редакции — *Ч*. Исходя из этого, можно думать, что текст списка *Л* создавался на основе списка, близкого списку *Ч*. Позднее в список *Л* были внесены поправки, которые хорошо видны: они надписаны над строками другими чернилами. К слову «Олег» сверху приписано «рязанский», над словом «Всеслав» (оставшимся незачеркнутым) надписано «Святослав».

Наиболее близок списку *Л* список Государственной Библиотеки им. В. И. Ленина из собрания Общества истории и древностей российских, № 16 (*М*). Рукопись писана почерком XVII в. Текст «Поставления» помещен на лл. 1—4 об. Заголовок написан киноварью. В списке есть некоторые пропуски, добавления и разночтения со списком *Л*.

Несколько более, чем список *М*, отличается от основного списка (*Л*) список Государственного Исторического музея из собрания Уварова, № 331 (*Н*). Рукопись писана почерком XVIII в. «Поставление» помещено на лл. 1—10. В тексте повести есть также пропуски и расхождения с текстом основного списка.

Та же повесть находится в рукописи Государственного Исторического музея из собрания Музейного, № 3123 (*О*). Рукопись писана почерком XVII в. Заголовок повести несколько изменен: «1727 году марта 2, чин и поставление великих князей руских, откуду бо и како ставити на великое княжение святыми бармами и царьским венцем, глава 15». Заголовок писан почерком XVIII в., помещен он на л. 189 об., а текст повести начинается со следующего листа. Поэтому вполне вероятно предположить, что заголовок позднейшего происхождения.

Текст списка в целом полный, хотя имеются пропуски и некоторые отступления от основного списка, менее значительные, чем в списке *Н*.

Больше отличий от основного списка, чем все остальные списки данного вида имеет список Отдела древних рукописей Ленинградского отдела Института истории Академии Наук СССР из собрания Археографической комиссии, № 43 (*П*). Рукопись написана скорописью второй половины XVII в. «Поставление» находится на лл. 340—344 об. Текст неточный, есть много добавлений, пропусков и замен слов.

Имеется ряд списков повести этой же, первой подгруппы, которые объединяются одинаковыми разночтениями по сравнению с основным списком. Это списки *Р*, *С*, *Т*, *У*. Одинаковые разночтения говорят об общем их происхождении. Сравнение этих

списков со списками первого вида показывает, что текст их менее близок «Сказанию» второй редакции.

Меньше всего отступлений в списках второго вида от текста основного списка наблюдается в списке Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде, шифр Q.IV.65 (*Р*). Рукопись писана скорописью конца XVII в. «Поставление» находится на лл. 1—4 об.

Три остальных списка второго вида (*С*, *Т* и *У*) имеют еще ряд общих отступлений от основного списка, кроме тех, которые имеет и список *Р*. Это список Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде, шифр F.XVII.19 (*С*) (рукопись писана почерком начала XVIII в.; «Поставление» помещено на лл. 221—222 об.); список Государственного Исторического музея из собрания Уварова, № 11 (*Т*) (рукопись написана скорописью конца XVIII в.; «Поставление» помещено на лл. 1—3 об.) и список Государственного Исторического музея из собрания Музейного, № 3248 (*У*) (список написан почерком XVIII в.; «Поставление» помещено на лл. 121—123). Списки *С*, *Т* и *У* объединяются между собой и общими особенностями в заглавии («О поставлении» вместо «Поставление» в остальных списках всей подгруппы).

Список *У* по большинству разночтений близок спискам *С* и *Т*. Разночтений, свойственных только списку *У*, немного. В то же время тексту этого списка близок текст, помещенный в VII томе «Древней Российской Вивлиофики» (*Э*).[1] Можно даже думать, что текст списка *У* переписан именно отсюда, тем более, что в нем перед заголовком сказано: «Древняя Российская Вивлиофика, месяц февраль». Только в одном месте списка *У* есть несовпадение с данным списком. В напечатанном тексте перепутана дата: вместо «6633» написано «6733».

После всех десяти списков «Поставления» рассмотренной подгруппы в рукописях следует «Чин и поставление на великое княжество сице бывает». В двух рукописях в чине венчания упоминается имя Федора Иоанновича, во всех же остальных помещен чин венчания без указания имени царя. Очевидно, «Поставление» первой подгруппы так же, как «Сказание» второй редакции, использовалось в виде вступительной статьи к чину венчания. При этом важно отметить, что в то время, как после двух списков «Сказания» второй редакции помещен чин венчания Ивана IV, ни в одном чине венчания, следующем за

---

[1] Древняя Российская Вивлиофика, ч. VII, М., 1788, стр. 1. — Разночтения этого списка, поскольку он издан, в нашей публикации текстов не приводятся.

«Поставлением» рассматриваемой подгруппы, имя Ивана IV не упомянуто. В двух рукописях после «Поставления» помещен чин венчания Федора Иоанновича, во всех остальных — чин венчания без указания имени царя. Это означает, что текст чина венчания, которому предисловием служит «Поставление» первой подгруппы, составлялся для Федора Иоанновича, но не раньше. Можно думать, что когда составляли чин венчания Федора Иоанновича, то взяли за основу чин венчания Ивана IV с предисловием, которым служило «Сказание» второй редакции; в предисловии отбросили первую часть, где говорится о происхождении великих князей русских от кесаря римского Августа, и взяли только ту часть, которая имеет непосредственное отношение к вопросу венчания — о приобретении царского венца. Это нетрудно было сделать, так как рассказ о приобретении Владимиром Мономахом царского венца в «Сказании» второй редакции был уже выделен особым подзаголовком: «Поставление великих князей руских, откуду бе и како начашася ставити на великое княжение святыми бармами и царскы венцем». Иногда, однако, перед чином венчания Федора Иоанновича помещается текст «Сказания» второй редакции.

Заголовок, того же типа, что и списки первой подгруппы, как уже сказано, имеют и некоторые другие списки повести о приобретении Владимиром Мономахом царского венца. Однако эти списки обладают своими особенностями, поэтому их приходится выделить в особую, вторую подгруппу. Списков второй подгруппы обнаружено шесть (*А*, *Б*, *В*, *Г*, *Д* и *Е*). Текст их во многом отличается от текста списков предыдущей подгруппы. Списки более древние, четыре писаны почерком XVI в., два — XVII в.

Тексты списков *А*, *Б*, *В* совпадают между собой почти полностью, разночтения незначительны. Список Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде, шифр Q.I.214 (*А*), принятый за основной, и список Государственной Библиотеки им. В. И. Ленина из собрания Волоколамского монастыря, № 522 (*Б*), писаны почерком XVI в. Заголовки в обоих случаях написаны киноварью. Список *А* помещен в рукописи на лл. 367—370, список *Б* — на лл. 497—499. Список Государственной Библиотеки им. В. И. Ленина из собрания Музейного, № 587 (*В*), писан почерком XVII в. «Поставление» начинается с л. 135 об., заголовок написан киноварью.

Небольшие расхождения со списками *А*, *Б*, *В* имеет список Государственной Библиотеки им. В. И. Ленина из Фундаментального собрания, № 196 (*Г*). Сборник, в котором находится список *Г*, писан скорописью XVII в. Заглавие в этом списке,

очевидно, появилось несколько позже, так как оно написано другим почерком; видно, что предварительно для него было оставлено место.

После текста «Поставления» в рукописи оставлено чистое место, а немного отступя, без заглавия начинается текст чина венчания на царство; в нем также оставлено место для заглавия, которое так и не было вписано.

Список Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде, шифр F.IV.155 (*Д*), хотя и написан почерком XVI в. и является довольно ранним, но имеет значительные расхождения с другими списками. Эти расхождения говорят против того, что его текст может считаться наиболее исправным. Заголовок в списке *Д* изменен: «Поставление на Рускую землю царей, отколе бе и как начашася ставити на великое княженье и царство начнут венчати святыми бармами и царьскым венцем».

Существенные расхождения с основным списком имеет и список Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде из собрания Вяземского, шифр O.XXXIII (*Е*). Особенностью списка *Е* является то, что рукопись, в которой он содержится, представляет собой родословную книгу. Писана рукопись почерком XVI в.; «Поставление» начинается в ней с л. 84. В данном списке по сравнению со списком *А* есть пропуски и разночтения.

Во всех рукописях после текста «Поставления» второй подгруппы следует текст чина венчания на царство Ивана Грозного,[1] который открывается заглавием: «Чин и поставление на великое княжество сице бывает». Можно думать, что «Поставление» второй подгруппы появилось во время составления чина венчания Ивана Грозного, так как имеет назначение вступительной статьи к этому чину венчания. Но тогда возникает вопрос, в какой зависимости находится текст «Поставления» данной подгруппы от «Сказания» второй редакции, которая также является вступительной статьей к чину венчания на царство Ивана IV. Разобраться в этом вопросе поможет одновременное сопоставление текстов «Сказания» той и другой редакций и «Поставления» разбираемой подгруппы. Особенно ясно становится соотношение «Сказания» и «Поставления» при сравнении начала текста «Поставления» с соответствующими местами из «Сказания» первой и второй редакций.

---

[1] Только после «Поставления» списка *Е* помещено краткое родословие великих князей русских, а не чин венчания.

«Поставление» (список *А*)	«Сказание» первой редакции (список *Ц*)	«Сказание» второй редакции (список *Х*)
Поставление великых князей русскых, откуду бе и како начашася ставити на великое княжество святыми бармами и царьскым венцем		Поставление великих князей руских, откуду бе и како начашася ставити на великое княжение святыми бармами и царскы венцем
В лето 6496-е, а от великого князя Владимера четвертое колено князь Володимер Всеволодичь Манамах. Той убо Манамах прозвася от таковыя вины. Егда...	...в лето 6496. А от великого князя Владимира четвертое колено князь великий Владимир Всеволодич Манамах, правнук. Егда...	В лето 6622 бысть сий князь великий Владимер Всеволодич Манамах, князь великий киевъский, правнук великого князя Владимера, крестившаго Рускую землю, от него же чьтвертое колено. Той бо Манамах прозвася от таковыа вины. Егда...

Сравнение текстов говорит о связи «Поставления» второй подгруппы одновременно с обеими редакциями «Сказания». Судя по началу текстов, «Поставление», которое открывается 6496 г., надо связывать со «Сказанием» первой редакции. Появление в «Поставлении» 6496 г. — года крещения Руси — ничем другим объяснить нельзя.[1] В «Сказании» первой редакции сразу после этого года, относящегося к упоминаемому ранее Владимиру Святославичу, следует текст, посвященный Владимиру Мономаху. В повести же, где о Владимире Святославиче совсем не говорится, эта дата ошибочно отнесена к Владимиру Мономаху и текст повести начат с нее. Поэтому можно думать, что вторая подгруппа повести не только связана с текстом «Сказания» первой редакции, но и непосредственно из него возникла.

В то же время заголовок и ряд особенностей текста близки «Сказанию» второй редакции. Объяснить это можно только следующим образом. Из первой редакции «Сказания» была взята вторая часть, рассказывающая о приобретении Владимиром Мономахом царского венца, и использована как вступительная часть к чину венчания на царство. Из «Сказания» был выделен

---

[1] Зависимость текста «Поставления» от «Сказания о князьях владимирских» отметил И. Н. Жданов в своем исследовании «Повести о Вавилоне и „Сказание о князех владимирских“», стр. 69—70.

только тот текст, который имел отношение к приобретению царского венца. К выделенному тексту был придуман заголовок: «Поставление великых князей русскых, откуду бе и како начашася ставити на великое княжество святыми бармами и царьскым венцем». Этот заголовок помещен и в тексте «Сказания» второй редакции перед рассказом о Владимире Мономахе. Если бы для «Поставления» брали текст из второй редакции, то никак не могли бы отнести дату «6496» к Владимиру Мономаху, так как в «Сказании» второй редакции она стоит до подзаголовка. После же подзаголовка рассказ начинается, как и в «Поставлении», тоже датой, отнесенной к Владимиру Мономаху, но другой — «6622». Таким образом, можно говорить о выделении «Поставления» из «Сказания» первой редакции и о появлении «Сказания» второй редакции уже после составления «Поставления» второй подгруппы.

Выделенный текст из «Сказания» должен был служить введением, которое исторически обосновывало бы чин венчания на царство, носивший название: «Чин и поставление на великое княжество сице бывает». Связь между чином и введением отчасти видна уже по заголовкам — в обоих случаях упомянуто слово «поставление».

Назначение «Поставления» как вступительной статьи к чину венчания подчеркнуто некоторыми особенностями его текста. Главными атрибутами венчания были венец и бармы. Они упомянуты в заголовке «Поставления», а в самом тексте рассказано о приобретении их. В «Сказании» первой редакции название бармы не употребляется, вместо этого слова там говорится об ожерельи. В «Поставлении» дано разъяснение, что ожерелье иначе называется бармами.

Таким образом, вторая подгруппа повести дает возможность не только установить, в какой зависимости находится повесть от первой и второй редакций «Сказания», но и решить вопрос, какая из редакций «Сказания» была первоначальной.

Выясняется следующее. Первоначально появилось «Сказание» первой редакции (до 1547 г.); из него незадолго до венчания на царство Ивана IV была выделена повесть и использована при составлении чина венчания. Позже была создана вторая редакция «Сказания», которая, как и повесть, служила вступительной частью к чину венчания на царство. Вторая редакция создавалась из первой, но испытала на себе влияние и «Поставления». Кроме того, текст «Сказания» был пополнен некоторыми добавлениями о Владимире Мономахе. Были внесены две даты — дата вокняжения Владимира Мономаха и дата смерти — и указано место его погребения. 6496 г. в «Сказании» второй

редакции, так же как и в «Сказании» первой редакции, был правильно отнесен к Владимиру Святославичу.

Очень близка к только что рассмотренной подгруппе повести о приобретении Владимиром Мономахом царского венца небольшая третья подгруппа, представленная всего четырьмя списками.[1] Заголовок в этих списках того же типа, что и в списках предыдущей подгруппы. Текст в основном совпадает с текстом второй подгруппы, но в нем есть небольшие отступления. Помимо разночтений, свойственных отдельным спискам данной подгруппы, обращают на себя внимание разночтения, характерные одновременно для большинства списков. Например:

«Поставление» второй подгруппы (список *А*)	«Поставление» третьей подгруппы
аз мал есмь	аз млад есмь (*КИЖ*)
князь великий Олег	князь великий Олег рязанский (*ЗИЖ*, сходно в списке *К*)
животворящиа Троица	живоначалныа Троица (*КИЖ*)
воеводы благоискусны и благоразсудны	воеводы благоразумные (*КИЖЗ*)
божиею волею с нашим повелением	Нет (*ЗИЖ*)
и иных своих благородных. От своея же царьскыя выя.	Нет (*КИЖЗ*)

Из сравнения текстов видно, что расхождений между второй и третьей подгруппами немного. Во всех списках третьей подгруппы к словам «князь великий Олег» ошибочно добавлено «рязанский». Чем вызвано появление этого добавления, сказать трудно. Можно предположить, что писец, когда переписывал текст, внес такое разъяснение, будучи знаком со «Сказанием о Мамаевом побоище», но слабо знал исторические события и поэтому ошибся. Во всяком случае добавление слова «рязанский» подчеркивает связь четырех списков между собой.

Выделить эти списки в особую (третью) подгруппу заставляет следующее. После списков «Поставления» второй подгруппы помещен текст чина венчания Ивана Грозного. Здесь же после «Поставления» следует текст, который начинается словами: «В лето 7055-е генвар в 16 день божиею милостию и богородицы

---

[1] 1) Рукоп. ГПБ, собр. Софийск. библ., № 1516, лл. 51 об.—54, полуустав конца XVI в. (*Ж*);

2) рукоп. ГИМ, собр. Вострякова, № 1258, лл. 146 об.—148, полуустав конца XVI в. (*З*);

3) рукоп. БИЛ, собр. Ундольского, № 610, лл. 11—13, скоропись начала XVII в. (*И*);

4) рукоп. ГПБ, Q.XVII.67, л. 20—20 об., скоропись начала XVII в. (*К*).

и креста господня и небесных сил молитвами венчася царь и великий князь Иван Васильевич. . .».[1] Этот текст представляет собой краткое изложение того, как происходило венчание на царство Ивана Грозного. По характеру записи можно сказать, что изложение сделано вскоре после венчания. Запись составлена, по всей видимости, очевидцем, который пишет, что венчал Ивана IV на царство Макарий, перечисляет, где осыпал его золотом и серебром Георгий Васильевич, сообщает, что затем «царь веле пир сотворити на митрополита и на браты и на освещенный собор».

Данные записи летописного характера в одних списках более подробны, в других — менее. В списке *Ж* они кончаются описанием пожара летом 1547 г. в Москве.[2]

Если эти записи были сделаны вскоре после венчания Ивана IV, то они подтверждают мысль, что «Поставление» в таком виде, как оно представлено во второй подгруппе, т. е. в сочетании с чином венчания Ивана IV, было составлено незадолго до венчания, — в момент составления чина венчания.

Повесть о приобретении Владимиром Мономахом царского венца известна и под другим названием: «Написание о царском венце, когда и како принесен бысть из Царяграда в Киев». Под таким заглавием повесть дошла до нас в пяти списках.[3] Все списки довольно поздние — писаны в XVII в., помещены в сборниках различного содержания. Проследить в этих сборниках связь повести с другими текстами, как это сделано для предыдущей группы списков, нельзя.

Тексты «Написания» и «Поставления», после которого идет чин венчания Ивана IV, близки между собой, хотя некоторые несовпадения имеются. Думаю, что текст «Написания» был создан на основе «Поставления» второй подгруппы, причем были внесены некоторые изменения в отдельные фразы, вероятно на

---

[1] Рукоп. ГИМ, собр. Вострякова, № 1258, л. 148.

[2] Те же заметки помещены в летописи, которая находится в Государственной Библиотеке им. В. И. Ленина, собр. Музейное, № 10255. Рукопись писана скорописью XVII в. На л. 50 сказано о венчании Ивана IV на царство. Летопись обрывается рассказом о пожаре в Москве.

[3] 1) Рукоп. ГИМ, собр. Забелина, № 439, лл. 36—38, почерк второй половины XVII в.;

2) рукоп. ГИМ, собр. Уварова, 7, F°, лл. 629—630, почерк конца XVII в.;

3) рукоп. ГПБ, собр. Погодина, № 1576, лл. 147—150, почерк XVII в.;

4) рукоп. БАН, текущ. поступл., № 496, лл. 432 об., почерк конца XVII в.;

5) рукоп. БАН, собр. Археолог. инст., № 44, лл. 165—167 об., почерк второй половины XVII в.

основании «Послания» Спиридона-Саввы, о котором будет сказано ниже. Рассказ под названием «Написание» имел, очевидно, в XVII в. назначение самостоятельной повести. Происхождение его выясняется на основании других списков повести, в которых заглавие отсутствует.

Тот же самый текст повести о приобретении Владимиром Мономахом царского венца, который известен под заголовком «Написание», содержится в ряде рукописей, не имея заглавия.[1] В этих рукописях вслед за повестью рассказывается о венчании на царство Ивана IV, коротко описывается царское место в Успенском соборе и сообщается дата, когда оно было сделано.

Текст повести, о которой идет речь, полностью совпадает с текстом, помещенным на дверцах царского места в Успенском соборе.[2] Безусловно эта повесть создавалась именно для царского места и, следовательно, не позже 1551 г., когда царское место было сделано. Список из собрания Ундольского содержит не только повесть, текст которой помещен на дверцах, но и подписи к изображениям событий, связанных с приобретением венца, на том же царском месте.

В повести, вырезанной на дверцах царского места, рассказ начинается сходно с «Поставлением», после которого следует чин венчания Ивана IV: «В лето 6496, а его великаго и блаженнаго князя Владимира четвертое колено правнук его князь великий Владимир Всеволодович Манамах...». Иными словами — текст оторван от того места, где говорится, что Владимир Святославич крестил Русскую землю. С такой ошибкой рассказ не мог быть заимствован из «Сказания» второй редакции. Можно думать, что вторая редакция «Сказания» возникла позже появления этого текста, следовательно, после 1551 г.

Итак, появление данного варианта повести обусловлено подготовкой текста для царского места, поэтому у него и отсутствует какое-либо название. Оно было приписано к тексту значительно позже. Это подтверждается списками повести с названием «Написание»: все они писаны почерком уже XVII в.

---

[1] 1) Рукоп. ГПБ, собр. Соловецк. монастыря, № 962, лл. 417—419, скоропись первой половины XVII в.;

2) рукоп. ГПБ, собр. Погодина, № 1567, лл. 107 об.—109, скоропись XVI в.;

3) рукоп. БИЛ, собр. Ундольского, № 373, лл. 316—319 об., полуустав конца XVI—начала XVII в.

[2] Время устройства царского места впервые установил И. Е. Забелин. основываясь на записи в рукописи из собрания Погодина, № 1567 (И. Е. Забелин. Археологическая находка. Москвитянин, 1850, июнь, № 12, кн. 2, раздел «Наука и жизнь», стр. 53—56).

Текст варианта повести, возникновение которого связано с устройством царского места, содержат еще две рукописи.[1]

Особенностью первой из них является то, что повесть о приобретении Владимиром Мономахом царского венца помещена в ней под заглавием «О шапке Маномахове». После повести следует текст под названием «Сия азбуки истолкованыя святыми отцы и святыми апостолы и святыми пророки сложены», который ни к чину венчания, ни к царскому месту отношения не имеет.

Во второй рукописи повесть не имеет никакого заголовка. Содержание рукописи следующее: Судебник 1550 г. (лл. 6—33 об.); рассказ о приобретении Владимиром Мономахом царского венца (лл. 38—39 об.); «Чин поставления на великое княжение» Дмитрия Ивановича, внука Ивана III (лл. 40—44 об.). Особенностью данной рукописи является то, что после рассказа о Владимире Мономахе следует чин поставления Дмитрия Ивановича. Этот единственный случай сочетания текста повести с чином Дмитрия Ивановича не может поколебать сделанный ранее вывод о том, что рассматриваемый вариант повести появился около 1551 г. Кроме сочетания рассказа о Владимире Мономахе с чином Дмитрия Ивановича в этой рукописи у нас нет иных данных, которые говорили бы о возникновении повести в связи с составлением чина поставления Дмитрия Ивановича. Подобное сочетание в данной рукописи объясняется особым интересом ее составителя к теме венчания вообще. Рукопись составлена, видимо, в 50-х годах, так как перед рассказом о приобретении Владимиром Мономахом царского венца помещен текст того же времени — Судебник 1550 г. В 50-х же годах интерес к теме венчания понятен.

Повесть о приобретении Владимиром Мономахом царского венца в дальнейшем, в XVII в. и позже, была подвергнута значительным изменениям. В пересказах этой повести в Густынской летописи и Синопсисе имя Константина Мономаха было заменено Алексеем Комниным.[2] Составители летописи в XVII в. заметили, что время царствования Константина Мономаха и княжения Владимира не совпадают, поэтому и была произведена ими такая замена. Этот же пересказ встречается и как самостоятельное произведение. В рукописи XVIII в. он находится

---

[1] 1) Рукоп. ГПБ, собр. Погодина, № 1615, лл. 224 об.—226 об., скоропись первой половины XVII в.;

2) рукоп. ГИМ, собр. Музейное, № 3726, лл. 38—39 об., скоропись второй половины XVI в. (рукопись 1577—1578 гг.).

[2] И. Н. Жданов. Повести о Вавилоне и «Сказание о князех владимирских», стр. 63—64.

под таким названием: «О сем откуду росийским самодержцы венец царский на себе носити начаша».[1] В конце повести указано, что в некоторых летописях говорится о присылке регалий Константином Мономахом, но годы правления и жизни Константина Мономаха не совпадают с годами жизни Владимира Мономаха, поэтому надо считать, что регалии прислал Алексей Комнин.[2]

И. Н. Жданов объяснил появление другой переработки повести, в которой говорится не только о приобретении Владимиром Мономахом царского венца, но и о дальнейшей его судьбе.[3] Венец после Владимира Мономаха должен был храниться и передаваться из рода в род великих князей русских до появления «царя, истиннаго самодержца». Тексты этого варианта повести находятся в сборниках, писанных почерком второй половины XVII в.[4]

Повесть носит характер летописных заметок. После рассказа о расселении славянских племен и Гостомысле, она коротко передает события из русской истории. Дальше говорится о Владимире Мономахе, и в этой части летописных заметок изложен рассказ о приобретении Мономахом царского венца. Рассказ кончается не только сообщением о смерти Мономаха, но и о передаче им царского венца вместе с завещанием одному из своих сыновей. Далее в повести прослеживается линия передачи венца от одного князя к другому до Василия III. О нем сказано как о первом из князей, венчавшихся на царство, а уже затем говорится о венчании Ивана IV.

Почти во всех рукописях летописные записи оканчиваются временем Алексея Михайловича. Очевидно, вариант повести о приобретении Владимиром Мономахом царского венца с передачей его из рода в род русскими князьями появился в царствование Алексея Михайловича.

---

[1] Рукоп. БАН, текущ. поступл., № 496, лл. 287—289 об., писана в 1713 г.

[2] О приобретении регалий Владимиром Мономахом от Алексея Комнина сказано в рукоп. ГПБ, F.XVII.35, л. 23 об., скоропись XVIII в.

[3] И. Н. Жданов. Повести о Вавилоне и «Сказание о князех владимирских», стр. 113—115. — И. Н. Жданову текст повести известен был по рукописям: ГИМ, собр. Синод., № 365 и ГПБ, Q.XVII.71.

[4] К известным И. Н. Жданову спискам повести можно добавить:

1) рукоп. БАН, № 16.17.28, лл. 80 об.—156, почерк последней четверти XVII в.;

2) рукоп. ГИМ, собр. Синод., № 964, лл. 185—257, почерк XVII в.;

3) рукоп. ГИМ, собр. Вострякова, № 925, лл. 236—306 об., почерк XVII в.;

4) рукоп. ГИМ, собр. Музейное, № 1640, л. 14, почерк XVII в.

Списки из собраний Вострякова, № 925, и Музейного, № 1640, не содержат полного текста летописных заметок. В рукописи из собрания Вострякова недостает начала: повесть начинается с середины фразы о том, как Владимир советуется со своими боярами: «князья Олег, Игорь, Святослав, Владимир, Всеволод годовые дани имели». Второй список начинается непосредственно с Владимира Мономаха и затем сразу говорится о венчании на царство Василия III и Ивана IV. Этим рассказ и заканчивается.

Особенностью текста повести, читающегося в рукописи Публичной библиотеки, шифр F.IV.244, является то, что в нем, как и в Густынской летописи, говорится о присылке венца Владимиру Мономаху не Константином Мономахом, а Алексеем Комниным. В то же время при дальнейшем изложении повести рассказано о передаче венца Владимиром Мономахом своему сыну с завещанием хранить его. Таким образом, в этом списке механически соединены вместе два варианта текста повести, возникшие в XVII в.

Рассказ о приобретении Владимиром Мономахом царского венца был присоединен также к «Повести о Вавилоне» и, очевидно, также в XVII в.[1]

Таким образом, в большей или меньшей степени, восстановлена картина появления различных видов повести о приобретении Владимиром Мономахом царского венца, установлена их зависимость, обстоятельства появления и время.

Еще раз подчеркнем, что сопоставление повести о приобретении Владимиром Мономахом царского венца с той и другой редакциями «Сказания» свидетельствует о том, что первоначально была создана та редакция, которая у нас обозначена как первая, затем, между 1547 и 1551 гг., появилась повесть,[2] а уже после нее возникла вторая редакция «Сказания».

Последовательность появления первой и второй редакций «Сказания» выявлена на основании сравнения текстов «Сказания» с разновидностями повести о приобретении царского венца. Для дальнейшего же уточнения времени появления первой редакции «Сказания» поможет сравнение ее с «Посланием» Спиридона-Саввы.

* * *

---

[1] И. Н. Жданов. Повести о Вавилоне и «Сказание о князех владимирских», стр. 52—54. — К известным И. Н. Жданову рукописям можно добавить еще одну: рукоп. ГИМ, собр. Барсова, № 1450, лл. 160—165 об., скоропись последней четверти XVII в.

[2] В данном случае мы не имеем в виду повесть, возникшую на основании второй редакции «Сказания», и дальнейшие переработки повести.

И. Н. Жданов считал «Послание» Спиридона-Саввы производным из «Сказания», хотя полагал, что в некоторых случаях «Послание» передает текст «Сказания» правильнее, чем дошедшие до нас списки самого «Сказания».

Как мы увидим в дальнейшем, произведение Спиридона-Саввы не ограничивалось только той его частью, которая в исследовательской литературе принималась за «Послание». Однако, до того как мы это докажем, будем рассматривать «Послание» в его традиционно определяемом составе. В этой его части «Послание» Спиридона-Саввы рассказывает о том же, что и «Сказание о князьях владимирских», но текст его несколько шире. «Послание» имеет небольшое вступление, где Спиридон сообщает о себе и о том, что ему дано было задание, которое он выполнил в своем произведении. Конец «Послания» написан как заключение ко всему изложенному в нем.

И. Н. Жданову был известен один список «Послания» Спиридона-Саввы из собрания Погодина, № 1567. В дополнение к этому списку нам удалось обнаружить еще два. Все списки «Послания» находятся в рукописях, которые писаны почерком второй половины XVI в.

Лучший список «Послания» находится в сборнике Государственного Исторического музея из собрания Синодального, № 791. Сборник состоит из ряда статей, по преимуществу посланий, писан разными почерками. Начало «Послания» помещено на лл. 154—157 об., продолжение же — на лл. 110—119 об. Текст «Послания» расположен в сборнике так, очевидно, потому, что при переплетении были перепутаны листы. Сразу после «Послания», с той же строчки и тем же почерком начинается родословие литовских князей. «Послание» написано скорописью середины или третьей четверти XVI в. Водяной знак — ваза с цветком.

Второй список помещен в сборнике Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде из собрания Погодина, № 1567. Сборник состоит из ряда рукописей. «Послание» написано скорописью XVI в. Текст «Послания» начинается сверху л. 95. Он не окончен и обрывается на л. 104 об. На л. 105 окончание текста «Послания» приписано П. М. Строевым, но по сравнению с предыдущим списком в этой приписке есть пропущенные фразы. После этого текста с л. 107 об. говорится о венчании на царство Ивана IV и о царском месте, но почерк этой части рукописи уже другой.

Третий список хранится в Библиотеке Академии Наук СССР, шифр 34.2.31, в сборнике, где имеется Софийская первая летопись. Сборник писан полууставом второй половины XVI в.

«Послание» начинается сверху л. 74, открывается оно словами: «От некыи прежних лет...». Кончается «Послание» на л. 79, и сразу после него, с той же строчки, начинается родословие литовских князей, которое заканчивается на л. 82 об. Можно утверждать, что весь текст, включая родословие литовских князей, переписывался как единое произведение. Текст этого списка очень неточный и имеет много пропусков. Писец не разобрал почерка того списка, с которого переписывал, и оставлял для непонятных слов чистые места. В дальнейшем их пытались заполнить. Отдельные слова и фразы вставлены почерком, близким почерку рукописи, но чернилами, несколько иными, чем те, которыми писана рукопись. В другой раз пробелы заполнялись чернилами с красноватым оттенком, почерком, немного отличающимся от почерка рукописи. В третий раз исправления сделаны небрежным почерком, который резко отличается от почерка рукописи. И все же в результате в тексте осталось много незаполненных мест. Кроме того, текст этого списка имеет некоторые расхождения с текстами предыдущих списков. Там, где рассказывается об Александре Македонском и его происхождении, внесены изменения, имеется добавление о Ромуле — в двух других списках Ромул не упоминается. Иначе, чем в предыдущих списках, сказано о Василии III, но в данном случае смыслового расхождения с ними нет, а скорее произведена перестановка фраз. Третий список стоит несколько обособленно. Ближе между собою два первых списка: смысловых расхождений между ними нет. Третий же список имеет и смысловые отличия от предыдущих двух, и много пропусков.

Из вышеизложенного ясно, что основной список должен быть выбран из двух первых. В списке из собрания Погодина, № 1567, недостает конца, поэтому, естественно, что основным надо считать список из собрания Синодального, № 791.

Текст Погодинского списка, как уже было сказано выше, не дописан до конца. На основании его мы не можем судить о том, чем заканчивалось «Послание». В двух других списках сразу же после «Послания», с той же строки, идет родословие литовских князей. Это не случайно, если примем во внимание, что после «Сказания» первой редакции по большей части также следует родословие литовских князей. «Послание» кончается словами: «Не просто бо глаголем государей наших поколенство, благочестиа удеръжавших православныя веры, дом бо их начяток от Месрема, внука Ноева. Претече же ныне до великого князя Василиа Ивановичя, волнаго самодржъца и царя, лет 4 (тысячи) осмьсот. А царству их начяток от Сеостра, начялнаго царя Египту, и от Августа, кесаря римска и царя, сей бо Август

пооблада вселеною. И сиа о сих известна суть».[1] Далее же следует как бы продолжение мысли: «А иже рече о вчинении родов литовскаго княжества». О родословии великих князей русских сказано в заключении: «И сиа о сих известна суть»; сходный оборот читается и после изложения родословия литовских князей: «Сия о сих родов предложениа». А несколькими строчками выше сказано: «Сиа о сих та известа суть бо». Слова «сиа о сих...» в текстах того и другого родословия встречаются довольно часто: манера возвращаться после отступления к основному изложению одна и та же. Эта стилистическая особенность говорит за то, что автором того и другого родословия было одно и то же лицо. Кроме того, оба родословия построены по одному плану. После каждого из родословий, рассказывающих о происхождении князей, подведен итог: в первом случае дано сжатое изложение взгляда на происхождение русских князей, такой же итог подведен и к происхождению князей литовских. Имея в виду все сказанное, можно думать, что родословие литовских князей входило в «Послание» Спиридона-Саввы как его вторая часть.

Текст первой части «Послания» во многом совпадает со «Сказанием о князьях владимирских». Возникает вопрос о взаимоотношении этих памятников. Особенно близко «Посланию» «Сказание» первой редакции. Кроме рассказа о происхождении русских князей от Августа римского и о добывании царского венца Владимиром Мономахом в них содержится рассказ об отпадении римской церкви. После «Сказания» первой редакции в рукописях обычно следует текст родословия литовских князей, соответствующий второй части «Послания».

Для того чтобы установить зависимость между этими памятниками, прежде всего надо сравнить их между собой. При сопоставлении текстов «Послания» Спиридона-Саввы и «Сказания» первой редакции отметим расхождения только самые для нас существенные.

Сравним между собой начало текстов «Сказания» первой редакции (собр. Волоколамск. монастыря, № 572) и «Послания» (собр. Синод., № 791).[2]

«Сказание»	«Послание»
Сказание о великих князех владимерских великиа Русия. От история Ханаонава и предела, рекома Арфаксадова, перваго сына Ноева, рожьшагося по потопе. По отца сво-	*О святем дусе, Спиридон рекомый, Сава глаголемый, сынови смирениа нашего имя рек радоватися, аще ти в потребу молитва смирения нашего с благословением. Слышание мое,*

[1] Рукоп. ГИМ, собр. Синод., № 791, л. 113—113 об.

[2] Расхождения текстов выделены курсивом.

его Ноя благословению разделися вся вселенная на три чясти трем сыном его: Симу, Хаму и Афету. Изврежеся от нерадениа Хам от благословениа отца своего Ноя, зане не покры наготы отца своего Ноа, упившася вином. Егда истрезвися Ной от вина *и вразуме, елико сътвори ему сын его меньший, и рече: «Проклят буди Хам, да будет раб братома своима»*. И благослови дву сынов своих Сима и Афета, иже покрыша наготу отца своего опаки зрящи, наготы же не видеша. *И благослови Симова сына Арфаксада, яко да* вселится в пределех Ханаоновых. И родишася ему две близняте: первому имя Мерсем, второму Хус, — сии начялницы Египту.

еже потребовал еси от нас своим писанием и нашими чернецы, ищючи от нас некыи прежних лет ото историкиа Ханаонова предела, рекомо ото Арфаксадова, перваго сына Ноева, рождшегося по потопе.

По отца своего Ноя благословению разделися вселеная на три чясти трием его сыном: Симу, Хаму и Афету. И извержеся от небрежениа Хам благословениа отца своего Ноя, бо зане не покры наготы отца своего, упившеся вином. И истрезве Ное от виннаго вкуса, своих двоих сынов Сима и Афета благослови, иже покрышя наготу срамоты его своима рукама, опакама не зряще стыдениа отца своего Ноя; *благослови же и четвертаго сына своего Арфаксада* вселитися в Ханаоновых пределех. И родиша ему две близняте: первому имя Месрем, второму Хус, — сии началницы Египту.

В результате сравнения этих отрывков получается: в «Сказании» Мерсем и Хус — сыновья Арфаксада, сына Сима, в «Послании» же Мерсем (Месрем) и Хус — сыновья Арфаксада, сына Ноя. Или в «Сказании», или в «Послании» текст не верен. По-разному сказано и дальше — о потомках Мерсема:

«Сказание»

...Мерсу же умножишася племена даже *до сей страны*.

«Послание»

...Месрему же умножишася по колену племена даже *до Сеостра*.

Приведенная фраза в «Сказании» означает, что потомки Мерсема распространились на восток до Индии. В «Послании» смысл иной: здесь говорится о продлении рода до Сеостра, и мысль эта будет повторена в дальнейшем тексте «Послания». Что в «Послании» смысл более точен, будет видно из дальнейшего текста.

«Сказание»

И воста некий начялник того же рода именем Фарис в Калаврийских странах и созда град во имя свое *именем Арфакса*. Правнук же его именем Гайдуварий, сей первый написа астрологию в Асирии в пределех Симовех, *и по сем Сеостр*. Сей же Сеостр первее всех на земли въцарися в Египте...

«Послание»

И вста некый началник из рода того имянем Фарсис в Калаврийскых странах и създа град в има свое. *Имяше же и Сим, сын Ноев, сын имянем Арфаксад*. От его же рода правнук его имянем Гандуварий, сей первее написа астрономию в Асирии в пределех Симовех прародителя своего. Сеостр первее всех на лици всея земля въцарися в Египте...

В приведенном тексте «Сказания» есть противоречия. Фарис создает град «во имя свое» — Арфакса. Кроме того, в «Сказании» отсутствует фраза об Арфаксаде, сыне Сима, поэтому Гайдуварий оказывается правнуком Фариса, а не Арфаксада, как сказано в «Послании». При этом о Гайдуварии говорится, что он написал «астрологию» «в пределех Симовех», в то время как он по тексту «Сказания» является выходцем из рода Афета. После упоминания о Гайдуварии сообщается, что Сеостр «первее всех на земли въцарися в Египте». Однако до этого «начальником Египта» назван Мерсем, который происходил из рода Арфаксада, сына Симова. Сеостр же в «Сказании» выведен из рода Афета. В самом начале «Сказания» дано обещание рассказать от «предела, рекома Арфаксадова, перваго сына Ноева, рожьшагося по потопе», в изложении же «Сказания» предел этот отсутствует совершенно, а египетские правители выведены не из этого предела, а от Афета.

Между тем, в «Послании» рассказ о расселении племен и перечисление родов противоречий не содержат. Рассказ о племени Афета кончается на Фарсисе. Далее говорится о племени Сима — у Сима был сын Арфаксад, правнуком которого был Гандуварий. Поэтому понятна фраза о том, что Гандуварий написал «астрономию» «в пределех Симовех». На этом кончается рассказ о Симовом пределе, далее говорится о Сеостре. Ранее упоминалось, что он происходил от Месрема. Поэтому понятна фраза о том, что Месрем «началник Египту». Спиридон, таким образом, в «Послании» ведет изложение вполне последовательно и выполняет обещание, данное в начале, — рассказать от «предела, рекомо ото Арфаксадова, перваго сына Ноева».

Исходя из текстов обоих произведений, для наглядности можно составить таблицу генеалогических и территориальных взаимоотношений потомков Ноя (стр. 62—63), которая покажет последовательность изложения текста в «Послании» и путаницу в «Сказании».

Таблица показывает, что в «Послании» потомки Ноя расселены по пределам в соответствии с их генеалогическими связями.

В «Сказании» же потомки Сима оказываются в пределах Хама, потомки Афета сначала попадают в предел Сима, а затем Хама.

Путаница в тексте «Сказания» происходит от того, что сын Ноя Арфаксад назван сыном Сима. В «Сказании» Ной передает пределы Хама не своему сыну Арфаксаду, а сыну Сима с таким же именем. От этого получились и дальнейшие несоответствия в тексте.

Чем объяснить такое количество противоречий в тексте «Сказания»?

И. Н. Жданов, сравнивая тексты обоих произведений и вступление к родословию великих князей русских, пришел к выводу, что первоначальный текст читается в «Сказании». Он видел, что в «Сказании» текст вначале искажен, и считал, что Спиридон-Савва, заметив эту порчу текста и желая внести исправления, ввел четвертого сына Ноя Арфаксада.[1]

Однако это рассуждение И. Н. Жданова несостоятельно. Он не заметил всех ошибок, которые происходят от того, что в «Сказании» отсутствует четвертый сын Ноя Арфаксад. Вплоть до Птоломея в «Сказании» встречаются противоречия в тексте. Трудно себе представить, чтобы первоначальный текст или тот текст, с которого списывал Спиридон-Савва «Послание», имел такое количество ошибок, а тот, кто переделывал это произведение, исправил его с такой точностью и последовательностью. На деле было, конечно, обратное. Новый редактор, переделывая Спиридоново «Послание», усомнился в существовании сына Ноя Арфаксада и превратил его везде в сына Сима, в результате чего в «Сказании» произошла дальнейшая путаница. Эту же путаницу подтверждает и наличие фразы в начале текста «Сказания»: «От история Ханаонова и предела, рекома Арфаксадова, перваго сына Ноева, рожьшагося по потопе». В «Сказании» эти слова не имеют смысла, так как изложение «Сказания» им не следует, в «Послании» же они логично входят в первую фразу, где говорится, что от Спиридона потребовали изложения событий от «историкиа Ханаонова» и подтверждаются всем ходом изложения «от предела Арфаксадова». В «Сказание» эта фраза попала потому, что составитель «Сказания» механически отбросил только самое начало текста, где Спиридон говорил о себе. Спиридон же изложил события последовательно от Ноя и его сына Арфаксада к египетским правителям, от них к Риму, через Пруса до русских князей. Заканчивая изложение родословия русских князей, Спиридон дает обобщение своему рассказу: он пишет, что ведет свой рассказ «ото историкия Гандуария некоего имянем от рода Арфаксадова» и что дом русских государей ведет свое начало от Месрема, внука Ноева, что царству их «начяток» от Сеостра — первого царя Египта и от Августа кесаря.

Приведенное сравнение текстов «Послания» и «Сказания» дает возможность думать, что в «Послании» текст более верный, а «Сказание» представляет собой переделку текста «Послания».

---

[1] И. Н. Жданов. Повести о Вавилоне и «Сказание о князех владимирских», стр. 78.

Проследим и дальше существенные отличия между текстами «Сказания» и «Послания». Несколько по-разному сказано об Александре Македонском и о роде Птоломеев.

«Сказание»

Сей вторый пооблада вселенною *лет 12, и всех лет живота его 32,* скончася и предаде Египет ряднику своему Птоломею . . . .

. . . .

От Александра Макидоньскаго до Птоломеа Прокаженаго премину Птоломеев 22.

«Послание»

Сей второе пооблада вселеною; *жыт же Александр 30 лет* и скончяся и предаде Египет ряднику своему Птоломею. *И от Птоломея Заечичя до Птоломеа Прокоженаго премину во Египте Птоломеев 21.*

Последующее текстологическое сопоставление также свидетельствует о различиях текстов «Послания» и «Сказания». В «Послании» нет дат разделения вселенной Августом и крещения Руси Владимиром. В «Сказании» даты эти вставлены, причем там, где добавлено об Августе, произошло повторение — два раза говорится о том, что Август направился в Египет. Вставка сделана явно неудачно — редактор, очевидно, преследовал цель ввести дату пребывания Августа в Египте.

«Сказание»

И пришед Август, взят Египет, и уби зятя своего Антонина, сам седе в Египте. Взят же и Клеопатру царицу.. . . . .

. . . и рядостне въскликнушя велиим гласом: «Радуйся, Августе, царю римъский и всея вселенныа!».

В лето 5457 Августу, кесарю римъскому, грядущу в Египет с своими *ипаты, яже бе власть египетьская рода суща Птоломеева. И срете его Ирод Антипатров, творя ему велие послужение вои и пищею и дарми. Предаде же бог Египет и Клеопатру в руце Августу.* Август же начят дань покладати на вселенней. Постави брата своего Патрикиа царя Египту; Августалиа, другаго брата своего, постави Александрии властодержца; Ирода же Антипатрова Асколонитянина за многия ради его почести постави царя над июдеи в Иерусалиме...

А великого князя Рюрика четвертое колено великий князь Володимер, иже просветил Русьскую землю святым крещеньем *в лето 6496.*

«Послание»

И прииде Август на Египет и убит зятя своего бывшаго Антонина, а сам оста на Египте. Взят же и Клеопатру царицу. . . .

И радостне вси въскликнушя велиим гласом: «Радуйся, Августе, царю римский всея вселенныя!».

Август же начят ряд покладати на вселеную. Постави брата своего Патрикиа царя Египту; и Августалиа, брата своего, Александрии властодержьца постави; *и Киринея Сирии властодержъца положи;* и Ирода Антипатрова от Аманит за многия дары и почтениа постави царя еврейска в Ерусалиме...

И от великаго князя Рюрика четвертое колено князь великы Володимер, просветивый землю Русскую святым крещением, *нареченный в святом крещении Василие.*

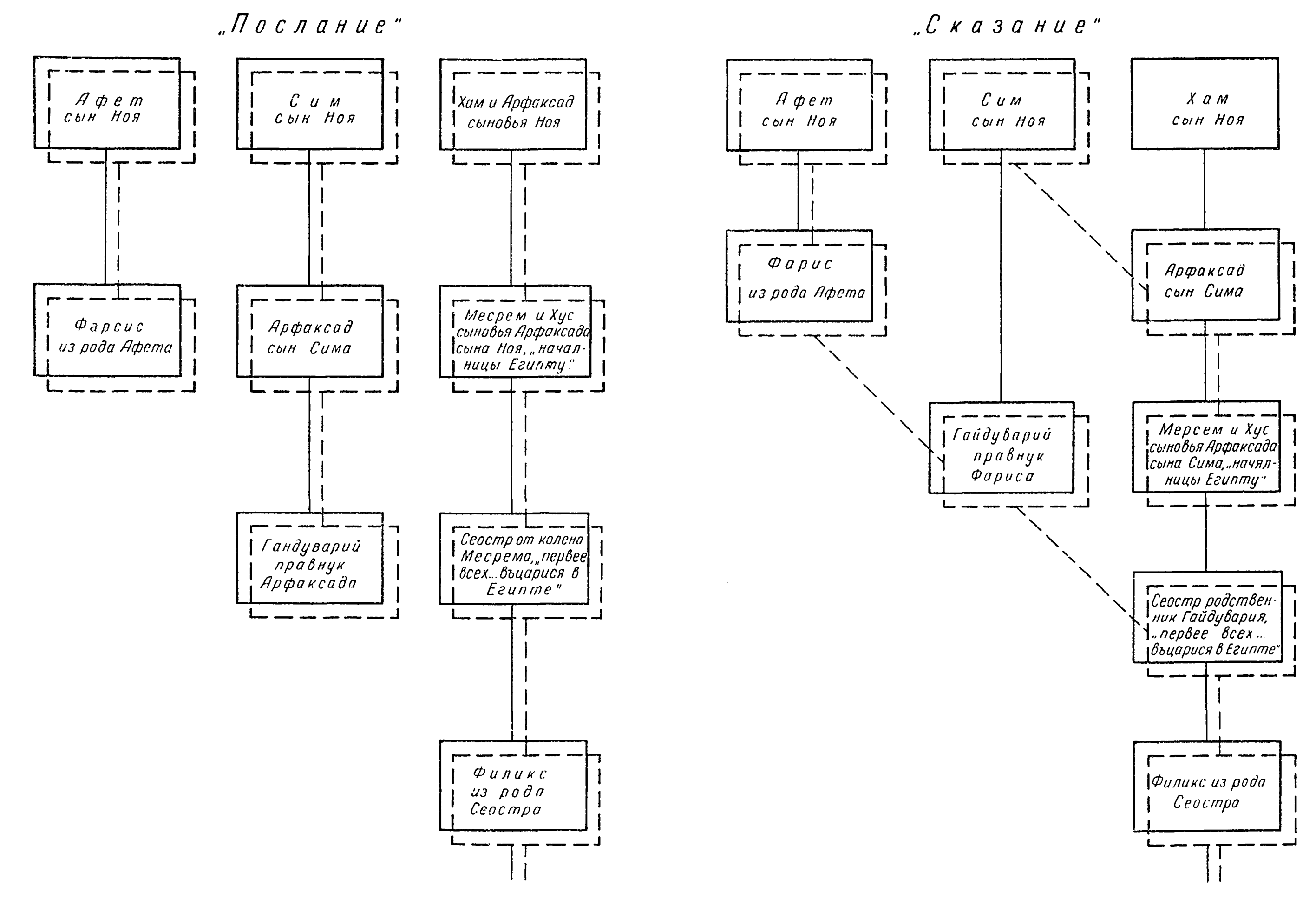

Таблица генеалогических и территориальных взаимоотношений потомства Ноя в «Послании» Спиридона-Саввы и в «Сказании о князьях владимирских».

Сплошные линии **означают распределение потомства в „пределах" Сима, Хама и Афета;** ***прерывистые линии*** **означают генеалогические связи потомства Ноя.**

В «Сказании» отсутствуют слова «и Киринея Сирии властодержъца положи». Почему они не попали сюда, объяснить трудно. Очевидно, эти слова были случайно опущены при составлении текста «Сказания».

В «Послании» рассказ об отпадении римской церкви приведен в середине текста. Он сливается с основным текстом, так как объясняет затруднительное положение Константина Мономаха: в то время, как на Константина шел войной Владимир, в Константинополе решался вопрос об отпадении римской церкви; и хотя рассказ об этом уводит немного в сторону от основных событий, вставлен он уместно. В «Сказании» по сравнению с «Посланием» рассказ об отпадении римской церкви изложен сокращенно. Помещен он в конце «Сказания» и логически с остальным повествованием не связан, его легко убрать, не меняя ничего в остальном тексте. В середине же текста, после того как был изъят подробный рассказ об отпадении римской церкви, сделано добавление — говорится о том, что Константин Мономах вел борьбу с персами и латинянами.

«Сказание»	«Послание»
...и плениша я доволно, и возвратишася с многим богатеством. *Тогда бе в Цариграде благочестивый царь Констянтин Манамах, и в то время брань имея с персы и с латыною.* И съставляет совет мудре и царьски...	...и пленишя ю доволно, и възвратишяся со многим богатством в здравии мнозе въсвояси. И сиа о сих тако. *В та бо времена бе лето 6 (тысяч)ное 553 отвержесе Рим, и испаде папа Формос от веры . . . .* . . . . *единосущна бо есть Троица: отець, и сын, и святы дух. И сиа о сих; мы же пакы на предлежащее поидем.* Царь же боголюбивый Костянтин Манамах състављяет съвет...

Расхождения между «Сказанием» и «Посланием» имеются и в перечислении даров от Константина Мономаха. Слово «кация» было заменено словом «чепь». Перечисление даров было сокращено, упоминания о «ливане» и «измирне» в «Сказание» не внесены.

«Сказание»	«Послание»
От своея же выя снемлет животворящий крест от самого животворящаго древа, на нем же распятся владыка Христос. Снемлет же от своея главы венець царьский и по-	И от своея выя приемлет животворящий крест от самаго животворящего древа, на нем же распятся владыко Христос. Снемлет же от своея главы и венец царьскы и поставляет

ставляет его на блюде злате. Повелевает же принести крабьицу сердоликову, из нея же Август, царь римъский, веселяшеся, и ожерелье, иже на плещу своею ношаше и *чепь* от злата аравьска искованy и ины многи дары царьскиа.

его на блюде злате. Повелевает же принести и крабицу сердаликову, из нея же Август, кесарь римскый, веселяшеся, и ожерелье, иже на плещу своею ношяше, *и кацию*, иже от злата аравийска искованy, *и измирну с многими благовонными цветы Индийскиа земля съставлену, и ливан от злата аравийска трома смешение имат* и ины многи дарове...

В «Послании» правильно стоит имя Святослав, в «Сказании» оно превратилось во «Всеслав». Второе, конечно, более позднего происхождения — была допущена историческая ошибка.

«Сказание»

...и потом *Всеслав* Игоревич, князь великий, ходил и взял на Коньстянтине граде тяжьчайшую дань.

«Послание»

...и потом князь великий *Святослав* Игоревич, *порекло имый Легкы, иде в галиахх на двою тысящь и седмиюсот* и взят на Костянтинове граде тяжчайшую дань *и възвратися в свое отечество, Кыевскую землю, и скончавает житие.*

Таким образом, сравнение текстов «Послания» и «Сказания» говорит о первоначальности «Послания» и о том, что «Сказание» было сложено на его основе.

«Послание» Спиридона-Саввы было написано в княжение Василия III. И. Н. Жданов убедительно доказал, что оно написано не ранее 1505 г. и не позднее 1523 г. «Сказание» первой редакции составлено после этого срока, но не позже 1547 г.

Выяснению причин и уточнению времени появления «Сказания» поможет разбор родословия литовских князей. Речь об этом более подробно пойдет в следующей главе.

* * *

Содержанию «Сказания» и «Послания» близок текст, в котором говорится о происхождении русских князей. Этот текст обычно встречается вместе с изложением родословия великих князей русских и имеет назначение вступительной статьи к родословию.

«Послание» Спиридона-Саввы и «Сказание о князьях владимирских» нашли отражение в ряде произведений еще в XVI в.

Кроме отдельной повести о приобретении Владимиром Мономахом царского венца, известны еще переработки их в составе других произведений, где они приобрели характер исторического повествования.

В одной из рукописей Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде содержится повесть «О создание Царяграда, како начало прият по умертвии царя Александра Макыдонского».[1] Повесть начинается объяснением слова «Византия», текстуально сходным с соответствующими местами «Послания» Спиридона и «Сказания о князьях владимирских».[2] Далее в этой повести идет перечисление византийских царей и некоторых событий византийской истории. Последним царем назван Константин Мономах. В перечисление византийских событий включаются некоторые заметки о русских князьях, начиная с легендарного Рюрика. О Рюрике в повести сказано, что он «прииде из варяг и с Пруские земли, сродник царю Августу, кесарю римскому». Затем сообщается о том, как Олег взял дань с Константинополя, перечисляется еще ряд событий русской истории. Кончается повесть рассказом о том, как царь Константин отправил Владимиру Мономаху венец. Этот заключительный рассказ в повести приведен по «Сказанию», хотя он изложен весьма сокращенно. Установить использование в данном случае «Сказания», а не «Послания» нетрудно, так как в повести присутствует фраза: «И в то время царю Константину бысть брань с персы и с латынóю». Рассказ о Владимире Мономахе не доведен до конца, он обрывается на л. 169 об. Очевидно, был утерян лист. Время появления повести установить не удалось. Надо думать, что она появилась вскоре после создания «Сказания о князьях владимирских» первой редакции, так как рассказ о Владимире Мономахе в ней изложен ближе к тексту именно этой редакции.

Кроме того, удалось обнаружить два списка произведения, которое очень близко к «Сказанию», носит оно название «Повесть о разделении вселенныя трем сыном Ноевым по отца своего Ноя благословению».[3]

---

[1] Рукоп. ГПБ, собр. Софийск. библ., № 1448, лл. 165—169 об., почерк середины XVI в.

[2] Объяснением слова «Византия» нередко начинается и «Повесть о Цареграде» (ПСРЛ, т. VIII, стр. 125 и т. XII, стр. 78; рукоп. БИЛ, собр. Румянцева, № 255; рукоп. БИЛ, собр. Музейное, № 1327).

[3] 1) Рукоп. БИЛ, собр. Ундольского, № 576, лл. 16 об.—27, полуустав XVI в.;

2) рукоп. ГИМ, собр. Синод., № 850, лл. 485—488 об., скоропись середины XVII в.

«Повесть» представляет собой несколько измененный текст «Сказания». Сравнение текста «Повести» со «Сказанием» первой и второй редакций убеждает, что в основу ее положен текст «Сказания» первой редакции. Кончается «Повесть», как и «Сказание» первой редакции, рассказом об отпадении римской церкви. Происхождение данной «Повести» от «Сказания» подтверждается и тем, что после текста ее в рукописи из собрания Ундольского следует родословие литовских князей, как и после большинства списков «Сказания» первой редакции. Второй список менее ясен, так как текст не доведен в нем до конца, он обрывается словами, относящимися к Рюрику: «дабы шел к нам княжити».

Особенности «Повести» следующие. В некоторых случаях рассказ ее сравнительно со «Сказанием» расширен. Так, о Нектонаве приведено несколько больше фактов, чем в «Сказании». О призвании Рюрика сказано пространнее и внесена дата его прихода на Русь. Так же подробнее рассказывается в «Повести» и о Владимире Мономахе, в частности, приведена дата его вокняжения в Киеве. Дата вокняжения Владимира Мономаха приведена и во второй редакции «Сказания о князьях владимирских», но о заимствовании «Повести» из второй редакции не может быть и речи по следующим основаниям. Во-первых, в «Сказании» дата вокняжения верная, а в «Повести» ошибочная. Во-вторых, по тексту «Повести» ясно, что он заимствован из первой редакции «Сказания», иначе был бы приведен подзаголовок второй редакции, что было бы весьма уместно, так как в повести выделены особыми подзаголовками разделы, где рассказывается о различных событиях и лицах. Эти подзаголовки в списке из собрания Ундольского выделены киноварью.

Так же точно в родословии литовских князей, следующем за «Повестью», в отличие от родословия литовских князей, помещаемого вслед за «Сказанием», отдельные разделы его выделены подзаголовками.

О времени появления этой «Повести» судить трудно. Можно только предположить, что она была написана не раньше венчания Ивана IV, потому что сделано разъяснение слова «ожерелье» — «зовомо святыя бармы», которого нет в «Сказании» первой редакции и которое появилось впервые в тексте «Поставления». В «Сказании» говорится только о том, что Владимир Мономах венчан был венцом, здесь же добавлены и бармы. Очевидно, составитель «Повести» имел ясное представление о чине венчания на царство.

Привлечено было «Сказание» для составления и другого вида повести, появившейся тоже уже в XVI в. Текст этой по-

вести известен по двум спискам. Более древний список повести помещен в последней части Хронографа.[1] После повести в этой рукописи следуют статьи родословия, сначала великих князей русских, затем удельных. Второй список находится в сборнике, состоящем из 11 рукописей.[2] Повесть помещена во второй рукописи.[3] Повести предшествуют статьи родословия великих князей русских, а за ней следует рассказ «О зачатии града Москвы».

Текст «Сказания», использованный в повести, очевидно, приведен по второй редакции «Сказания», о чем говорит фраза «И Клеопатра же умори себя ядом аспидовым, глаголющи», характерная для второй редакции. Однако повесть имеет некоторые отступления от «Сказания»; так, заглавие у нее совсем другое: «О благочестивых государех великих Росии самодержцах, откуда корень их изыде и от летописца вкратце, яже в лета державы их содеяшася». Рассказ начинается от Ноя, доведен до Августа, римскаго кесаря, после чего сделано добавление по Хронографу о царствовании Августа и о рождении Христа. Дальше, как и в «Сказании», говорится о разделении вселенной Августом, но с некоторыми отличиями от текста «Сказания». Заканчивается рассказ сообщением о Рюрике.

Известны три рукописи, в которых содержится текст, имеющий отношение к «Сказанию о князьях владимирских» и «Посланию» Спиридона-Саввы и представляющий собой интересное слияние обоих произведений.[4] Рассказ начинается с разделения вселенной Августом. Повесть в основном построена по «Сказанию» первой редакции, но нередко текст излагается по «Посланию». В перечисление разделенных земель вставлено о Киринее, упоминание о котором отсутствует в «Сказании», но имеется в «Послании». Речь Владимира к своим боярам и их ответ перед походом на Царьград изложены ближе к соответствующему

---

[1] Рукоп. ГИМ, собр. Воскресенск., № 154а, лл. 580—584, полуустав XVI в.

[2] См. описание рукописей: М. Н. Тихомиров. Летописные памятники б. Синодального собрания, стр. 277—278.

[3] Рукоп. ГИМ, собр. Синод., № 964, лл. 120 об.—127, скоропись середины XVII в.

[4] 1) Рукоп. ГИМ, собр. Чудовск. монастыря, № 264, лл. 730—733, сборник 40-х годов XVI в., название «Начало царема римски и всем православным великым князем»;

2) рукоп. БИЛ, собр. Волоколамск. монастыря, № 627, лл. 79—87, сборник XVI в., без названия. — В издаваемом ниже тексте повести варианты по этому списку не подведены, так как он был обнаружен после того, как книга была сдана в набор;

3) рукоп. БИЛ, собр. Румянцева, № 253, с л. 4, полуустав XVIII в., название «Повесть о Августе кесаре».

месту «Послания», чем «Сказания». Поход же на Фракию и рассказ о присылке даров Владимиру Мономаху от Константина переданы по «Сказанию». Начало рассказа об отпадении римской церкви, который помещен, как и в «Сказании» первой редакции, в конце повести, ведется сначала по «Сказанию», а затем с такими же подробностями, как в «Послании».

После рассказа об отпадении римской церкви в этих рукописях помещено родословие литовских князей, которое обычно следует после «Сказания» первой редакции и входит в состав «Послания». Родословие литовских князей, читающееся за «Сказанием», несколько отличается от родословия, которое излагается в «Послании». Их различия будут рассмотрены в следующей главе. Надо заметить, что в рукописях, о которых сейчас идет речь, родословие литовских князей представляет собой такое же соединение текстов родословий из «Послания» и следующего за «Сказанием» первой редакции.[1]

Чудовский список повести писан в 40-х годах XVI в. и может служить подтверждением вывода, что к этому времени существовало и «Послание» Спиридона-Саввы, и «Сказание о князьях владимирских» первой редакции с последующим родословием литовских князей.

Таким образом, «Сказание» вскоре после своего появления, в том же XVI в., вызвало к себе большой интерес. Появившись в политических целях, оно привлекло внимание как литературное произведение и стало передаваться в виде отдельных повестей, текст которых расширялся дополнительным материалом. В следующих главах мы остановимся на литературной судьбе «Сказания» более подробно.

* * *

Подведем итог всему изложенному. Текстологический анализ позволяет поставить в определенные хронологические рамки цикл памятников, связанных со «Сказанием о князьях владимирских», и проследить зависимость их друг от друга и от определенных исторических событий. Изучение сохранившегося рукописного материала помогает выяснить историю возникновения и дальнейших изменений, которым подверглось это произведение.

Время появления «Сказания» И. Н. Жданов предполагает в неопределенных границах — с конца XV до начала XVI в. Весь дошедший рукописный материал не дает права относить возникновение «Сказания» к концу XV в. Также можно отверг-

---

[1] В рукописи из собр. Чудовск. монастыря, № 264, после родословия литовских князей помещен текст чина венчания Дмитрия Ивановича, внука Ивана III.

нуть предположение И. Н. Жданова, что автором его был Пахомий Логофет.

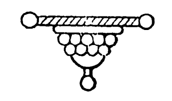
Первоначальный вариант «Сказания» представляет собой «Послание» Спиридона-Саввы. И. Н. Жданов считал его позднейшей переделкой «Сказания». Между тем, сравнение текстов того и другого произведения убеждает, что именно «Послание» было подвергнуто дальнейшей обработке, в результате чего появилось «Сказание о князьях владимирских» в сжатой и стройной форме. Вместе с тем в содержание «Сказания» вкрался ряд ошибок.

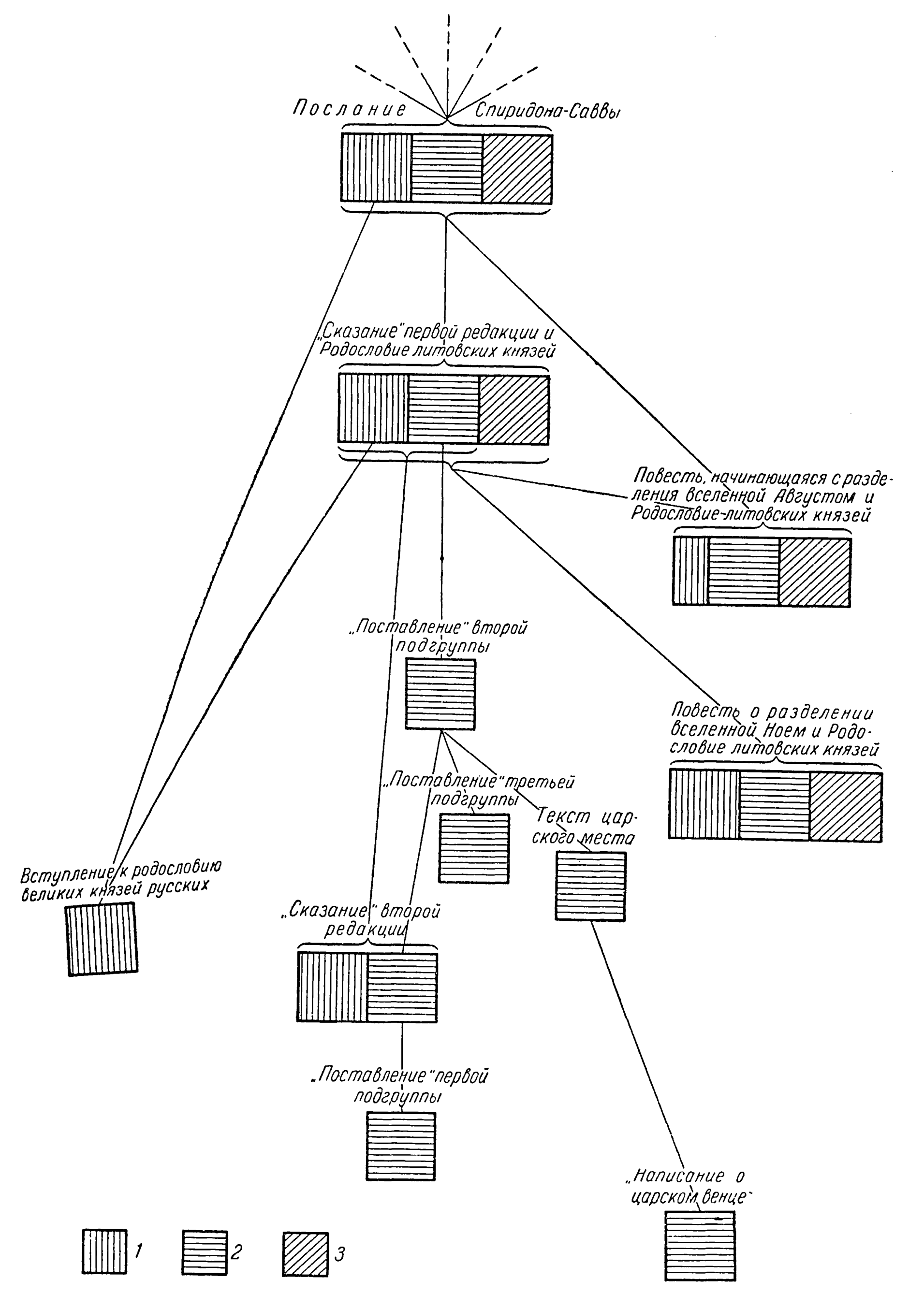
Данные, полученные на основании изучения рукописей, дают возможность сделать предварительный вывод о времени составления «Послания» и «Сказания». Первоначально написано «Послание» Спиридона-Саввы. Создано оно было (как и предполагал И. Н. Жданов) между 1505—1523 гг. После этого появилась первая редакция «Сказания», написанная до 1547 г. — года венчания Грозного. Между 1547—1551 гг. возник ряд вариантов второй части «Сказания» — повести о приобретении Владимиром Мономахом царского венца. Несколько позднее, тоже во время царствования Ивана IV, была создана вторая редакция «Сказания». Одновременно с этим, полностью или по частям, «Сказание» и отчасти «Послание» проникают в историко-повествовательную литературу. Появляются повести, которые в основе своей содержат текст «Сказания», в некоторых случаях (Чудовский список и ему подобные) с добавлением текста «Послания» или из каких-либо иных источников (летописи, Хронограф). Такое проникновение «Сказания» в литературу начинается не позднее 40-х годов XVI в. В том же XVI в. «Сказание» начинает использоваться в летописных записях, в родословной литературе. В конце XVI в. была выделена из «Сказания» второй редакции повесть о приобретении Владимиром Мономахом царского венца. Так появилась еще одна разновидность этой повести. В XVII в. большому изменению подверглась повесть о приобретении Владимиром Мономахом царского венца. Произведена была замена имени Константина Мономаха именем Алексея Комнина, была придумана легенда о дальнейшей участи царского венца.

Судьбу произведений древнерусской литературы в общественной жизни обычно проследить бывает трудно. Значение же «Сказания» в политической жизни Русского централизованного государства можно установить достаточно отчетливо, что мы и постараемся сделать в дальнейшем. Но и данная часть работы уже дает возможность утверждать, что «Сказание о князьях владимирских» использовалось правительством в политических

целях. Возникновение редакций «Сказания» связано было, очевидно, с определенными событиями в стране. Не случайно «Послание» Спиридона-Саввы и «Сказание» первой редакции помещены в рукописях вместе с родословием литовских князей. В этом, как мы увидим, был заключен определенный политический смысл. Появление «Сказания» находилось в зависимости от великокняжеской политики в стране. Вместе с тем рукописный материал отчетливо показывает, как «Сказание» в различного рода переработках вливалось в повествовательную литературу XVI в.

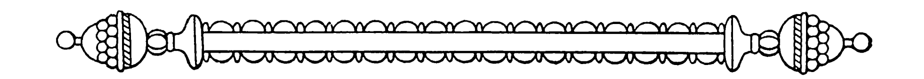
Таким образом, рукописный материал дает возможность поставить ряд вопросов о роли «Сказания» в исторических событиях XVI в. Литературная судьба памятника, которую мы проследим в последующих главах, раскроет его политическое значение в деле укрепления Русского централизованного государства.

Упрощенная схема взаимоотношений редакций «Сказания о князьях владимирских» и текстов, близких «Сказанию».

1—Легенда о происхождении русских князей от Августа; 2—Легенда о приобретении Владимиром Мономахом царского венца; 3—Родословие литовских князей.

Глава II

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ «СКАЗАНИЯ О КНЯЗЬЯХ ВЛАДИМИРСКИХ»

В предыдущей главе было показано, что, вопреки установившемуся мнению, «Послание» Спиридона-Саввы предшествовало «Сказанию о князьях владимирских», явилось его основой. Зависимость «Сказания» от «Послания» очевидна. Проследим литературную историю возникновения этих обоих памятников.

Автор «Послания» называет себя двойным именем Спиридона-Саввы: «Спиридон рекомый, Сава глаголемый».[1] По другим произведениям он известен как Спиридон. Летописи также называют его Спиридоном.

Биографические сведения о Спиридоне можно извлечь частично из летописей, частично из того, что он сам говорит о себе в своих произведениях. Эти автобиографические высказывания характерны для всех известных произведений Спиридона.

Биография Спиридона-Саввы давно привлекала внимание исследователей и потому, что он был незаурядным писателем, и потому, что он был крупным церковным деятелем своего времени.[2] Однако, восстанавливая биографию Спиридона, исследователи кое в чем расходятся между собой: это объясняется главным образом тем, что ими был использован не весь сохранившийся материал о Спиридоне.

Биографические сведения о Спиридоне значительны, хотя и отрывочны. Спиридон из Руси попадает в Константинополь, оттуда в Литву, из Литвы опять на Русь. Наиболее ранние

---

[1] Рукоп. ГИМ, собр. Синод., № 791, л. 154.

[2] И. Бриллиантов. Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. СПб., 1899. — Филарет. История русской церкви. Изд. V, М., 1888. — Макарий. История русской церкви, т. IX. СПб., 1879.

сведения о Спиридоне имеются в летописях, где о нем говорится под 1476 г. Под этим годом в Типографской летописи записаны о Спиридоне известия, которых нет в московских летописях конца XV—начала XVI в.: «Того же лета прииде из Царяграда в Литовьскую землю митрополит, именем же Спиридон, а родом тверитин, поставлен по мзде патреархом, а повелением турскаго царя».[1] То же самое и под тем же годом помещено в примечаниях Карамзина в выписках из каких-то летописей, где содержались главным образом псковские известия.[2]

В каком церковном сане был Спиридон, когда он приехал из Руси в Константинополь, остается неизвестным. О своем поставлении в митрополиты он говорит в наиболее раннем из своих произведений — «Изложение о православней истинней нашей вере»: «Фенгари[3] семвтеврия 15 каланде белелг[4] соборный святейшаго патриарха Кир Рафаила Константинаполя новаго Рима и иже о нем священаго собора святых митрополит и боголюбивых епископ, по благословению священнаго сего вселеньскаго собора и рукоположение честнаго презвитерьства и иже о Христе дьяконьства благословение, прияхом поставление кыевъскыя митрополья всея Руси».[5] Поставление не оказалось для Спиридона удачным. Король Казимир не принял поставленного, очевидно, против его желания, нового митрополита. Неслучайно и в летописи было сказано, что он был поставлен «по мзде». По прибытии в Литву Спиридон был посажен в заточение. Об этой печальной участи Спиридона мы также узнаем из летописей. В Софийской второй летописи и в Львовской сказано под 1482 (6990) г.: «Того же лета приездил пан из Литвы, от митрополии же зде чернець бывал, его же Сотоною зовут за резвость его, и шед в Царьград, ста в митрополиты на Русь, и приеха в Литву, король же ят его и посади в заточении, и сказа от него князю великому: „яко много, рече, мощей от патриарха везох к тебе, король же все поима к себе"; князь же велики держа долго пана того и отпусти, рек: „не подымати рати, ни воеватися с королем про се"».[6] Близость текста обеих летописей между собою объясняется тем, что обе они имели в своей основе общий источник — свод 1518 г., где, очевидно, первоначально и содержались известия о Спиридоне. Сводом 1518 г. поль-

---

[1] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 195.

[2] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VI. СПб., 1892, прим. 629.

[3] Так в рукописи.

[4] Так в рукописи.

[5] Рукоп. ГПБ, собр. Софийск. библ., № 1451, л. 243.

[6] ПСРЛ, т. VI, стр. 233.

зуется также и Воскресенская летопись, однако составители более или менее официальной Воскресенской летописи не сочли нужным внести в нее известия о Спиридоне.[1] Хотя имя Спиридона в приведенном выше тексте летописей не упомянуто, мы все же можем с уверенностью утверждать, что речь идет именно о нем. В летописях говорится о «Сатане» — именно Спиридон был известен под этим прозвищем.

Каким образом Спиридону удалось освободиться из заточения в Литве и приехать на Русь, остается неизвестным. Известно только, что он пытался прибегнуть к помощи Ивана III, чтобы получить освобождение, но безуспешно. Время прибытия его на Русь можно только предполагать; повидимому, ему удалось выбраться из Литвы после 1482 г.

Митрополит и церковная иерархия были, очевидно, встревожены прибытием на Русь Спиридона. При московском митрополите Симоне (1495—1511 гг.) в архиерейской присяге еще находились следующие слова: «Отрицаюсь... (после Исидора и Григория Болгара, — *Р. Д.*) и Спиридона, нарицаемаго Сатана, взыскавшаго в Цариграде поставления, в области безбожных турок поганого царя, такожде и всех тех отрицаюсь, еже по нем когда случится приити на Киев от Рима латинского или от Царьграда турецкия державы».[2] Очевидно, что митрополит Симон, а возможно и его предшественник, опасались притязаний Спиридона на митрополичью кафедру, хотя трудно сказать, были ли Спиридоном предприняты какие-либо попытки предъявить на нее свои права. Заметим только, что, как видно будет из дальнейшего, Спиридон продолжал себя называть митрополитом и на Руси. О том, что от Спиридона ожидали попыток занять митрополичью кафедру, говорит его судьба на Руси: по прибытии на родину он был заточен в Ферапонтов монастырь. Случилось это между 1483 и 1503 гг. Из «Жития Зосимы и Савватия» узнаем, что в 1503 г. Спиридон находился уже в Ферапонтовом монастыре.

Ферапонтов монастырь расположен недалеко от Кирилло-Белозерского монастыря, в сорока верстах от г. Белоозера.[3] По сравнению с Кирилло-Белозерским у Ферапонтова монастыря были небольшие владения, но все же по количеству земельных владений в Белозерском крае он был вторым после

---

[1] См.: А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 370; Д. С. Лихачев. Русские летописи. М.—Л., 1947, стр. 475.

[2] Макарий. История русской церкви, т. IX, стр. 64.

[3] И. Покровский. Русские епархии в XVI—XIX вв., их открытие, состав и пределы, т. 1. Казань, 1897, стр. 43.

Кирилло-Белозерского. В состав вотчины Ферапонтова монастыря в начале XVII в. входило 4 села, 2 сельца, 54 деревни, 12 селищ и 95 пустошей.[1] Земельные владения монастыря слагались из пожалований удельных князей (Иван Андреевич дал монастырю деревню Крохинскую, жаловали земли Михаил Андреевич, Иван Иванович, Юрий Иванович).[2] Кроме того, монастырь приобретал земли путем покупок. Но главным источником благосостояния монастыря в XVI в. были денежные вклады и приношения.[3] Процветание монастыря падает на время со второй половины XV до середины XVI в. Постриженниками монастыря нередко являлись лица из знатных боярских фамилий. Долго жил в Ферапонтовом монастыре Иоасаф. Он происходил из князей Оболенских, одно время был игуменом монастыря, затем, в 1484 г., стал архиепископом ростовским,[4] но вызвал недовольство новгородского архиепископа Геннадия и должен был удалиться на покой в тот же Ферапонтов монастырь (до 1513 г.). Постриженником этого же монастыря был Кассиан, находившийся в близких отношениях с Нилом Сорским.[5] Паисий, написавший «Сказание о сочетании второго брака князя Василия Ивановича», тоже проживал в Ферапонтовом монастыре. Этот монастырь, как и Кирилло-Белозерский, принадлежал к монастырям, которые созданы были постриженниками Симоновой обители,[6] той группой церковников, среди которых возник центр так называемого нестяжательного направления. Идеолог нестяжателей Нил Сорский долгое время жил в Кирилло-Белозерском монастыре.

Примеров ссылки неугодных лиц в надежные монастыри, связанные с кругом церковников, на которых опирался митрополит, можно привести много. Спиридон показался митрополиту опасным: недаром в епископской присяге говорится о нем, как о лице, незаконно получившем сан митрополита, и митрополит посчитал нужным сослать его в Ферапонтов монастырь. В этот монастырь в заточение мог послать Спиридона тот митрополит, который был тесно связан с церковниками, стоявшими во главе

---

[1] А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVII вв. М., 1951, стр. 66—68.

[2] И. Бриллиантов. Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь..., стр. 79—80. — А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVII вв., стр. 141—142.

[3] И. Бриллиантов. Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь..., стр. 93.

[4] ПСРЛ, т. VI, стр. 232—233.

[5] И. Бриллиантов. Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь..., стр. 55—60.

[6] Д. Иловайский. История России, т. II. М., 1884, стр. 395.

монастырей — Кирилло-Белозерского и Ферапонтова. Скорее всего заточение Спиридона произошло при митрополите Зосиме (1490—1494 гг.): до избрания в митрополиты он был архимандритом того самого Симонова монастыря, пострижениками которого были созданы монастыри Кирилло-Белозерский и Ферапонтов.

В заточении в Ферапонтовом монастыре Спиридон усиленно занимался писательством. Условия для этого были в Ферапонтовом монастыре налицо. Как и в Кирилловом монастыре, в нем имелось большое количество рукописных книг. О богатом составе монастырской библиотеки мы можем судить по той части рукописей Ферапонтова монастыря, которая находится ныне в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде.[1] Мы знаем, что в XV—XVI вв. Кирилло-Белозерский монастырь принадлежал к числу монастырей, в которых было много грамотных монахов. Об этом дает право заключить его огромная библиотека, книги которой были писаны почти исключительно местными писцами. Повидимому, много грамотных монахов было и в соседнем Ферапонтовом монастыре. В рукописи XVI в. в летописных записях, касающихся главным образом Кирилло-Белозерского и близлежащих монастырей, под 1513 г. записано, что «преставился старец Варлаам дописец в Ферапонтове монастыре».[2] В 1530 г. чернец Ферапонтова монастыря Иона пожертвовал «Маргарит» Иоанна Златоуста с «иными приписми», которые он переписал своей рукой на основании многих списков.[3] Мы знаем о «Летописце русском», принадлежащем Ферапонтову монастырю.[4]

Первым по времени сохранившимся произведением Спиридона считается «Изложение о православней истинней нашей вере».[5] О времени и месте написания этого произведения мнения исследователей расходятся. Часть исследователей считает, что оно написано Спиридоном в то время, когда он был в заточении в Литве.[6] Большинство же относит это произведение ко времени заточения Спиридона в Ферапонтовом монастыре.

---

[1] И. Бриллиантов. Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь..., стр. 60—61.

[2] А. Ф. Бычков. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки, ч. 1. СПб., 1882, стр. 93.

[3] А. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 245—246.

[4] В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908, стр. 1210.

[5] Рукоп. ГПБ, собр. Софийск. библ., № 1451.

[6] А. Никольский. Спиридон, митрополит киевский. Русский биографический словарь. СПб., 1909, стр. 259—260.

Второе мнение более вероятно. В начале «Изложения» Спиридон, рассказывая о себе, замечает: «...сладкы нам юзы и радостна изгнанья».[1] Уже исходя из этого признания, можно сказать, что «Изложение» было написано после изгнания Спиридона или из Литвы, или вероятнее всего из Москвы. Характер произведения в целом свидетельствует об этом же.

В самом начале «Изложения» Спиридон говорит, что он ставит себе целью описание семи вселенских соборов. Он рассказывает о себе, о своем поставлении в митрополиты и об изгнании, затем говорит о соборах. Спиридон стремится доказать свою постоянную приверженность православию, что и можно считать истинной целью «Изложения». Верность православию Спиридону действительно надо было доказывать. Это становится ясным, если мы вспомним содержание епископской присяги, которая приводилась выше. В присяге Спиридон обвиняется в том, что он получил поставление в «области безбожных турок», которое расценивается в этой присяге наравне с поставлением из Рима: «...и всех тех отрицаюсь, еже по нем когда случится приити на Киев от Рима латинского или от Царьграда турецкия державы».[2] Об отношении на Руси к такого рода поставлениям говорит в своей работе И. Бриллиантов: «После взятия Константинополя турками русские склонны были считать поставление в Царьграде незаконным, наряду с поставлением от латынян, так что константинопольский патриарх впоследствие протестовал против обидного подозрения в своем православии».[3] Кроме того, Спиридон обвинялся в поставлении «по мзде».

В опровержение этих двух обвинений и написано «Изложение о православной вере». И. Бриллиантов правильно заметил, что, излагая события вселенских соборов в связи с ересями, Спиридон добавляет каждый раз о своем отрицательном отношении к этим ересям и предает их проклятию, а себя считает невинно пострадавшим за православие.[4]

В «Изложении» Спиридон поднимает и другие темы. Он выступает против церковных богатств. Отметив это, В. С. Иконников расценил Спиридона как защитника бедных.[5] И. У. Будовниц считает Спиридона примкнувшим к Нилу Сорскому. «В своем „Изложении о православной истинной нашей вере", —

---

[1] Рукоп. ГПБ, собр. Софийск. библ., № 1451, л. 243.

[2] Макарий. История русской церкви, т. IX, стр. 64.

[3] И. Бриллиантов. Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь..., стр. 62.

[4] Там же, стр. 63.

[5] В. С. Иконников. Опыт русской историографии, стр. 1004.

пишет И. У. Будовниц, — он выступает сторонником идей Нила Сорского и решительно высказывается за то, чтобы церковные имения шли „нищим, сиротам, вдовам и пленником свобода (т. е. на выкуп пленных, — *Р. Д.*), а не на своя страсти“».[1]

Поднимая вопрос о неприемлемости накопления богатств церковью, Спиридон тем самым перекликается с нестяжателями. Вассиан Патрикеев утверждал: «О сем тебе пишу, Иосифе, Иоан Златоустый о сем пишет, яко не подобает церквей украшати, а нищих и убогих обидети, но лучше есть нищим и убогим даяти, нежели церкви украшати».[2] Сходно говорит о церковных богатствах и Спиридон: «Да не будем, любимии, злату хранители и сребру собиратели и ризам мяккым любиви молцем и едаемыми».[3] В вопросе о церковных имуществах Спиридон не случайно сходится с нестяжателями: Спиридон писал свое «Изложение» с целью своей реабилитации, находясь в заточении в монастыре, близком к нестяжателям.

Вопрос о латинской вере Спиридон вновь поднимает в своем «Послании», о котором мы уже говорили в главе I и о котором речь пойдет в дальнейшем. В «Послании» Спиридон еще раз попытался показать, что он не имел связи с латинянами и отрицательно к ним относился.

О пребывании Спиридона в Ферапонтовом монастыре имеются сведения в «Житии Зосимы и Савватия». Это «Житие» снабжено предисловием и послесловием, рассказывающими историю его составления. В создании «Жития» Спиридон выполнил роль редактора, подвергнув его литературной обработке по просьбе Досифея — первоначального составителя «Жития», обратившегося к Спиридону, потому что «бе бо он тому мудр добре, имея написания ветхия и новая».[4]

Как и в «Изложении», Спиридон здесь также говорит о себе: «Понужену ми сущу от некоего мниха, ученика Зосимы блаженнаго, именем Досифея, тамо бо ему игуменом бывшу в обители острова Соловецкаго; исповеда ми подробну вся, ова и написана дасть на памятех, аз же сия собрах».[5] С именем Спиридона связано описание первых восьми чудес; в дальнейшем «Житие» подверглось обработке и дополнениям.[6] «Житие» было написано по

---

[1] И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947, стр. 101.
[2] Православный собеседник, 1863, ч. III (сентябрь), стр. 209.
[3] Рукоп. ГПБ, собр. Софийск. библ., № 1451, л. 259.
[4] Ив. Яхонтов. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1882, стр. 17.
[5] В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 200—201.
[6] Там же, стр. 202.

заданию новгородского архиепископа Геннадия.[1] Геннадий остался доволен «Житием» и оценил литературные способности Спиридона.[2] Спиридон объясняет, почему он взялся писать «Житие»: «Божиим изволением не отречеся, понуди старость свою и написа во общую пользу хотящих ревновати сих подобных житию».[3] Здесь же мы узнаем, что «Житие» Спиридоном было написано в 1503 г. в Ферапонтовом монастыре, в котором он был «поточен».

Спиридону без достаточных оснований приписывается еще одно произведение: «Послание инока Саввы на жидов и на еретиков», адресованное Дмитрию Васильевичу Шеину. «Послание инока...» написано в 1496 г. и представляет собой компилятивное произведение. С. А. Белокуров высказал предположение — не является ли этот Савва нашим Спиридоном. Однако веских данных для доказательства высказанного им предположения не привел.[4]

В. О. Ключевский полагал, что Спиридон умер вскоре после составления «Жития Зосимы и Савватия». И. Н. Жданов обнаружил еще одно произведение Спиридона, представляющее для нас исключительный интерес и являющееся, как мы уже установили в главе I, источником для «Сказания о князьях владимирских»: мы имеем в виду его «Послание», в котором рассказывается о происхождении русских князей.

«Послание», по всей видимости, написано для Василия III, о чем мы можем думать, основываясь на содержании «Послания», целью которого является возвеличение самого Василия III и великокняжеской власти. Как явствует также из «Послания», оно написано по чьему-то заданию. Задание было сделано в письменном виде через лицо, которое близко стояло к великому князю и одновременно принадлежало к группе церковных деятелей, имевших сношения с монастырем, где проживал Спиридон.

При этом задание было передано не непосредственно Спиридону, а через чернецов, о чем говорит сам Спиридон: «Слышание мое, еже потребовал еси от нас своим писанием и нашими чернецы, ищючи от нас некыи прежних лет...».[5] Из приведенной цитаты видно, что обращалось к Спиридону с запросом влиятельное лицо («потребовал»).

---

[1] Ив. Яхонтов. Жития св. севернорусских подвижников..., стр. 15—16.

[2] В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых..., стр. 200.

[3] Ив. Яхонтов. Жития св. севернорусских подвижников..., стр. 17.

[4] См. предисловие С. А. Белокурова к публикации текста «Послания инока Саввы на жидов и на еретиков» (Чтения ОИДР, 1902, кн. 3).

[5] Рукоп. ГИМ, собр. Синод., № 791, л. 154.

Спиридон писал свое «Послание», когда ему был уже девяносто один год, на склоне жизни. Поэтому он просит снисхождения к своему произведению: «Сиа убо аще и грубе изрекох скудостию домысла, паче же старостию одержим многою. Имам бо негде лет от рождениа моего девят десят и едино».[1] Указание на возраст не может помочь определить время написания «Послания», так как больше нигде не упоминается о возрасте Спиридона и год рождения его не известен даже приблизительно.

Предположительно все же можно установить годы, когда могло быть написано «Послание». Это сделал И. Н. Жданов, основываясь на самом тексте «Послания». Вместе с Василием III в тексте как живые упомянуты его братья — «Ивановичи и Андреевичи». Основываясь на дате смерти одного из братьев Василия III, И. Н. Жданов приходит к выводу, что «Послание» написано до 1523 г.[2] Но «Послание» не могло быть написано и ранее 1505 г., так как в нем упоминается Василий III, занявший великокняжеский стол в 1505 г. Еще более уточняет годы составления «Послания» замечание Спиридона о Сигизмунде как о «короле нынешнем». Сигизмунд взошел на престол в 1506 г. Значит, «Послание» написано между 1506—1523 гг.

Можно попытаться более точно установить время написания «Послания». Надо полагать, что Спиридон, когда писал свое «Послание», жил в том же Ферапонтовом монастыре, где им были составлены «Изложение о православной вере» и «Житие Зосимы и Савватия». В Ферапонтов же монастырь, связанный с нестяжателями, могли обратиться только те, близко стоявшие ко двору Василия III лица, которые сочувствовали им. Это могло произойти тогда, когда Василий III сблизился с нестяжателями. Мы уже привели основание к тому, что «Послание» было написано между 1506 и 1523 гг. Можно предположить, что «Послание» относится ко времени или митрополита Симона (1495—1511), или митрополита Варлаама (1511—1521). После Варлаама на митрополичью кафедру был поставлен игумен Иосифова монастыря Даниил, ярый противник нестяжателей, и заказ нестяжателям, шедший через церковную организацию, был бы менее вероятен.

Едва ли, однако, заказ был сделан при Симоне. До своего поставления в митрополиты он был игуменом Троице-Сергиева монастыря и стоял ближе к иосифлянам, чем к нестяжателям. Это подтверждается тем, что в споре Иосифа Волоцкого с ростов-

[1] Там же, л. 113.

[2] И. Н. Жданов. Повести о Вавилоне и «Сказание о князех владимирских», стр. 57.

ским архиепископом Серапионом Симон принял сторону Иосифа, и Серапион был сослан в Троице-Сергиев монастырь.[1] При Симоне же на соборе 1503 г. восторжествовали иосифляне. Трудно предположить, что при нем мог быть сделан литературный заказ в монастырь Белозерского края — один из центров нестяжательских идей.

После Симона, как мы уже указали, в митрополиты был избран Варлаам. Он был взят на митрополичью кафедру из архимандритов Симонова монастыря, откуда происходил и Зосима Брадатый, где проживал Максим Грек. В 1503 г. в Симонове монастыре поселился Вассиан Патрикеев. Приблизительно в эти годы Вассиан был близок к великому князю.[2] О близких отношениях Вассиана с Варлаамом говорит Иосиф Волоцкий в своем послании боярину Челяднину.[3] Исходя из всего изложенного, можно предполагать, что именно в годы пребывания на митрополичьей кафедре Варлаама (1511—1521) могли обратиться в Ферапонтов монастырь с заказом на литературную работу.

Почему же заказ попал именно к Спиридону? Ко времени, о котором идет речь, Спиридон был уже известен как писатель. Литературный талант его успел оценить архиепископ Геннадий (см. выше, стр. 80). Как уже отмечено выше, заказ не был сделан непосредственно Спиридону, он был передан через «чернецов». Возможно, что Спиридон сам вызвался написать на предложенную тему и составил свое «Послание», получив согласие от влиятельных лиц при дворе Василия III. Сама тема, за которую взялся Спиридон, очевидно, была ему по силам. В своем произведении, как это будет видно из дальнейшего, Спиридон противопоставляет родословие русских великих князей генеалогии князей литовских: Спиридон мог знать некоторые данные литовской истории, так как сам в свое время находился в Литве.

«Послание» Спиридон составил, продолжая считать себя митрополитом. Он начинает «Послание» словами: «О святом дусе, Спиридон рекомый, Сава глаголемый, сынови смирения нашего имя рек радоватися, аще ти в потребу молитва смирения нашего с благословением».[4] Подобными обращениями обычно начинаются послания митрополитов. Приведем несколько примеров, относящихся приблизительно к этому же времени. К 1455—1461 гг. относится «Послание митрополита Ионы псковичам

---

[1] Макарий. История русской церкви, т. VI, кн. 1. СПб., 1870, стр. 145—147.

[2] А. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871, стр. 9, 65.

[3] Там же, стр. 66.

[4] Рукоп. ГИМ, собр. Синод., № 791, л. 154.

о соблюдении православной веры во всей чистоте ее и верности к великому князю». Оно начинается так: «Благословение Ионы митрополита всея Руси, во отчину великого государя Русьскаго, а нашего господина и о святем дусе возлюбленнаго сына нашего смирениа, благороднаго и благовернаго великого князя Василия Васильевича, а вашего, наших детей, отчичя и дедичя, по родству, великого его господства дръжаву, по изначалству прежних великих господарей, великих князей русских, а его праотець, а Пьсков и во все области Пьскова».[1] «Послание митрополита Ионы смоленскому епископу Мисаилу о непризнавании лжемитрополита киевского Григория» начинается сходно: «Благословение Ионы митрополита киевьскаго и всея Руси, о святем дусе сыну и сослужебнику нашего смирениа, смоленскому епископу Мисаилу».[2]

Приведем еще пример: «Благословение Геронтиа митрополита всея Руси о святем дусе възлюбленному сыну святыя церкви и нашего смирения господину и сыну благоверному и благочестивому великому князю Ивану Васильевичю всея Руси, купно же и своими детми, и с служебники с твоими богомолци, с архиепископом Васияном ростовским, и епископы, и с анхимандриты, и с игумены, и с протопопы, и со священно иконы, и со всеми свя- щеникы, и со множеством чина мнишескаго честных монастырей богомолие вашего благородия съборне, вси тобе руских земель великого государя благословляем и челом бьем».[3]

Послания к митрополитам начинались иначе. Например, послание новгородского архиепископа Геннадия митрополиту Зосиме о причетнике двоеженце (1490—1492 гг.) открывалось следующим обращением: «Господину отцу моему Зосиме митрополиту всея Руси, сын твой Генадей архиепископ Великого Новагорода и Пьскова челом бьет».[4]

Из сопоставления приведенных текстов можно сделать следующий вывод. Спиридон писал свое «Послание» не к митрополиту, — к митрополиту так не обращаются; его «Послание» начинается так, как обращались в своих посланиях сами митрополиты: он благословляет своего адресата. Это означает, что и во время составления «Послания» Спиридон продолжал считать себя митрополитом, и лишний раз подтверждает, что все встречающиеся в летописях сведения о «Сатане» относятся к Спиридону.

---

[1] Акты исторические, т. I. СПб., 1841, № 60, стр. 107.
[2] Там же, № 62, стр. 110.
[3] Рукоп. ГПБ, собр. Софийск. библ., № 1454, л. 440.
[4] Акты исторические, т. I, № 101, стр. 144.

Имя адресата «Послания» Спиридона рукописи не сохранили. Вместо него стоит «имя рек». По форме обращения трудно сказать, кому было адресовано «Послание». Обращение могло быть направлено и к самому великому князю. Но тогда, вероятно, имя великого князя сохранилось бы в «Послании». Как сказано выше, с поручением обращалось к Спиридону лицо, занимавшее высокое положение. В конце родословия литовских князей приведено родословие князей сначала Бельских, потом Патрикеевых. Род Патрикеевых кончается Вассианом: «И Иванов сын князь Василей, нареченный Васиян».[1] Не он ли и обращался через чернецов Ферапонтова монастыря к Спиридону? В родословии говорится, что великий князь Василий Васильевич отдал за деда Вассиана свою сестру. Ко времени составления «Послания» Спиридона относится наибольшее влияние Вассиана Патрикеева на Василия III. Связи у Вассиана с белозерскими монастырями безусловно были: он получил пострижение в Кирилло-Белозерском монастыре.

От Спиридона потребовали изложения родословия великих князей с древнейших времен: «...ищючи от нас некыи прежних лет ото историкиа Ханаонова предела, рекомо ото Арфаксадова, перваго сына Ноева, рождшегося по потопе».[2] Родословие московских князей несомненно необходимо было изложить с целью возвеличения Василия III. Об этом последнем Спиридон пишет, называя его «волный самодержъц и царь велыкыа Росия Василие Иванович».[3] Правительство Василия III испытывало потребность в создании теории, которая укрепляла бы новое положение великокняжеской власти, когда роль великого князя продолжала расти, когда удельные княжата фактически потеряли свои права, продолжая еще на них настаивать. Великому князю необходимо было, чтобы и формально никто не мог бы поставить себя с ним на одну ступень. Спиридон знал, как официально излагалось родословие великих князей русских. В Воскресенской летописи Василий III помещен в 20-м колене от Рюрика, — то же самое утверждает и Спиридон.

В предыдущей главе было выяснено, что в двух списках «Послание» оканчивается родословием литовских князей; в третьем же списке конца недостает. В свое время И. Н. Жданов не мог на это обратить внимания, так как он знал только один список «Послания», в котором окончание отсутствовало. «Послание» состоит из двух частей и в обеих говорится о происхожде-

---

[1] Рукоп. ГИМ, собр. Синод., № 791, л. 119 об.

[2] Там же, л. 154.

[3] Там же, л. 113.

нии князей: в первой части — великих князей русских, во второй — великих князей литовских. Обе части написаны по одному плану и, очевидно, объединены не случайно. Текстологическая связь между ними была доказана нами в предыдущей главе. Идейная связь между этими двумя частями также, как мы увидим ниже, несомненна.

Первая часть «Послания» содержит изложение родословия великих князей русских, рассказывает историю их происхождения. Повествование начинается с древнейших времен всемирной истории, как она представлялась в те времена, — от событий, произошедших после всемирного потопа. Сперва говорится о разделении вселенной Ноем, затем повествуется о египетских правителях, от них изложение переходит к Августу кесарю и разделению им вселенной, рассказывается о Прусе как о родственнике Августа. Итогом этого изложения является заявление о происхождении Рюрика от Пруса. Таким образом утверждается происхождение русских князей от Августа кесаря. В конце рассказа о русских князьях эта мысль Спиридоном еще раз подчеркивается; внимание его сосредоточено на происхождении русских князей: «А царству их начяток от Сеостра, начялнаго царя Египту, и от Августа, кесаря римска и царя, сей бо Август пообладa вселеною».[1]

В подробный рассказ о происхождении русских князей включено повествование о том, как Владимир Мономах приобрел царский венец. Этим повествованием доказывается древность владения венцом русскими князьями. При этом Василия III Спиридон называет самодержцем и царем. В повествовании о приобретении Владимиром Мономахом царского венца имеется рассуждение о латинской вере и о папе Формосе как вероотступнике и изложение того, в чем выразилось отступление латинян от православия. Спиридон высказывает свое резко отрицательное отношение к латинству. Хотя тема отступничества латинян от православия неоднократно традиционно затрагивалась в русской литературе с середины XV в.,[2] однако лично для Спиридона она была животрепещущей, поэтому он нашел нужным и здесь высказать свое отношение к католической вере, несмотря на то, что это и не очень требовалось самой темой «Послания».

«Послание» Спиридона посвящено прославлению и обоснованию высокого авторитета великокняжеской власти. Вместе с тем

---

[1] Там же, л. 113 об.

[2] См.: История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 299—302; А. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875.

Спиридон, излагая происхождение великих князей московских, ни разу не упомянул в своем «Послании» о божественном происхождении их власти.

Вопрос об отношениях между церковью и государством как для нестяжателей, так и для иосифлян имел в это время принципиально важное значение. Нестяжатели защищали идею независимости церкви от царской власти. Иосифляне же развивали теорию теократического характера власти великого князя. С 1507 г. в произведениях Иосифа Волоцкого эта мысль становится доминирующей.[1] Идеей божественного происхождения великокняжеской власти иосифляне стремились привлечь великого князя на свою сторону.

В отличие от иосифлян Спиридон не касается в своем «Послании» вопроса о теократическом характере великокняжеской власти, хотя излагает историю ее происхождения. Он строит родословную схему, которую пытается обосновать только историческими фактами. Вот почему можно с уверенностью говорить, что Спиридон не принадлежал к кругу иосифлян. Вместе с тем во взглядах на происхождение и роль княжеской власти он шел дальше нестяжателей, так как своим сочинением отстаивал сильную великокняжескую власть, к чему, как известно, нестяжатели отнюдь не стремились.

Итак, в первой части своего «Послания» Спиридон подчеркивает знатное происхождение русских князей. Во второй части он передает генеалогию литовских князей, род которых в рассказе Спиридона оказывается довольно низким. Литовские великие князья происходят, по его утверждению, от «Гегиминика» (Гедимина), который был «рабом» «Витенца» (Витена) — мелкого вассала смоленского князя Ростислава Мстиславича. Вся родословная литовских князей излагается по связи ее с событиями русской истории. Родоначальник литовских князей «Гегиминик» был посажен в западных русских землях для сбора дани. Он обогатился и обособился в то время, когда тверской князь был ослаблен и русские земли разорены татарами. Сын «Гегиминика» Ольгерд впервые назвался князем после того, как Михаил Александрович Тверской отдал за него замуж сестру свою Ульяну: «И от того часа наречеся Олгерд князем по жене своей великой княжне Ульяне».[2] Изложение родословия великих литовских кня-

---

[1] В. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пгр., 1916, стр. 197—229. — А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. Труды ОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 159—177. — История Москвы, т. I. М., 1952, стр. 125.

[2] Рукоп. ГИМ, собр. Синод., № 791, л. 117 об.

зей кончается Сигизмундом — «Жигмонт, король нынешний»,[1] с которым как раз в то время шла борьба за пограничные земли.

Таким образом, своим княжеским родословием литовские князья, как сказано в «Послании», обязаны русским князьям, родство с которыми и дало им право называться князьями. Спиридон говорит о реально существовавших лицах, но с целью достижения определенного политического освещения событий пользуется вымыслом.

Излагая родословие литовских князей, Спиридон кратко затрагивает и происхождение пограничных удельных князей: «И роди от нея (Ульяны, — *Р. Д.*) перваго сына Андрея, то Потскыи, втораго Володимера, то Ржевски и Белскыи, Иоанна, то Острожскы, к сим же и Якова Илыгвеня и Василиа, то Черторисскии, и Льва, то Волынскы, и Олелка».[2] В самом конце Спиридон рассказывает родословие Бельских и Патрикеевых: «Того же Олгерда сын Володимер, и Володимеров сын Андрей, и Андреев сын Иван, и Ивановы дети: Янушь, Федор, Семен, — то Белскые. Гегиминивко же сын Наримант, Наримантов сын Патрикей, Патрикеев сын Юрьи, за того Юрья князь велики Василей Васильевич вдаде сестру свою великую княжну Анну. И от тоя сын родися Иван, и Иванов сын князь Василей, нареченный Васиян».[3]

Нет сомнения, что обе части «Послания» теснейшим образом связаны друг с другом: родословие литовских князей как бы противопоставляется родословию князей русских и оба вместе в своем противопоставлении служат возвеличению великокняжеской власти на Руси.

Повествование Спиридона о литовских князьях не зависит от «западнорусского» (белорусского) летописания. Летопись, лежащая в основе «западнорусского» летописания, составлена была в начале XVI в. в Смоленске путем соединения общерусского летописного свода с «Летописцем великих князей литовских», возникшим в середине XV в.[4] «Летописец великих князей литовских» начинается с перечисления сыновей Гедимина, но изложение Спиридона не зависит от этого «Летописца». В XVII томе «Полного собрания русских летописей», наряду с «западнорусскими» летописями, опубликован ряд списков, пере-

---

[1] Там же, л. 119.

[2] Там же, л. 117 об.

[3] Там же, лл. 119—119 об.

[4] А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 329—345. — М. Д. Приселков. Летописание Западной Украины и Белоруссии. Ученые записки Ленинградского Государственного университета, серия исторических наук, вып. 7, 1941, стр. 17—21.

дающих родословие литовских князей близко к тексту Спиридона. Все они представляют измененный текст Спиридонова рассказа, который обычно помещается после «Сказания о князьях владимирских» первой редакции. Таким образом, распространение легенды в русской письменности о происхождении литовских князей от «раба» вассала смоленского князя связано с именем Спиридона-Саввы и его «Посланием»; во всяком случае появление ее в Русском государстве относится к XVI в.[1]

Возникновение интересующей нас легенды относят к XV в. и соединяют с деятельностью Тевтонского ордена. В его среде, очевидно вскоре после Грюнвальдской битвы, была создана легенда о происхождении Гедимина с целью принизить династию литовских князей.[2] В анналы Оливского монастыря легенда о том, что Гедимин получил власть после того, как убил своего князя Витена, была внесена в XV в., в период упорной борьбы Литовского государства с Немецким орденом. Возможно, что Спиридон заимствовал эту легенду не прямо, а через польские летописцы. Она приводится у Длугоша, Кромера, Бельского.[3] У Спиридона легенда получила свое оформление. Он связал ее с деятельностью русских князей, и легенда в таком контексте приобрела новое идейное направление.

Как мы уже отметили, все события, рассказанные Спиридоном в родословии литовских князей, присоединены к фактам из русской истории. Отметим, что они связываются с русской историей через историю Твери: все они имеют особое отношение к Тверскому княжеству и тверским князьям. Спиридон, как мы знаем, происходил из Твери. Естественно, что он мог знать факты из истории Тверского княжества. И только этим, — т. е. происхождением Спиридона из Твери, — можно объяснить то обстоятельство, что в его «Послании» говорится о тверских князьях как о «великих», хотя титулование это для начала XVI в. было уже анахронизмом. В «Послании» Спиридона много и подробно рассказывается о тверских князьях Александре Михайловиче и Михаиле Александровиче, о том, как они погибли в Орде. Спиридон, очевидно, знал «Житие Михаила Александровича Тверского». В изложении тверских событий текстуальных совпадений с тверской летописью нет, — вероятно, Спиридон писал о них по памяти.

---

[1] В. Б. Антонович. Очерк истории великого княжества Литовского до половины XV столетия, вып. 1. Киев, 1878, стр. 41.

[2] Józef Wolff. Rod Gedimina. Kraków, 1886, стр. 6.

[3] В. Б. Антонович. Очерк истории великого княжества Литовского. . ., стр. 40—41.

Мы рассмотрели идейное содержание первой и второй части «Послания» Спиридона-Саввы. Это идейное содержание не может быть по-настоящему оценено, если мы не примем во внимание всей исторической обстановки и всего того круга идей, с которым оно было связано. Не одна только внутриполитическая борьба в Русском государстве отразилась в «Послании». Содержание «Послания» станет нам совершенно ясным, если мы учтем, что оно было создано в годы напряженной войны с Литвой за воссоединение всех русских земель и в условиях продолжающихся «отъездов» удельных князей то на ту, то на другую сторону. С этим связана и первая часть «Послания», возвеличивавшая князей «владимирских», и вторая часть, специально посвященная роду литовских князей.

В самом деле, при Василии III окончательно были присоединены Псков и Рязань к Московскому государству; особенно острый характер носит в это время борьба за пограничные земли, которые оказались в руках литовских князей. Князья, владевшие пограничными землями, начинают «отъезжать» к Москве. Уже при Иване III начали переходить на сторону Москвы пограничные чернигово-северские князья. Литва вступила в борьбу с Русским государством за земли этих князей. Но результаты борьбы оказались не в пользу Литвы. К Русскому государству отошли пограничные волости князей Новосильских, Одоевских, Воротынских. В 1500 г. к Москве отошел еще ряд волостей. В результате по миру 1503 г. к Москве были присоединены черниговские земли. Правительство Василия III вело борьбу за пограничные земли путем военных действий и дипломатических споров, в которых русские дипломаты настойчиво отстаивали за Василием III титул «великого князя всея Руси», а литовские с неменьшим упорством отказывались признавать этот титул: признав этот титул, Литовское княжество тем самым признало бы право Василия III на пограничные земли.

В такой обстановке вполне естественно было появление произведения, в котором родословие великих князей русских противопоставляется родословию князей литовских.

Проблема, связанная с борьбой за пограничные земли, нашла непосредственное отражение в содержании «Послания». Рассказывая о родослови русских князей, Спиридон затрагивает вопрос и о русских землях, оказавшихся под властью литовских князей; в «Послании» дано объяснение, каким путем эти земли попали к литовским князьям. Спиридон пишет: «Витофт же по брате своем Иягайле ста в римъскую же веру, и укрепися на Вилне, и нарицашеся князь велики литовской, създидая грады многы, заруби же Киев и Чернигов, и взят Брянеск и Смоленск.

И отступишя вси князи пограничные с своими отчизнами от Киева, даже и до Фоминскаго, и приложишася к Витофту».[1] Из-за этих городов шли постоянные споры с Литовским государством.

Таким образом, в «Послании» нашли отражение политические запросы того времени. Понятно, почему «Послание» было составлено по заказу, который был сделан если не самим великим князем, то лицом, стоявшим близко к нему: правительству Русского государства необходимы были произведения, которые служили бы делу централизации. Несколько позже мы разберем, насколько «Послание» Спиридона удовлетворило русское правительство, но основного Спиридон достиг: он изложил родословие великих князей русских, связав их происхождение с деятелями мировой истории, тем самым их возвеличив.

Родословие русских князей, восходящее к Августу, римскому императору, в эпоху Ренессанса, когда было особенно велико внимание к римской истории и искусству, соответствовало вкусам и запросам своего времени, отвечало задаче возвеличения Русского государства в общественном мнении всей Европы. Такая, свойственная эпохе Ренессанса генеалогия ставила русских князей на один уровень с главнейшими владетельными домами Западной Европы, происхождение которых обычно связывалось с деятелями и героями античной истории.[2]

* * *

Придавая своему произведению, написанному по заказу, форму послания, Спиридон-Савва явно не мог рассчитывать на то, что его произведение станет сразу же, без всяких изменений, официальным документом, — произведением официальной литературы. Форма послания не годилась для этого совершенно; в «Послании» Спиридона было слишком много личного, а сам он был слишком неавторитетен, чтобы утверждать собственным посланием авторитет великокняжеской власти. Спиридон давал лишь материал для официальных кругов; этот материал предстояло использовать в произведении иного жанра, более официального типа, в котором авторское начало не было бы подчеркнуто в такой степени. Такого рода официальной переделкой материала, сообщенного Спиридоном в «Послании», и явилось «Сказание о князьях владимирских».

---

[1] Рукоп. ГИМ, собр. Синод., № 791, лл. 118 об.—119.

[2] В. С. Иконников. Опыт русской историографии, стр. 1404—1405. — Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. М.—Л., 1945, стр. 104.

В главе I нами были приведены текстологические данные, опровергающие принятую сейчас в литературоведении, в общих курсах древней русской литературы и в учебниках точку зрения, согласно которой «Сказание о князьях владимирских» легло в основу «Послания» Спиридона-Саввы. К этим текстологическим соображениям сейчас мы можем присоединить еще некоторые наблюдения над самой логикой перехода конкретно-повествовательного материала о князьях владимирских из одного жанра в другой.

Переделка официального «Сказания» в личную форму «Послания» была бы ничем не оправданной затеей. Кому, для чего и конкретно при каких обстоятельствах потребовалась бы такая переделка? Если представить себе, что у каких-то официальных московских лиц не было экземпляров «Сказания», имевшего прямое отношение именно к московским князьям, и они обратились к Спиридону-Савве как лицу, которое могло бы им его прислать, то Спиридону-Савве незачем было бы переделывать «Сказание» в «Послание», — достаточно было переслать один из списков или снять и отослать копию. Гораздо вероятнее такое положение, когда неофициальное произведение переделывается в официальное. Идеи «Сказания» носились в воздухе, ими жила официальная московская мысль в течение более чем столетия. Необходимо было систематизировать эти идеи в связи с изменением роли великокняжеской власти в стране и в связи с напряженной борьбой за русские земли, временно находившиеся под властью Литвы. Заказ на эту систематизацию был дан Спиридону-Савве через третьих лиц. Спиридон выполнил заказ в форме послания, упомянув в нем и о себе, введя кое-какие самооправдательные мотивы, отразив свой личный жизненный опыт. Следующим, закономерным этапом была переработка материала «Послания» в официальное произведение. Жанр сказания к этому официальному произведению подходил гораздо больше, чем жанр послания.

* * *

Почему же так легко удалось переделать «Послание» Спиридона-Саввы в официальное «Сказание»? Для решения этого вопроса следует обратиться к рассмотрению жанровых и стилистических особенностей «Послания».

Дело в том, что жанр послания не был строго выдержан Спиридоном-Саввой в его произведении. Собственно послание представляет собой начало первой части, где автор говорит о себе, обращаясь к адресату, и конец этой первой части, где подводится итог предшествующему рассказу, испрашиваются

у читателя традиционные извинения и указываются источники повествования. Отмеченные начало и окончание первой части и позволяют отнести произведение Спиридона-Саввы к жанру посланий. Отбросив в этой части начало и окончание, мы получим историческую повесть, рассказывающую о событиях мировой и русской истории, переданных в сжатом виде. Здесь каждая фраза насыщена значением. В основе своей первая часть «Послания» состоит из переложения легенд всемирной и русской истории. В заключении первой части Спиридон говорит об источниках своего повествования: «...увидехом ото историкия Гандуариа некоего имянем от рода Арфаксадова, первее исписавшу астронамию в Асирии, яко же и выше рекохом, и от риторства еврейска и от капитулы римскы».[1] Главная задача автора заключалась в таком переложении этих легенд, чтобы, соединив их единой мыслью, привести к нужному результату: установить родословие русских князей.

В двух только случаях повесть принимает несколько расширенную форму, что обусловлено характером задач автора. Он стремится показать не только знатное происхождение великих князей русских, но и их древнее право на царский титул. Этим объясняются некоторые особенности построения повествования. Рассказы об Августе, римском императоре, и о Владимире Мономахе даны несколько пространнее, чем соседние части. Подробно говорится о венчании Августа на всемирное царство. Также подробно изложена легенда о Владимире Мономахе. Рассказывая о его венчании на царство, автор стремится показать все обстоятельства венчания. Характеристике Владимира Мономаха совсем не уделено внимания, хотя приведен его разговор со своими подданными, перечислены послы, отправленные к нему из Константинополя, и описаны дары, присланные ему Константином Мономахом.

Автор «Послания» иногда отклоняется от изложения важнейших событий несколько в сторону, — тогда ему приходится возвращаться к ним с помощью замечания «и сиа о сих...». Подобного рода замечания наблюдаются как в первой, так и во второй части «Послания». Отступлением звучит рассказ о папе Формосе, хотя обстоятельствами, связанными с отпадением римской церкви, объясняется затруднительное положение Константина Мономаха.

Однако тема отстаивания православия характерна именно для Спиридона, и здесь он ее не мог обойти; в родословии литовских князей ей тоже уделяется внимание.

---

[1] Рукоп. ГИМ, собр. Синод., № 791, л. 113.

Изложенное во второй части «Послания» родословие литовских князей составлено несколько в иной стилистической манере. В нем чувствуется влияние житийной литературы. В отличие от родословия русских князей, построенного на обширном фоне всемирной истории за 4800 лет, родословие литовских князей ограничено фактами истории Литовского и Тверского княжеств по преимуществу за один XIV в. Цепь родословной линии литовских князей представлена в довольно сжатом виде, однако в ней содержатся два подробных рассказа: рассказ, связанный с именем Александра Михайловича Тверского, и рассказ о литовском князе Ольгерде и его жене Ульяне. Эти рассказы носят на себе печать стиля житийной литературы. Александр Михайлович и княжна Ульяна показаны в образе христианских мучеников и защитников православия.

Рассказ о тверском князе Александре Михайловиче, заботящемся о своей земле и выполняющем долг перед своими подданными, представляет собой своеобразную житийную повесть. Сначала дается образное описание плачевного состояния Русской земли после нашествия татар. Говорится о печали князя и о его попытках возродить благополучие своей земли, о его стремлении ограничить своеволие баскаков. Помня участь своего отца, Александр Михайлович боится ехать в Орду. На этот подвиг уговаривает его митрополит Феогност. В результате этих уговоров князь едет в Орду и погибает там, как его предки, мученической смертью. Образ Александра Михайловича, пребывающего в печали, чувствующего свою обреченность, поставлен Спиридоном в один ряд с образами отца и брата этого тверского князя. В рассказе об Александре Михайловиче есть безусловная связь с житийной литературой о тверских князьях. Возможно, что на составление этого рассказа повлияло так называемое «Предисловие летописца княжения Тферскаго благоверных князей Тферских».[1]

В повествовании о тверском князе Михаиле Александровиче, которому Ольгерд, сын «Гегиминика», вначале отказывается помогать в сборе дани для Орды, но затем обещает повиноваться во всем, подчеркивается, что Михаил Александрович отдает за него в награду замуж сестру свою Ульяну, и с этого момента по жене своей Ольгерд, а затем и его потомки стали называться князьями.

Дальше Спиридон довольно подробно рассказывает об Ульяне и Ольгерде, представляя Ульяну охранительницей православия.

---

[1] ПСРЛ, т. XV, стр. 465—470.

В конце рассказа о литовских князьях, как и в конце рассказа о русских князьях, подведен итог: дано краткое перечисление литовских князей, последним из которых назван Сигизмунд — «король нынешний».

Таким образом, для того чтобы выполнить политический заказ, в «Послании» Спиридона использованы различные формы древнерусских литературных произведений и различные стилистические манеры.

* * *

Итак, написанное по заказу «Послание» Спиридона не могло все же стать произведением официальной литературы. Материал, сообщенный Спиридоном, предстояло переработать, придать ему форму официального произведения.

В результате переделки было создано два произведения, на основе первой части «Послания» возникло «Сказание о князьях владимирских» первой редакции, на основе второй части — «Родство великих князей литовских». О каждом из этих произведений приходится говорить как о самостоятельном памятнике со своими особенностями. Однако, как и обе части «Послания», эти произведения сохраняют определенное единство. «Сказание» первой редакции и помещающееся в большинстве рукописей вслед за ним «Родство» также объединены идеей противопоставления родословия русских князей родословию литовских. «Сказание» и «Родство» стремились превратить в произведения официальной литературы, в связи с чем они по сравнению с «Посланием» Спиридона-Саввы получили некоторые однотипные изменения. И «Сказанию», и «Родству» пытались придать бо́льшую документальность и историчность.

Переделка первой части «Послания», как мы уже отмечали, получила особое название: «Сказание о великих князех владимерских великиа Русия». Это название отражает особенности официального титулования московских великих князей. В титуле великого князя при Василии III после слов «всея Руси» шло перечисление княжений, среди которых на первом месте традиционно помещалось княжение Владимирское, а потом уже шло Московское.[1] Такое титулование объясняется тем, что в то время еще была памятна борьба за великое княжение Владимирское, поэтому и произведение, посвященное происхождению великих князей, получило название «Сказание о великих князех влади-

[1] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, стр. 329, 366, 418.

мерских великиа Русия». В XVII веке стала забываться традиция связывать великое княжение с княжением Владимирским. Поэтому в некоторых поздних списках «Сказания», чтобы подчеркнуть, что речь идет о великих князьях, власть которых давно уже принадлежала московским князьям, после слова «владимирских» для ясности добавлено «и московских». Таким образом, уже само заглавие нового произведения было связано с вопросом о великокняжеской власти.

В основу «Сказания о князьях владимирских» положена первая часть «Послания», фактический материал которой сохранился и в «Сказании». Отброшены были вступительная и заключительная части, в которых Спиридон говорит о себе и об обстоятельствах написания своего «Послания». Отброшены также характерные для автора «Послания» слова «сиа о сих...», о которых мы уже говорили выше. «Сказание» представляет собой повесть легендарно-исторического содержания о крупнейших событиях мировой истории, изложенных в самой лаконичной форме. Даже разговорная речь представлена очень сжато — дана в виде кратких формулировок. Особенно это видно в передаче диалога Владимира Мономаха со своим войском. Четкость и сжатость формулировок «Сказания о князьях владимирских» облегчили использование его в правительственной практике, позволили легко цитировать целые отрывки из «Сказания», о чем будет сказано ниже.

Сохраняя содержание первой части «Послания», «Сказание» получило бо́льшую законченность. В изложение были внесены по сравнению с «Посланием» некоторые изменения, путем которых стремились придать большую документальность передаваемым событиям. Ближе к библейскому тексту было рассказано о сыновьях Ноя, в результате чего был исключен четвертый сын Ноя Арфаксад. Были уточнены даты, связанные с жизнью Александра Македонского. Отмечена была дата прихода Августа в Египет — «в лето 5457», добавлена дата крещения Руси — «в лето 6496». Для того чтобы придать бо́льшую стройность изложению, отступление Спиридона — рассуждения о латинской вере и папе Формосе — было сокращено и вынесено в конец первой редакции «Сказания», а во второй редакции, как мы увидим, его совсем отбросили.

Так появилась первая редакция «Сказания о князьях владимирских». Как было выяснено в предыдущей главе, оно было составлено раньше 1547 г. Как будет ясно из дальнейшего, нет данных относить появление «Сказания» ко времени более позднему, чем княжение Василия III. Очевидно, оно появилось вскоре после написания Спиридоном своего «Послания».

Вторая редакция «Сказания», о которой мы скажем в следующей главе, в жанровом и стилистическом отношении не отличается от первой. Здесь были прибавлены только некоторые даты княжения Владимира Мономаха и рассказу о Владимире Мономахе был придан подзаголовок.

Как уже было сказано, «Сказание» сохраняет основные мысли первой части «Послания». Рассказ «Сказания», как и рассказ «Послания», сосредоточен на изложении родословия с древнейших времен. Он начинается с разделения Ноем вселенной между тремя сыновьями и непосредственно следовавших затем событий, и эта часть, как мы уже видели (см. стр. 61—63), изложена с некоторыми ошибками по сравнению с «Посланием». Рассказ доводен до Александра Македонского и Птоломея. Потом говорится о египетских событиях — о завоевании Египта Августом, римским императором. Довольно подробно сообщается о венчании Августа на римское царство и «всея вселенныа». Чин венчания, по рассказу «Сказания», состоит главным образом в торжественном облачении Августа в различные части одеяния, которые принадлежали раньше разным царям. Венчание происходит после завоевания Египта. Затем рассказывается о разделении вселенной Августом, о Прусе, брате Августа, о том, что родственник Пруса Рюрик был призван на Русь. От этого Рюрика и ведут свое происхождение нынешние великие князья московские. Таким путем устанавливается родство великих князей русских с Августом римским и их знатное происхождение. Далее упомянут Владимир Святославич, потом рассказывается о Владимире Мономахе, о том, как он венчался на царство. Связь с предыдущим изложением здесь налицо. Венчание происходит после победоносной войны. Владимиру Мономаху Константин Мономах присылает различные дары — знаки царского достоинства. Венчание состоит в основном в том, что на Владимира Мономаха, как ранее на Августа, возлагаются все эти знаки царского достоинства. Таким образом, рассказ о Владимире Мономахе идейно объединен со всем предыдущим изложением: великие русские князья, как и другие властители древности, не только имеют знатное происхождение, но и возвышены тем, что один из них (в данном случае Владимир Мономах) венчался на царство.

Надо ли усматривать в «Сказании о князьях владимирских» идею передачи наследства из Византии, как это думают некоторые исследователи, искусственно притягивающие «Сказание» к идее «Москва — третий Рим»? Сам рассказ о венчании Владимира Мономаха, надо думать, этой идеи не преследовал. Во всяком случае прямая преемственность от первого Рима выражена в «Сказании» гораздо определеннее: русские князья — потомки

Августа, преемники именно императоров первого Рима, их власти. Центральная тема «Сказания» — родословная преемственность, а рассказом о судьбе царских инсигний дается лишь объяснение тому, при каких обстоятельствах русские великие князья стали венчаться на царство.

Безусловно содержание «Сказания» явилось не только в результате работы одного автора — Спиридона, составившего «Послание», которое легло в основу «Сказания». Может быть, Спиридон знал какие-то устные легенды, которые он и использовал в своем произведении. Произведения на тему о передаче различных знаков высокого сана — царского и митрополичьего — уже были известны на Руси к тому времени («Сказание о Вавилоне», «Повесть о белом клобуке»).[1] Широкий фон из фактов всемирной истории, привлеченный в «Сказании», также связан с литературными явлениями XV—XVI вв. Интерес на Руси ко всемирной истории выразился также в появлении Хронографа 1512 г. Опираясь на эту литературную традицию, произведение Спиридона, а затем созданное на его основе «Сказание», затронули идеи, которые смогли послужить делу укрепления централизованного государства. Думаю, что с такой точки зрения и надо рассматривать эти произведения.

Судить о том, насколько эффективно было использовано «Сказание» при Василие III, данных у нас нет, однако ряд фактов косвенным образом указывает на своевременность появления этого произведения. Кроме того, характер использования «Сказания» хорошо может быть прослежен уже в эпоху Грозного.

Переработанная вторая часть «Послания» получила, как мы знаем, особое название: «Родство великих князей литовских».

По сравнению с «Посланием» в «Родстве», как и в «Сказании», снято заключение, где было приведено Спиридоном краткое перечисление литовских князей, кончая Казимиром и Сигизмундом. Так же, как и в «Сказании», убраны, за исключением одного случая (см. стр. 181), характерные для всего текста «Послания» слова «сиа о сих...».

Вторая часть «Послания» в еще большей степени, чем первая часть, подверглась переработке с точки зрения придания ей документальности и историчности. «Родству» был придан характер летописного рассказа, главной канвой которого послужила хронология. В художественном отношении, однако, этот рассказ

[1] См. датировки этих произведений в следующих работах: М. О. Скрипиль. «Сказание о Вавилоне граде». Труды ОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 119—144. — Н. Н. Розов. Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики XV века. Там же, стр. 178—219.

много ниже Спиридонова «Послания». Чувствуется компилятивность, нет полного единства мысли и устремленности в передаче основной идеи. Идея доказывается путем соединения отдельных фактов из летописей и родословия литовских князей, входящего в состав «Послания» Спиридона-Саввы. В композиционном отношении «Родство великих князей литовских» представляет собой соединение отдельных летописных отрывков.

В отличие от «Сказания» в «Родстве» по сравнению со второй частью «Послания» были сделаны значительные изменения в самом содержании родословия литовских князей. Очевидно, московские официальные круги не были целиком удовлетворены сочинением Спиридона именно в этой, «литовской» части «Послания». Спиридон связывал все события Литовского княжества с тверскими, называл тверских князей князьями великими. Это и не могло удовлетворить московское правительство. Московские летописные своды проводят линию передачи великокняжеской власти от киевских князей к владимирским и от владимирских к московским; только московские князья являются великими князьями. Поэтому все, что относилось в «Послании» к тверским князьям как великим было заменено фактами, связанными с деятельностью московских князей, причем многие события из истории московских князей, в отличие от «Послания» Спиридона, были приурочены к определенному году. Надо думать, что при переделке текста «Послания» были использованы летописи. В «Родстве великих князей литовских» выброшены отдельные данные о тверских князьях. Оставлен только тот факт, что тверская княжна Ульяна была выдана замуж за Ольгерда. В «Послании» замуж ее отдает брат, тверской князь Михаил Александрович; в «Родстве» же сам Ольгерд обращается к московскому великому князю Семену Ивановичу с просьбой, чтобы он отдал за него дочь тверского князя Александра Михайловича. В «Послании» литовское родословие заканчивается описанием смерти Михаила Александровича, за которым следует фраза: «Сиа о сих та известа суть бо».[1] В «Родстве великих князей литовских», читающемся вслед за «Сказанием», этот рассказ выброшен, осталась только фраза: «Сия убо о сих известа суть»,[2] что, кстати сказать, лишний раз подтверждает происхождение «Родства великих князей литовских» от «Послания», а не наоборот.

Можно до некоторой степени проследить, каким образом шло изменение текста в «Родстве великих князей литовских». Появ-

[1] Рукоп. ГИМ, собр. Синод., № 791, л. 119.
[2] Рукоп. БИЛ, собр. Волоколамск. монастыря, № 572, л. 202.

ление даты «6830» объясняется следующим. В «Послании» изложение начинается словами: «В лета великого князя Александра Михайлович».[1] В «Родстве» же эти события подведены под определенный год. В московских летописных сводах о тверском князе Александре Михайловиче впервые упоминается под 6830 г.[2] Именно эту дату московских летописей и внесли в текст. В Рогожском же летописце (тверском по своему происхождению) об Александре Михайловиче упоминается раньше, а на великое княжение он сел в 6834 г. События, рассказанные в «Родстве» под 6858 г., также почти дословно совпадают с текстом московских летописных сводов. В Воскресенском летописном своде сказано: «В лето 6858. Великий князь Олгерд присла на Москву послы своя, к великому князю Семену, со многими дары и с челобитьем, прося мира и живота братии своей, князем литовским Кориаду и Михаилу, и всей дружине их; князь же великий Семен дары его прият и мир с ним взят, а братию его князей литовских отпусти. Того же лета присла к великому князю из Волыня князь Люборт, прося за себя сестричны его, дщери князя Костентиновы ростовьскаго, и дасть за него. Тогда же и Олгерд прислав к великому князю Семену послы своя, прося за себя свести его, дщери княже Александровы Михайловича тверьскаго княжны Улияны, князь же великий, доложа Феогнаста митрополита, даст ю за Олгерда».[3] Сравните в «Родстве великих князей литовских»: «В лето 6858 князь великий Олгерд литовский присла послы своя к великому князю Семиону Ивановичю на Москву со многими дарми, прося мира и живота братьи своей. Князь же великий Семион пожаловал Олгерда и братью его Корияда и иных отпустил к нему. И паки прислал Олгерд к великому князю Семиону Ивановичю, прося за себя свести его дочери великого князя Александра Михайловича Тверскаго. И князь великий Семион по благословению отца своего Феогнаста, митрополита всеа Русии, вдаст за него свесть свою великую княжну Иулиянию».[4] Отсюда ясно, что составитель «Родства» использовал данные московского летописания, в отличие от «Послания», где данные были тверскими (дата «6830» и изложение событий 6858 г.).

Отметим и некоторые другие особенности «Родства». В «Родстве» сравнительно со второй частью «Послания» Спиридона Витен назван не просто «неким», а «князцем». Что же касается до Гедимина, то он хотя и называется вначале «рабом», как и

[1] Рукоп. ГИМ, собр. Синод., № 791, л. 113 об.
[2] ПСРЛ, т. XXV, стр. 167.
[3] Там же, т. VII, стр. 215; сходный текст в томе XXV, стр. 177.
[4] Рукоп. БИЛ, собр. Волоколамск. монастыря, № 572, л. 200—200 об.

в «Послании», но в дальнейшем автор «Родства» именует его «князь великий Гедиман литовъский Первый». В дальнейшем «Родство» в отличие от «Послания» внимательно следит за преемственностью великокняжеской власти среди литовских князей. Основная же схема родословия оставлена в «Родстве» той же, что и во второй части «Послания». Ясно, что «Родство» несколько поднимает престиж литовских князей.

В целом, родословию литовских князей была придана политическая направленность, выгодная великокняжеской власти. Это лишний раз подтверждает, что правительство Василия III стремилось использовать данное произведение в нужных ему целях. Однако вариант родословия, связанный с авторством Спиридона, не вошел в официальную литературу. Родословие, которое помещено в Воскресенской летописи, использует другую легенду,[1] в которой не указывается на низкое происхождение литовских князей. Эта другая легенда вошла и в «Бархатную книгу».[2] Надо думать, что последняя легенда была связана в какой-то степени с политическими тенденциями Елены Глинской. Не показалась ли спиридоновская версия происхождения литовских князей неприемлемой для великой княгини, которая была в родственной связи с литовскими князьями? Иван IV отвергал легенду о низком происхождении литовских князей, говоря: «. . . как безлепичники врут, что Витенец служебник был тверских великих князей, а при нем был конюшец Гегиминик».[3]

Такого рода соображения заставляют относить появление «Сказания о князьях владимирских» вместе с «Родством» если не ко времени, предшествовавшему женитьбе Василия III на Елене Глинской, то во всяком случае ко времени до ее регенства (1533 г.).

Остановимся на некоторых особенностях родословия литовских князей Чудовского (ГИМ, собрание Чудовского монастыря, № 264) и близких к нему списков «Повести, начинающейся с разделения вселенной Августом»,[4] в которой, как это мы отмечали в главе I, слиты «Сказание» и «Родство» литовских князей, с одной стороны, и «Послание» Спиридона-Саввы, с другой. Текст Чудовского списка представляет собой тексты «Сказания» и «Родства» литовских князей, несколько дополненные по «Посланию» и уточненные некоторыми вставками. Эту особенность

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 253—256.

[2] Родословная книга. М., 1787, стр. 28.

[3] Послания Ивана Грозного. Серия «Литературные памятники», Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 260.

[4] Рукописи: БИЛ, собр. Румянцева, № 253 и БИЛ, собр. Волоколамск. монастыря, № 627 (см. главу I, стр. 69—70).

можно было проследить на рассказе о русских князьях; сохранилась она и в рассказе о литовских князьях. Сравнив между собой все тексты, убедимся, что составитель текста Чудовского списка, взяв в основу текст «Сказания» и «Родства» и внеся некоторые дополнения по «Посланию», шел по пути дальнейшего уточнения текста родословия литовских князей. Каждое произведенное им изменение находит себе объяснение.

Заголовок родословия литовских князей в Чудовском списке имеет дату: «В лето 6801». Этот год является годом смерти литовского князя Путовера и годом вокняжения Витена, упоминанием о котором начинается родословие в Чудовском списке. Дальше говорится так же, как и в «Родстве», о получении великого княжения Юрием Даниловичем, о Гедимине, о том, как он стал называться великим князем «русских государей несогласием и междусобьными браньми». Вслед за этим, по сравнению с «Родством», в тексте Чудовского списка сделана вставка — приведен 6833 (1325) г., под которым сказано о гибели в Орде Юрия Даниловича. Эта явная вставка вполне объяснима. Перед тем в тексте шла речь о том же Юрии Даниловиче и его споре из-за великого княжения с тверскими князьями, поэтому сделанная вставка о его смерти вполне уместна. Дальше упомянута дата вокняжения Семиона Ивановича и смерти Гедимина, причем эта дата соответствует действительности, а в «Родстве» приведена ошибочная. По сравнению с «Родством» в тексте Чудовского списка вставлена дата смерти Ольгерда. Отступления от текста «Родства» незначительны и сближают текст Чудовского списка с «Посланием». Так, в «Послании» и родословии литовских князей по Чудовскому списку сказано, что Ольгерд был похоронен в церкви, «юже созда супружница его», а в «Родстве» говорится, что церковь создал сам Ольгерд. О Витовте и в «Послании» и в Чудовском списке добавлено по сравнению с «Родством», что он «ста в римскую веру». После изложения родословия, как и в «Послании», в Чудовском списке дано краткое перечисление литовских князей, заканчивающееся упоминанием рода Патрикеевых. Но в этих перечислениях в Чудовском списке и «Послании» имеются различия. В «Послании» последним из рода Патрикеевых назван один Вассиан, а в Чудовском перечислены и его братья и сыновья его дяди, но зато здесь не приведена краткая родословная Бельских, которая есть в «Послании». В «Родстве» соответствующего перечисления нет.

Несмотря на указанные изменения, внесенные в текст Чудовского списка, он сохраняет общую направленность текста родословия литовских князей, связанного со «Сказанием» первой редакции.

* * *

Вернемся к историческим обстоятельствам, при которых появились оба произведения — «Послание» Спиридона-Саввы и «Сказание о князьях владимирских», и остановимся на этих исторических обстоятельствах несколько подробнее, чем мы это сделали выше (стр. 89).

В своем «Послании» Спиридон называет Василия III «вольным самодержцем и царем». Такое титулование, конечно, не случайно. Василий III не венчался на царство, но очень возможно, что у него была мысль о венчании и с этой мыслью связан литературный заказ, переданный Спиридону-Савве. Василий III называл себя царем чаще, чем Иван III. Уже в грамоте от 16 февраля 1510 г. во Псков он назван «Василей божиею милостию царь и государь всеа Русии и великий князь владимирский».[1] Связь тенденциозного изложения родословия литовских князей в «Послании» Спиридона-Саввы с вопросом о титуловании Василия III царем очевидна. Насколько важен был вопрос о титуловании в то время, отчетливо видно из дипломатических переговоров с Польско-Литовским государством при Василии III.

Возвращение земель, захваченных Польско-Литовским государством в период феодальной раздробленности, — одна из основных задач, которые стояли перед Иваном III. Продолжал ее осуществление и Василий III. При Василии III попрежнему велась дипломатическая борьба, которая сопровождалась и военными действиями. В 1504 г. происходили переговоры о мире, а в 1507 г. возобновились военные действия. В 1508 г. был заключен «вечный мир», по которому за русскими признавались все завоевания этого периода. В 1512 г. началась новая война, которая была удачной для русских. В 1514 г. русские одержали большую победу — был взят Смоленск.

В дипломатических переговорах при Василии III продолжали отстаивать права русского государя на владение западнорусскими землями. От имени Василия III, как и прежде, говорится, что русский государь держит за собой свою отчину, а отчиной его является вся Русская земля, т. е. и та часть земель во главе с Киевом, которая находится под властью короля польского. «А о вотчине, что есте нам говорили о Новегороде и о иных городех, и мы тому дивимся, что к нам Жигимонт король такие неправые речи приказывает; з божьею волею и того хотим, кото-

[1] В. Сокольский. Участие русского духовенства и монашества в развитии единодержавия и самодержавия в Московском государстве в конце XV и первой половине XVI в. Киев, 1902, стр. 222.

рую нашу вотчину Жигимонт король держит за собою неправдою, ино бы и те городы наша вотчина за нами была; и похочет с нами Жигимонт король миру, и он бы нам нашу отчину, русские городы поотдавал и по докончанию бы нам направил; и отдаст нам Жигимонт король нашу отчину русские городы, и мы с ним миру хотим».[1] Даются наказы послам, что отвечать, если предложат заключить мир: «...и которую отчину государя нашего король держит за собою, и он бы тое его отчины государю нашему поступился. И вспросят: что отчина государя вашего? и Василью и Андрею с товарыщи говорити: отчина государя нашего Киев, Полтеск, Витебск и иные городы, от прародителей государей наших их отчина. И учнут говорити: то отчина не ваших государей, то отчина государей наших из старины. И Василью и Андрею с товарищи говорити: ведаете и сами, от прародителей государей наших, то отчина была государей наших».[2]

В мирных переговорах 1517 г. между Русским и Польско-Литовским государствами принимал участие посланник от Германской империи. Германия боялась усиления Русского государства. Русским было предложено германское посредничество в мирных переговорах с Литвой. Склонить Василия III к уступкам было поручено Герберштейну. От лица императора он говорил, что «с бранями и раздорами» христиане не могут противостоять Турции, призывал Василия III примириться, заявляя, что «надо мир искать, а не угодья». На это русские отвечали ему, что они добиваются «отчины своей от прародителей — Киева»: «Ан впредь с божьею волею просим того завсе у бога, чтобы наша отчина, которая от прародителей наших наша, за нами была, и имя бы наше высилось, а не низилось, и государства наши ширилися, а не уменьшалися».[3]

В переговорах этого года литовские послы требуют от русских уступить Смоленск, который русские недавно взяли. Русские считают, что они добиваются своих земель, поэтому и уступать завоеваний они не собираются. «Великий государь велел тебе (Сигизмунду, — *Р. Д.*) говорити: а что если говорил, чтоб нам своей отчины города Смоленска, которую нашу отчину нам бог дал, Жигимонту королю нам поступитись: ино, Жигимонте, мы тому велми дивимся, что которую нашу отчину нам бог дал, и нам бы тое своей отчины Жигимонту королю посту-

---

[1] Сб. РИО, т. 35, СПб., 1882, стр. 510.

[2] Там же, стр. 651—652.

[3] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. I. СПб., 1851, стлб. 286.

питись; ино нам тое своей отчины Жигимонту королю никак не поступитися».[1]

Со спорами из-за западнорусских земель, как и во время Ивана III, в неразрывной связи находится вопрос о титуловании великого князя. В русском посольстве строго следят, чтобы титул писался полностью. Литовское государство не хотело признать за Иваном III титула «государь всея Руси», не хочет признавать и за Василием III и иногда отказывается его употреблять. В отместку русские пишут титул короля не полностью.[2]

Тем не менее, была предпринята осторожная попытка присвоить титул «царя», а не просто «государя всея Руси» Василию III. В речах русских дипломатов послам императора, которые участвовали в переговорах в 1517 г. между Русским и Литовским государствами, Василий III назван царем: «Великий государь Василий божиею милостию царь и государь всеа Русии и великий князь».[3] Тогда же в грамоте императору Василий III и сам назвал себя «царем».[4]

К этому же времени относятся попытки римского папы подчинить своему влиянию Русское государство. В 1518 г. с этой целью было организовано посольство Николая Шомберга.[5] Для передачи предложений папы Николай Шомберг использует Немецкий орден. Магистр ордена Альбрехт Бранденбургский в это время ведет переговоры с Василием III о совместной борьбе против Польши. В марте 1519 г. в Москву прибыл его посол Дитрих Шомберг, который привез и предложение папы римского Льва X. Вот что передает Дитрих Шомберг от посланника папы: «Да делал тот же мних по прошенью папину, чтобы то дело против турского и наследье костянтинополского вперед шло... Да также приказал говорити великому князю, что папа хочет его и всех людей Русские земли приняти в единачство и согласье римские церкви, не умаляя и не применяя их добрых обычаев и законов, но хочет покрепити и грамотою апостолскою утвердити и благословити вся та предреченная, занже церковь греческая не имеет главы: патриарх костянтинополской и все царство в турских руках, и он ведает, что духовнейши митрополит есть на Москве, хочет его и кто по нем будет возвысити и учинити патриархом, как было преже костянтинополской. А наияснейшаго и непобе-

---

[1] Сб. РИО, т. 35, стр. 530.
[2] Там же, стр. 499, 741—742, 794, 821, 837.
[3] Там же, стр. 506.
[4] Памятники дипломатических сношений..., т. I, стлб. 286.
[5] Переписка пап с российскими государями в XVI веке. СПб., 1834, стр. 94—99.

димейшаго царя всеа Русии хочет короновати в кристьянского царя, и того папа от серца желает; а князь велики от уроженнаго своего благоизволения плод безмерной землям и роду русскому и всем кристоверным богу благодать дающе имети будет... Также чтобы то перемирье хотя того для дела осталося, кое противу туретцкого будет, занже турской вотчину великого князя держыт».[1] Папа римский дает здесь самые большие обещания и самым откровенным образом хочет направить внимание Русского государства в сторону Турции, прельщая титулами царя и патриарха. С ответом было послано посольство во главе с Замыцким. В ответе велено было передать согласие на дружбу и союз с папой, но и только. О титуле и константинопольском наследии в ответе даже не упоминается.[2]

В княжение Василия III папа римский несколько раз направлял послов к нему с обещаниями «возвеличения его достоинств». Так направлялось посольство в 1519 и 1524 гг.; в ответ на последнее было послано русское посольство в Рим во главе с Дмитрием Герасимовым. Грамоты говорят все о тех же домогательствах папы римского и тех же ответах русских.[3]

Великий князь добивался признания титула «государя всея Руси» и даже делал попытки называться царем, но принять это звание от кого бы то ни было отказывался.

В 1526 г. папский посол епископ Франциск выступает посредником в переговорах русских с Польско-Литовским государством вместе с посланником от императора Карла V Герберштейном, который уже выступал в сходной роли в 1517 г. Опять шли споры из-за Смоленска. В результате этих переговоров было заключено перемирие на шесть лет на старых условиях. При переговорах 1526 г., как и в 1517 г., в речах русских дипломатов к послам императора и папы Василий III снова назван царем. Теперь и в речах к литовским послам впервые сказано: «Великий государь Василий, божиею милостью царь и государь всея Руси и великий князь».[4] Но в грамоте о перемирии титул Василия III записан попрежнему: «Великий государь Василий, божиею милостью государь всеа Русии и великий князь».

Таким образом, при Василии III были попытки присвоить ему титул царя, хотя попыток венчания на царство сделано не было. И в 1517 г., и в 1526 г. к императорскому послу Герберштейну русские обращались, именуя Василия III царем.

---

[1] Сб. РИО, т. 53, СПб., 1887, стр. 85—86.
[2] Там же, стр. 118.
[3] Переписка пап с российскими государями в XVI веке, стр. 3—21
[4] Сб. РИО, т. 35, стр. 720.

Характерно, что посол Герберштейн знал легенду о «князьях владимирских» и отразил ее в своих «Записках о московитских делах». Знать эту легенду он должен был как дипломат, сталкивавшийся с русскими требованиями на признание титула царя.

Барон Герберштейн в своих «Записках» отводит довольно много места титулу русских государей. Он говорит, что раньше они назывались «великими князьями»; Иван III называл себя «государем всеа Русии и великим князем владимирским», Василий же III собственной властью присвоил себе титул царя.[1] Герберштейн указывает, что, однако, в переговорах с Польско-Литовским государством Василий III не называет себя царем и что из-за титула при переговорах происходят споры.[2] Интерес Герберштейна к титулованию русских государей был вызван как спорами между Русским и Польско-Литовским государствами о титуле, так и вниманием к данной теме Германской империи, которая со своей стороны хотела предложить титул Василию III, что и было отмечено в инструкции Герберштейну.

Безусловно обряд венчания русских великих князей должен был тоже заинтересовать Герберштейна: «Нижеследующее описание, — писал Герберштейн, — которое я достал не так легко, наглядно изобразит тебе обряд, коим венчаются на царство государи московские. Этот обряд применен был великим князем Иоанном Васильевичем, когда он, как я упоминал уже раньше, ставил внука своего Димитрия великим князем и монархом Руссии».[3] Дальше он приводит короткое описание чина венчания Дмитрия Ивановича, которое называет венчанием на царство. Сам обряд венчания и упоминания в летописях не свидетельствуют, что речь идет о венчании на царство. Герберштейн или сам так его истолковал, или так оно было ему преподнесено. Он упоминает, что текст чина венчания достать было нелегко. Василий III не был заинтересован в распространении чина венчания Дмитрия, так как Иван III полностью отстранил Василия этим венчанием от власти и преемником себе поставил Дмитрия. Герберштейн знал историю венчания внука Ивана III и фактами, связанными с венчанием, объяснял то, что сам Василий III не венчался. Вслед за описанием чина венчания у Герберштейна приведен следующий текст: «Бармы представляют собой род широкой цепи, из мохнатого шелка, снаружи же они изрядно

---

[1] Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 23.
[2] Там же, стр. 25.
[3] Там же, стр. 28.

изукрашены золотом и всякого рода драгоценными камнями; Владимир отнял их у некоего разбитого им в бою генуэзца, начальника Кафы. Наша шляпа, латинское pileus, на их языке называется шапкой; ее носил Владимир Мономах и оставил ее украшенною жемчугом, а также изрядно убранною золотыми бляшками, которые, извиваясь кругом, часто колыхались при движении».[1] Данный текст возможно свидетельствует о том, что Герберштейну была известна легенда о Владимире Мономахе, но она передана им в несколько ином виде, чем говорится о ней в «Послании» или в «Сказании о князьях владимирских» первой редакции.[2] При этом важно отметить, что у Герберштейна сразу за рассказом о Владимире Мономахе, так же как и в «Послании» Спиридона-Саввы, и после «Сказания» первой редакции, говорится о родословии литовских князей.[3]

«Записки» Герберштейна лишний раз подтверждают, что в то время вопросы о родословии русских князей и о родословии литовских князей были связаны между собой. Мы знаем, что существовало несколько вариантов родословия литовских князей. У Герберштейна приведен тот вариант, который близок к «Посланию» и «Сказанию». Родословие литовских князей в «Записках» рассказано кратко, но в начальной своей части сходно с тем родословием, которое дается у Спиридона и в «Родстве», следующем за «Сказанием» первой редакции. Так же, как в «Послании» и в «Родстве», Гедимин у него назван слугой Витена.

На основании «Записок» Герберштейна можно говорить не только о том, что Герберштейну во время его пребывания в Москве были в какой-то форме сообщены легенды, отраженные в «Послании» Спиридона-Саввы, но и о том, что они были признаны правительством Василия III. В том месте «Записок», где говорится о призвании трех братьев по совету Гостомысла, имеется следующая фраза: «Русские хвалятся, что эти братья происходили от Римлян, от которых повел, как он утверждает, свой род и нынешний московский государь».[4] Следовательно, по Герберштейну, Василий III заявлял уже о своем происхождении от римских императоров.

---

[1] Там же, стр. 32.

[2] В таком виде легенда известна только в западноевропейских сочинениях, которые передают ее, очевидно, по Герберштейну, — Стрыйковский, Петрей, Герара. См. об этом: И. Н. Жданов. Повести о Вавилоне и «Сказание о князех владимирских», стр. 104—107.

[3] Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах, стр. 32—33.

[4] Там же, стр. 4—5 (разрядка наша, — *Р. Д.*).

Все эти факты, недостаточные для выводов порознь, в целом свидетельствуют о том, что в 1517 г. или уже наверное в 1526 г. (дата последней поездки) Герберштейну было в какой-то мере известно содержание «Послания», а возможно и «Сказания».

* * *

Как мы уже отмечали, вопрос о происхождении легенд, использованных в «Послании» Спиридона, остается открытым. И. Н. Жданов склонен считать, что о Владимире Мономахе существовала устная легенда, которая передавалась из поколения в поколение и была привлечена при составлении «Послания» и «Сказания о князьях владимирских». Для создания такого рода легенд существовали благоприятные условия в XV в. Во второй половине XV в. часто в летописях и в родословных упоминается о происхождении русских князей «из немец». Происхождение легенд о Владимире Мономахе нередко связывают с хранившимися в великокняжеской казне драгоценностями.[1]

Как бы то ни было, для появления всего комплекса идей, затронутых Спиридоном в «Послании», существовали реальные условия в самой политической жизни страны. Самые идеи не явились, очевидно, результатом личной изобретательности Спиридона. Он их только обработал в своем «Послании» приблизительно так же, как он отредактировал «Житие Зосимы и Савватия», написанное Досифеем.

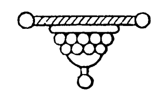
Литературное поручение было выполнено Спиридоном тогда, когда нужда в такого рода произведении была особенно велика. К моменту появления «Послания» ощущение и сознание силы великокняжеской власти значительно возросло, вызванное ходом развития централизации государства. К Василию III, — говорит В. В. Мавродин, — «переходит и вся сумма великокняжеских прав, необычайно возросших за время княжения Ивана III, так как созданная последним централизованная система управления не была просто разросшейся и развившейся старой государственной системой, а принципиально новой формой организации государственной власти господствующего класса феодалов, когда обладателем всех прав и носителем всех функций высшей власти явился только „государь всея Руси“, тогда как все остальные были только его подданными независимо от того, были ли их предки владетельными и самостоятельными князьями „рюрикови-

[1] М. А. Дьяконов. Власть московских государей. СПб., 1889, стр. 73. — И. Н. Жданов. Повести о Вавилоне и «Сказание о князех владимирских», стр. 111—112.

чами" или „гедиминовичами", или прислуживали им в качестве псарей и доезжачих».[1]

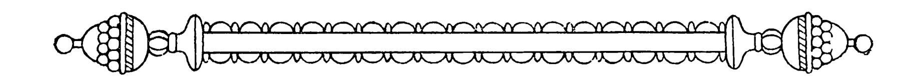
В обстановке дальнейшего усиления централизации росла потребность в новом произведении для выражения изменившегося характера великокняжеской власти. Появляется потребность в таком литературном произведении, которое доказывало бы знатность происхождения великих князей русских и объясняло бы появление титула царя на Руси. «Послание» Спиридона-Саввы не могло полностью удовлетворить потребности Русского государства в создании официального произведения, отражавшего идеи, защищавшиеся русскими дипломатами при переговорах с Польско-Литовским государством и приводившиеся правительством в его внутренней политике. Потребовалось переработать «Послание» Спиридона-Саввы. Так появляется «Сказание о князьях владимирских» в его первой редакции.

Суммируя все наши соображения о времени появления «Послания» Спиридона-Саввы и первой редакции «Сказания о князьях владимирских», предполагаем, что произведения эти возникли в следующих пределах. «Послание» появилось в княжение Василия III до 1523 г., как установил И. Н. Жданов. Вероятнее всего думать, что «Послание» было написано при митрополите Варлааме, который был близок нестяжателям, т. е. между 1511—1521 гг. Политические события в стране, которые нашли отражение в создании «Послания» Спиридона-Саввы, — борьба за пограничные земли, в период феодальной раздробленности попавшие в руки Польско-Литовского государства, — относятся к этому же времени. Вскоре после «Послания» появилась первая редакция «Сказания» (до 1533 г.).

---

[1] В. В. Мавродин. Образование единого Русского государства. Л. 1951, стр. 259—260.

Глава III

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ «СКАЗАНИЯ О КНЯЗЬЯХ ВЛАДИМИРСКИХ» В ГОДЫ ЦАРСТВОВАНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО

Широкое применение в политической практике Русского государства «Сказание о князьях владимирских» нашло себе в годы царствования Ивана IV. Хотя это произведение было создано еще при Василии III, но проследить, как им пользовалось правительство Василия III, не удается. Ни в одном официальном памятнике того времени оно не упомянуто. Впервые его идеи как идеи официальные, государственные были применены в 1547 г., когда особенно остро стал вопрос об усилении авторитета государственной власти. Судьба «Сказания» с этого времени становится значительной.

К 1547 г. положение в стране было очень обострено. Непрерывно шла борьба между отдельными боярскими группировками. Эта борьба привела к частичному возврату порядков феодальной раздробленности, захвату земель крупными феодалами, разграблению княжеской казны, ослаблению обороны страны.[1] Результатом было восстание летом 1547 г., носившее антифеодальный характер. Напряженное положение в стране заставило класс феодалов сплотить силы, в итоге чего к власти пришло правительство, которое должно было проводить политику централизации. С февраля 1549 г. у власти стало правительство, известное в исторической науке под названием «Избранной рады».

О характере этого правительства еще нет единого мнения в советской исторической науке. И. И. Смирнов считает его дворянским правительством с антибоярской направленностью, опи-

---

[1] С. В. Бахрушин. «Избранная рада» Ивана Грозного. Исторические записки, 1945, № 15, стр. 29.

[2] Там же, стр. 30.

равшимся на дворянство и посад. Руководящую роль в нем И. И. Смирнов отводит митрополиту Макарию, Захарьиным, Адашеву и Сильвестру.[1] Несколько иного мнения держится С. В. Бахрушин. Он предполагает, что это было правительство, в основном проводившее дворянскую политику, но компромиссный состав «Избранной рады» нашел отражение в ее политике — «рада» должна была делать некоторые уступки феодалам. Мнение о том, что в правительство входил митрополит Макарий, С. В. Бахрушин считает несостоятельным и вообще отрицает активную роль Макария в 50-х годах XVI в.[2] Мы вернемся еще к вопросу о деятельности Макария в политической жизни тех лет, так как это будет иметь прямое отношение к нашей теме.

Одна из первых попыток укрепить государственную власть, расшатанную боярской борьбой, относится еще ко времени до восстания летом 1547 г. В феврале 1547 г. было торжественно совершено венчание Ивана IV на царство. Значение венчания для укрепления государственной власти единодушно отмечается в советской исторической науке. Об этом пишет С. В. Бахрушин.[3] Роль венчания подчеркивает и И. И. Смирнов: «Значение венчания на царство Ивана IV, т. е. принятия им царского титула, заключалось в том, что этим актом официально провозглашался самодержавный характер власти молодого царя, чем подрывалась почва под притязаниями княжат и бояр на руководящее участие в делах государства».[4] На это же указывает и К. В. Базилевич: «Чтобы укрепить расшатанную верховную власть, близкие к Ивану IV люди с митрополитом Макарием предложили ему венчаться на царство».[5]

Как уже было сказано раньше, венчание происходило в обстановке обострения классовых противоречий. Венчание было совершено митрополитом Макарием, который несомненно участвовал и в его подготовке. Даже С. В. Бахрушин, считавший, что Макарий не входил в правительство тех лет, признавал активную роль Макария в осуществлении этого важнейшего правительственного акта.

Макарий принадлежал к группировке иосифлян, которые стремились к союзу с великим князем. Он был постриженником Пафнутьева Боровского монастыря, затем — архимандритом Лужского Можайского монастыря. В 1526 г. при митрополите Да-

---

[1] И. И. Смирнов. Иван Грозный. М., 1944, стр. 31.
[2] С. В. Бахрушин. «Избранная рада» Ивана Грозного, стр. 54.
[3] Там же, стр. 30.
[4] И. И. Смирнов. Иван Грозный, стр. 26.
[5] К. В. Базилевич. История СССР с древнейших времен до конца XVII века. М., 1950, стр. 276

нииле Макарий был поставлен в архиепископы Новгорода.[1] В 1542 г., когда Иоасаф был смещен с митрополичьей кафедры и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, так как держал сторону Бельских, Макарий был поставлен на место Иоасафа.

К. Заусцинский полагает, что Макарий был поставлен митрополитом Шуйскими, но в дальнейшем будто бы не пошел за ними. И. И. Смирнов, напротив, считает его ставленником дворянства, когда последнее в 1542 г. свергло Бельских и когда власть перешла затем к Шуйским. «Гораздо важнее был другой результат январского переворота 1542 года, — пишет И. И. Смирнов, — заключавшийся в смене московских митрополитов, причем новым митрополитом стал новгородский архиепископ Макарий, выдвинутый на пост главы церкви служилыми людьми — участниками движения».[2] По мнению И. И. Смирнова, с этого момента Макарий проводил политику централизации.[3] Несколько иначе смотрит на Макария С. В. Бахрушин. Он считает Макария идеологом самодержавия, но не признает за ним активной роли государственного деятеля. По мнению С. В. Бахрушина (как и по мнению К. Заусцинского), Макарий был поставлен митрополитом Шуйскими, но в годы их правления не имел авторитета. С. В. Бахрушин признает за ним инициативу в венчании молодого Грозного, но думает, что венчание было выгоднее всего Глинским.[4]

Таким образом, существует единое мнение, что Макарий был сторонником самодержавия, но о роли его в политических событиях мнения расходятся, и самые мнения эти выражены не всегда четко. Так, например, И. И. Смирнов, считая его «убежденным сторонником и идеологом самодержавного строя и врагом удельно-княжеского сепаратизма»,[5] недостаточно развивает и аргументирует это положение.

Иосифляне, к которым принадлежал Макарий, стремились к союзу с государственной властью, чтобы использовать ее в интересах усиления церкви. Иосифляне поддерживали светскую власть в борьбе с боярством, но Макарию приходилось лавировать между боярскими группировками до тех пор, пока не

---

[1] К. Заусцинский. Макарий — митрополит всея Руси. ЖМНП, 1881, октябрь—ноябрь.

[2] И. И. Смирнов. Иван Грозный, стр. 24.

[3] Там же, стр. 24—25. — См. также статью И. И. Смирнова «Иван Грозный и боярский „мятеж“ 1553 г.», в которой он отводит место выяснению роли митрополита Макария в событиях 1553 г., так как считает его одним из активных политических деятелей 40—50-х гг. XVI в. (Исторические записки, 1953, № 43, стр. 171—172).

[4] С. В. Бахрушин. «Избранная рада» Ивана Грозного», стр. 34—35.

[5] И. И. Смирнов. Иван Грозный, стр. 24.

окрепла власть государя, в союзе с которым крепло и его положение. Такая точка зрения на характер политики, проводимой митрополитом Макарием, как мы увидим в дальнейшем, подтверждается фактами, связанными с венчанием на царство Ивана IV.[1]

Независимо даже от того, чья роль была активнее в событиях, связанных с венчанием на царство Ивана IV, — Глинских или митрополита Макария, — несомненно, что венчание на царство объективно служило делу укрепления самодержавия. Но в то же время, как покажет разбор материалов, связанных с венчанием, церковь в лице Макария преследовала свои цели. В акте венчания была подчеркнута роль церкви и ее главы, оно было использовано для поднятия престижа церкви. Недаром в связи с венчанием Ивана IV было сделано повышение в сане ряда церковных иерархов. Об этом не упомянуто в Никоновской летописи, но в одной рукописи, где кратко описано венчание, сказано совершенно определенно: «Тогда же царь государь дал троецкому игумену Ионе Сергиева монастыря место под чюдовским архимандритом, а кириловскому игумену Афонасию подо андрониковским архимандритом, а пафнутиевскому иосифовскому под богоявленским игуменом, а преже того те игумены в местех не бывали».[2]

В основу чина венчания Ивана Грозного был положен чин венчания внука Ивана III — Дмитрия Ивановича. Однако венчание последнего не было венчанием на царство, оно было поставлением на великое княжение. Иначе говоря, венчание Дмитрия не сопровождалось изменениями в титуле. Ивану III необходимо было только придать факту поставления Дмитрия как можно больше гласности и узаконенности. Это поставление про-

---

[1] Роль митрополита Макария в политических событиях 40—50-х годов XVI в. в Русском государстве рассмотрена в кандидатской диссертации С. О. Шмидта. По его мнению, правительство, пришедшее к власти в 40-х годах, было результатом компромисса между боярством, духовенством и дворянством (княжата и бояре, иосифлянин Макарий и средняя прослойка — Адашев). С. О. Шмидт считает, что Макарий занимал заметное положение в правительстве, и полагает, что как раз в это время укрепилось положение церкви в государстве, а митрополита — при дворе. Макарий умело использовал обстоятельства для достижения власти, для оформления союза иосифлян с великим князем, для укрепления экономического и политического положения церкви в государстве. Он руководил молодым государем, пытался проводить политику в интересах церкви при видимости слияния церковных интересов с интересами государства (С. О. Шмидт. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева и восточная политика Русского государства в середине XVI столетия. Рукоп. канд. дисс., БИЛ, стр. 47, 54, 91—93).

[2] Рукоп. ГПБ, собр. Софийск. библ., № 1516, л. 55 об.

ходило в сложной обстановке борьбы различных группировок феодалов. Одна группировка поддерживала Софью Палеолог и ее сына Василия, другая — Елену и ее сына Дмитрия. Распространенная точка зрения, что за Софьей стояли слои, поддерживающие самодержавие, а за Еленой — боярская оппозиция, в настоящее время подвергнута сомнению. Я. С. Лурье связывает борьбу группировок с внешнеполитическими вопросами — с борьбой против Литвы.[1] Л. В. Черепнин считает, что суть этой борьбы заключена в следующем. Василия III держалась группа защитников интересов феодальных центров, Дмитрия же поддерживало боярство московское. Заговор защитников феодальных центров был раскрыт в 1497 г. Завершением всего было венчание Дмитрия и опубликование судебника.[2] Торжественный обряд венчания своего преемника и введение единого судебника были предприняты Иваном III, чтобы избежать рецидива феодальной борьбы и сохранить единодержавие. Назначение венчания в этой обстановке совершенно ясно.

Венчание Дмитрия на великое княжение могло подсказать Макарию мысль о венчании Ивана IV; однако Макарий идет дальше — он венчает Ивана IV на царство, т. е. предпринимает шаг не только для сохранения великокняжеской власти, но и для поднятия ее значения.

В основу чина венчания на царство Ивана IV, как мы уже сказали, был положен чин поставления на великое княжество внука Ивана III — Дмитрия Ивановича.[3] Связь между ними установить нетрудно. Обряд в обоих случаях в общих чертах совпадает. Кроме того, имеются текстуальные совпадения в отдельных частях того и другого чина. В чине венчания Дмитрия Ивановича роль великого князя Ивана III в обряде венчания не менее активна, чем роль митрополита. Он принимает участие в поставлении, надевает княжескую шапку на внука, произносит поучения. Когда происходило венчание Ивана IV, отца его, как известно, уже не было в живых, но в чине его признается присутствие великого князя, который принимает участие в венчании так же, как Иван III в чине Дмитрия Ивановича.

---

[1] Я. С. Лурье. Первые идеологи московского самодержавия. Ученые записки Ленинградского Государственного педагогического института им. А. И. Герцена, т. 78, 1948, стр. 83—107.

[2] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. II. М., 1951, стр. 298—303.

[3] Чин поставления на великое княжество князя Дмитрия Ивановича. Чтения ОИДР, 1883, январь—март, кн. 1, стр. 32—38.

Из сказанного видно, что чин венчания Ивана IV зависит от чина венчания Дмитрия Ивановича. Однако чин венчания Ивана IV разработан более подробно. В него внесено описание устройства царского места, подробно рассказывается о том, как приносятся в церковь атрибуты царской власти. По сравнению с чином Дмитрия Ивановича вставлены речь Ивана IV и ответная речь митрополита. Кроме того, короткая поучительная речь митрополита в чине венчания Дмитрия Ивановича заменена в чине венчания Ивана IV длинным поучением Макария. Обе речи значительно отличаются друг от друга и своим идейным содержанием. Чин венчания Ивана IV дополнен также описанием того, как на царя, кроме княжеской шапки и барм, возлагается крест и ему передается скипетр и цепь. Затем, к чину добавлен «Чин и устав како подобает помазати царя». Чин венчания Ивана IV оканчивается упоминанием пира.[1] Нищие и убогие «обирают» царское место. Ни о каком пире в чине венчания Дмитрия Ивановича речи не было. Детальная разработка чина венчания Ивана IV дает право думать, что чин был составлен до венчания, составлен был именно для того, чтобы по нему потом совершить обряд.

Чин венчания Ивана IV был разработан с определенной и ясной целью — подчеркнуть актом венчания перед боярами и народом незыблемую власть царя. Однако в этом чине подчеркнуто, что власть царя дается ему не только от предков, но и от бога. Иосифлянская идея о теократическом характере царской власти выступает здесь вполне наглядно. Она высказывается особенно ясно в поучении митрополита царю.

В чине венчания Дмитрия Ивановича в речи митрополита Дмитрию сказано только следующее: «Господине и сыну, князь велики Дмитрей, божиим изволением дед твой князь великы пожаловал тебя, благословил великым княжьством. И ты, господине и сыну, имей страх божий в сердци, люби правду и милость и суд правой и имей послушание к своему государю и к деду, к великому князю, и попечение имей от всего сердца о всем православном христианьстве. А мы тебя, господина и сына своего, благославляем и бога молим о вашем здравии».[2]

Поучение же Макария носит совсем другой характер. Оно построено на основе поучения Василия Македонянина для стар-

---

[1] Об этом также есть упоминания в ряде сходных между собой рукописей с заметками летописного характера о венчании (рукописи: БИЛ, собр. Ундольского, № 610; ГИМ, собр. Вострякова, № 1258; ГПБ, собр. Софийск. библ., № 1516; ГПБ, Q.XVII.67).

[2] Чтения ОИДР, 1883, кн. 1, стр. 36.

шего сына Льва (Философа).[1] Форма поучения испытала на себе следы византийского влияния, содержание же отражает чисто русские события: борьбу иосифлян за то, чтобы использовать власть великого князя в своих интересах. Кроме изложения идеи теократического характера царской власти, Макарий предлагает союз церкви и царя, причем руководящую роль оставляет за церковью. Царь должен держаться православной веры и действовать только с одобрения церкви. Он должен заботиться о церкви и о монастырях: «И паки ти глаголю, о боговенчанный царю: цело имей мудрование православным догматом, почитай излише матерь твою церковь».[2]

Таким образом, Макарий, являясь инициатором и главным участником обряда венчания, преследовал цели использования сильной царской власти в интересах церкви, но объективно он способствовал укреплению централизованной власти, оправдывая союз царской власти с иосифлянской частью церкви. Многие изменения, внесенные в чин венчания Ивана IV, были связаны с тем, что этот чин не был просто поставлением на великое княжение, а был чином венчания на царство.

Право русского государя венчаться на царство надо было обосновать. Поэтому в самом чине в ряде мест повторяется, что венчание совершается по «древнему нашему чину». С целью доказательства права Ивана IV венчаться на царство было создано вступление к чину. Вступлением послужила вторая часть «Сказания о князьях владимирских» первой редакции, которая была привлечена к чину недостаточно обработанной, о чем свидетельствует, как мы уже отмечали в главе I, сохранение упоминания 6496 г. в самом начале вступления. Год этот в «Сказании» относится к Владимиру Святославичу, а во вступлении к чину его по ошибке отнесли к Владимиру Мономаху. Новым сравнительно со «Сказанием» было название, зависящее от названия чина венчания Ивана IV (в свою очередь восходящее к названию чина венчания внука Ивана III) и придуманное специально для вступительной части: «Поставление великих князей русских, откуду бе и како начаша ставити на великое княжество». В «Поставлении» передается легенда о приобретении Мономахом венца и венчании его, содержание которой было привлечено и для составления самого чина венчания Ивана IV.[3] В чине венчания

---

[1] Хр. Лопарев. О чине венчания русских царей. ЖМНП, 1887, октябрь, стр. 312—319.

[2] Чтения ОИДР, 1883, кн. 1, стр. 83.

[3] О включении легенды в чин венчания см.: В. Сокольский. Участие русского духовенства и монашества в развитии единодержавия и само-

Дмитрия Ивановича легенда эта не была еще использована[1]. Если в чине венчания Дмитрия Ивановича употреблены в обряде только бармы и шапка, то в чине Ивана IV подробно говорится еще и о «животворящем кресте»: «... да благословит великого князя тем крестом животворящаго древа, на нем же распят бысть господь наш Исус Христос, что прислал тот крест греческий царь Костянтин Манамах на поставление к великым князем русскым с бармами и с шапкою, с Неофитом ефесскым митрополитом и с прочими посланникы».[1] Текст этот кратко излагает в применении к «животворящему кресту» содержание легенды из вступительной части, т. е. «Поставления».

Так же как и место о «животворящем кресте», упоминания в чине венца и золотого блюда восходят к «Поставлению». Восходит к «Поставлению» и упоминание о золотой цепи, приносимой в числе подарков Владимиру Мономаху, причем о ней говорится почти теми же словами что и в «Поставлении»: «И митрополит благославляет крестом да возлагает на него ч е п ь а р а в и т с к а г о з л а т а, что прислал греческий царь Констянтин Манамах со святыми бармами и с царским венцем на поставление великих князей русских».[2]

Следует впрочем иметь в виду, что в чине венчания Ивана IV упоминается еще и скипетр, который отсутствует в числе даров в «Поставлении». Митрополит, вручая его, говорит следующее: «О боговенчанный царю князь великий Иван Василевич всея Русии самодержец, приими от бога в данное ти скипетро правити хоругви великого царства росийскаго и блюди и храни его елика твоя сила».[3] Иными словами, митрополит утверждает, что скипетр дается царю прямо от бога.

Таким образом, предположение, высказанное в первой главе, о связи «Поставления» с чином венчания Ивана IV подтверждается содержанием самого чина венчания. «Поставление» служит историческим введением к чину венчания и обоснованием венчания.

Назначение «Поставления» как обоснования права Ивана IV на венчание можно проследить и по записям о его венчании в летописях.[4] Общее между записями в Никоновской летописи

державия в Московском государстве в конце XV—первой половине XVI в. Киев, 1902, стр. 182; М. А. Д ь я к о н о в. Власть московских государей. СПб., 1889, стр. 74.

[1] Чтения ОИДР, 1883, кн. 1, стр. 50.

[2] Там же, стр. 61.

[3] Там же, стр. 53.

[4] ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 150—151; ч. 2, стр. 450—453. — В Львовской летописи сказано то же самое, что в Никоновской.

и в Царственной книге заключается в том, что эти записи кратко излагают «Поставление» и чин венчания. Оба рассказа начинаются с упоминания венчания Владимира Мономаха; о венчании Ивана IV рассказывается как о совершившемся факте, с некоторой конкретизацией лиц, принимавших участие в этом обряде. Части рассказов, начинающиеся с описания возложения знаков царского достоинства на Ивана IV, и в Никоновской, и в Царственной книге совпадают. Начало в Царственной книге изменено. В Никоновской подчеркнута роль Макария в венчании тем, что не говорится об активном отношении к венчанию Ивана IV. В Царственной же книге, напротив, подчеркивается самостоятельность царя в решении венчаться.

В главе I уже упоминалось о заметках летописного характера с описанием венчания в ряде рукописей.[1] Приведенные в них записи много короче, чем в летописях, но они имеют некоторые подробности о венчании, которых в летописях нет. Интересно, что перед этими заметками, так же как перед чином венчания Ивана IV, идет «Поставление».

Вскоре после венчания Ивана IV на царство на дверцах царского места,[2] установленного в Успенском соборе в 1551 г., был вырезан текст повести о приобретении Владимиром Мономахом царского венца,[3] восходящей к «Поставлению». Повесть эта была помещена на дверцах в четырех больших кругах. Особые резные изображения отчетливо иллюстрировали текст. Вслед за этой повестью в рукописях помещены записи, в которых говорится о венчании Ивана IV, а затем сообщается об установлении царского места в Успенском соборе.[4]

Таким образом, «Сказание о князьях владимирских» нашло себе впервые вполне конкретное применение в идеологической борьбе за укрепление централизованного государства в самом обряде венчания Ивана IV, в чине этого венчания и в последующих мероприятиях. В дальнейшем мы увидим, что на протяжении долгого времени «Сказание» постоянно использовалось как памятник идеологии самодержавия.

* * *

---

[1] Рукописи: БИЛ, собр. Ундольского, № 610; ГИМ, собр. Вострякова, № 1258; ГПБ, собр. Софийск. библ., № 1516; ГПБ, Q.XVII.67.

[2] Описание царского места дано в «Путеводителе к древностям и достопамятностям московским» (ч. I, М., 1792, стр. 33—35).

[3] Этот текст издан в кн.: И. Снегирев. Памятники московской древности. М., 1842—1845, стр. 27—28.

[4] Рукописи: БИЛ, собр. Ундольского, № 373; ГПБ, собр. Погодина, № 1567; ГПБ, собр. Соловецк. монастыря, № 962 (852).

Назначение «Поставления» как обоснования права венчания Ивана IV на царство подтверждается, между прочим, грамотой константинопольского патриарха 1561 г. несмотря на то, что легенда о приобретении Владимиром Мономахом царского венца в грамоте значительно изменена.

Вопрос о признании иностранными державами титула царя за Иваном IV после венчания не был решен полностью. Русскому государству необходимо было добиться этого признания, о чем свидетельствует, как будет видно в дальнейшем, русская дипломатическая переписка со странами Западной Европы. Европейские государства, в особенности Польско-Литовское, не хотели признавать за Иваном IV титула царя. Приходилось искать новые средства для доказательства права на царский титул. Может быть, этим было вызвано обращение Ивана Грозного к патриарху с просьбой утвердить за ним титул на вселенском соборе. Н. С. Чаев видит в обращении к константинопольскому патриарху выражение стремления Русского государства к признанию его «третьим Римом». В статье Н. С. Чаева говорится о том, что московское правительство, стремясь оправдать свои идеологические построения о роли Москвы как «третьего Рима», хотело добиться признания и оправдания их со стороны греческого патриарха и митрополитов; это и заставило Ивана IV «обратиться к константинопольскому патриарху за официальным подтверждением прав московского великого князя на титул царя».[1]

В 1557 г. в Москву приехал от патриарха митрополит Иоасаф с просьбой о материальной помощи.[2] «И удоволив столом государь митрополита и святогорцев дарми почтив, отпустил в Царьград, а х патриарху послал с митрополитом з грамотою Ивашка Волкова, а во Святую Гору бывшего архимарита Еуфимьева монастыря Федорита», — говорится в летописи о результатах поездки митрополита Иоасафа.[3] Содержание грамоты в летописи не приведено, но, как это явствует из самой грамоты, в ней заключалась просьба о благословении вселенским собором венчания на царство Ивана IV. «А которого для дела приняли есмя венчанье царства Рускаго, изволением и рукоположением и

---

[1] Н. С. Чаев. «Москва — третий Рим» в политической практике московского правительства XVI века. Исторические записки, 1945, № 17, стр. 18—19.

[2] Соборная грамота духовенства православной восточной церкви, утверждающая сан царя за великим князем Иоанном IV Васильевичем, 1561 г. Издана М. Оболенским. М., 1850, стр. 29. — ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 275; т. XX, ч. 2, стр. 577.

[3] ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 278.

соборными молитвами о святем дусе отца нашего и богомолца Макария, митрополита всея Русии, и всего священного собора русские митрополии, и коликим милосердием и неизреченною милостию преблагаго господа бога и Спаса нашего Иисуса Христа взяли есмя царство Казанское и царство Астраханское со всеми их подлежащими, и как начальники тех царств, богохулные цари, со всеми их воинствы гневом божиим, яко огнем, нашею саблею потребишась, инии ж в наших руках просветишася банею святого крещения и обще с нами богу хвалу воздают, християнских же душ премногое множество тех царств разорении избавил бог от безбожных томительства; якож восхоте бог, сие и сотвори. О том о всем принося богу благодарение, х тебе есмя приказали словом с вашим посланником с митрополитом Иоасафом: и ты б его выпросил и хвалу воздал милосердному богу, излиявшему на нас премногую благодать свою, и нам бы еси о нашем венчанье благословенье свое соборне отписал своею грамотою с нашим посланником священноиноком Феодоритом».[1] Посланному к патриарху архимандриту Феодориту был дан наказ требовать, чтобы благословение на царство было дано не только самим патриархом, но и утверждено на соборе.

В следующем году пришла грамота от патриарха, который благосклонно принял венчание на царство Ивана IV: «Также и о благовременном бывшем венчании твоем царском во царстве твоем от святейшего митрополита всея Росия Макария, нашего возлюбленного брата и сослужбника, благовосприято есть нам и достойно да будет царству твоему».[2] В летописи нет упоминания об этой грамоте.

Очевидно, из политических соображений в летопись не были включены известия о попытке добиться утверждения в царском сане Ивана IV вселенским собором. Только в 1561 г., когда была привезена утвердительная грамота, известия об официальном признании за Иваном IV царского титула были включены в летопись: «Сии же Констянтинаграда Иоасаф патриарх и вси митрополиты и архиепископи и епископи благословиша боговенчаннаго царя и великого князя Ивана Василиевича всеа Русии, еже быти и зватися ему царем законно и благочестно венчанному, вкупе от них и от их святыя церкви просвещение и благословение, понеже рода есть и крове царския, якоже они ркли на ползу всем благочестивым и христоименитым людем. Подписана же грамота лета 7069-го, индикта четвертаго».[3]

---

[1] Соборная грамота..., стр. 32—33.
[2] Там же, стр. 36.
[3] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 334.

Венчание на царство Ивана IV. Миниатюра из Царственной книги.

В грамоте патриарха есть много для нас интересного и важного: «Понеже умерение наше исполносися и уверися не токмо от предания многих достоверных мужей, но уже от писанных показаний летописцев, яко нынешний царь московский, новгородцкий, астраханский, казанский, нагайский и всеа земли великия России государь Иоанн изводится и родословится от породы и крове сущно царские, сиречь от нея приснопамятныя царицы государыни и дестины, сиречь владычицы, Анны, сестры самодержца царя Василия Багрянородного; та же Монамах благочестивейший царь Константин со... тогдашняго патриарха и сущаго тогда священного архиерейского собора пославша митрополита ефескаго и антиохийскаго патриарха и венчаша во царя благочестивейшаго и великого князя Владимира и дароваше тому царский венец на главу его и с камением честным... диадимою и иная царская знамения и одежды. Тем же и священнейшый митрополит московский и всеа великия Росии господин Макарий, оттуду пущен..., увенча того во цари законнаго и благочестивейшаго».[1] Из приведенного текста видно, что грамота константинопольского патриарха была составлена на основании русских письменных источников. Были ли эти источники известны патриархии в письменных переводах с русского или в устном изложении, — сказать пока трудно.

В самом деле, в грамоте патриарха 1561 г. с извещением Ивана IV об утверждении его собором в сане царя дано обоснование права венчания на царство Ивана IV и в основе этого обоснования лежит все та же легенда о Владимире Мономахе, которая изложена в предисловии к чину венчания — в так называемом «Поставлении». Только в грамоте история о приобретении Владимиром Мономахом царского венца рассказана несколько иначе. Владимира Мономаха венчают и посылают ему дары не из-за успешной войны против Константина Мономаха, а благодаря решению самого Константина, так как Владимир Мономах был царской крови по своей бабке — царице Анне, сестре Василия Багрянородного. Изменение это может быть понято как стремление константинопольского патриарха соблюсти авторитет Византии. Несмотря на это отличие грамоты от повести о Владимире Мономахе, в них есть общее: Константин посылает дары Владимиру Мономаху, и затем Владимир венчается. Сходство между грамотой патриарха и «Поставлением» в обосновании права на царский титул Ивана IV надо признать неслучайным. В дошедших до нас документах не упомянуто, что Иван IV вместе с просьбой об утверждении венчания для обос-

[1] Соборная грамота..., стр. 17—18.

нования его сообщил и содержание легенды. В грамоте от Ивана IV говорится только о завоевании Казанского и Астраханского царств и о покорении неверных. Этот аргумент не раз упоминался и в дипломатической переписке, когда вставал вопрос о праве русского государя на царский титул. Надо думать, что повесть о Владимире Мономахе была сообщена собору отдельно русским послом — устно или письменно. Иначе совпадение между грамотой и повестью в обосновании права на царский титул объяснить нельзя.

Доказательства прав Ивана IV на царский титул, приведенные в «Поставлении», официально на Руси были приняты еще в 1547 г. Патриарху эти обоснования показались приемлемыми с внесением некоторых изменений. Патриарх предполагал, очевидно, повторить венчание Ивана IV и вместе с грамотой в 1561 г. прислал для этой цели митрополита; он хотел, чтобы венчание было совершено от его имени. Но правительство Ивана IV, блюдя высокий авторитет России, отказалось от этого. «Обращаясь на Восток, оно желало лишь получить оттуда признание царского титула, т. е. того, что было, по его мнению, исторически присуще главе Московского государства издавна».[1]

Довольно продолжительные переговоры с константинопольским патриархом из-за грамоты на царский титул и упорная борьба за признание царского титула Ивана IV в дипломатических сношениях с Западом делают понятным появление второй редакции «Сказания о князьях владимирских». Раньше уже было выяснено нами, что появиться эта вторая редакция могла только после венчания Ивана IV и даже после 1551 г., когда было сделано «царское место», установленное в Успенском соборе. Но в то же время эта вторая редакция имеет прямое отношение к венчанию Ивана IV на царство. В рукописях в двух случаях после «Сказания о князьях владимирских» второй редакции следует чин венчания на царство Ивана IV. Это одно уже заставляет думать, что появление ее связано каким-то образом с венчанием Ивана IV. Кроме того, рассмотрение тех изменений, которым подверглось «Сказание» второй редакции сравнительно с первой, убеждает в том же самом. Изменению подверглась вторая часть «Сказания», т. е. та, которая имеет отношение к венчанию. К ней был добавлен тот самый подзаголовок, какой имеет вступительная часть к чину венчания Ивана IV. Вместе с тем, были добавлены некоторые даты жизни и смерти Владимира Мономаха, чего не было еще во вступительной части к чину

---

[1] Н. С. Чаев. «Москва — третий Рим» в политической практике московского правительства XVI века, стр. 19—21.

венчания — «Поставлении». Этим, очевидно, придавался произведению характер большей документальности.

Все вышеизложенное дает право предположить, что составление этой редакции могло относиться к 1557—1561 гг., когда велись переговоры Ивана IV с патриархом об утверждении за Иваном IV царского сана. В данном случае было использовано все «Сказание», а не только его вторая часть, так как и первая часть «Сказания» была очень важна для обоснования перед патриархом прав на венчание: в этой первой части русская история связывалась со всемирной. Добавим еще и следующее соображение. Как мы увидим в дальнейшем, в 1555 г. составлен «Государев родословец», в котором была использована легенда о происхождении русских князей от Августа, отразившаяся в первой части «Сказания». Данная легенда с этой поры энергично применяется во внутриполитической борьбе и внешнеполитических переговорах. Естественно, что она должна была сыграть свою роль и в сношениях с константинопольским патриархом.

Может быть, появление второй редакции надо связывать с другим каким-либо подобным же событием, так как споры о царском сане в общеевропейском масштабе не были еще окончены. Как бы то ни было официальный характер и этой редакции «Сказания» неоспорим.

* * *

В царствование Ивана IV идеи «Сказания о князьях владимирских» были привлечены в политических целях не только в связи с его венчанием на царство, когда преимущественно использована была легенда о приобретении Владимиром Мономахом царского венца; не в меньшей степени служила целям укрепления централизации государства и поднятия престижа великого князя легенда о происхождении русских великих князей от Августа, римского императора. Ей также был придан официальный характер и использовалась она как в официальной политической литературе, так и в актах государственного назначения, начиная с 50-х годов XVI столетия. Она привлекалась в дипломатической практике, включалась в грамоты царя, его переписку. Ее идеи были заимствованы для «Государева родословца».

Задача выяснения роли «Сказания о князьях владимирских» в связи с родословцами исключительно сложна, поскольку вопрос о родословцах интересующего нас времени остается неясным, недостаточно разработанным. Время появления различных видов родословных, их хронологическая последовательность, значение,

практическое использование в XV—XVI вв. остаются невыясненными. Поэтому и вопрос о включении идей «Сказания» в тексты родословных XVI в. не может быть полностью разрешен.

В исторической литературе установлено существование «Государева родословца» времени Ивана IV, но многие вопросы, связанные с ним, не выяснены. Им занимались А. Н. Барсуков и Н. П. Лихачев. А. Н. Барсуков считал, что первая попытка составления великокняжеского родословия принадлежала митрополиту Киприяну; под этим он понимал якобы принадлежавшую Киприяну «Степенную книгу». По мнению А. П. Барсукова, «Государев родословец» был составлен при Иване IV и хранился в Разрядном приказе; в 1687 г. он был переработан и получил название «Бархатной книги», которая и дошла до нас.[1] Более точно разработал вопрос о родословцах Н. П. Лихачев.[2] Он установил участие Адашева в составлении «Родословца» на том основании, что текст последнего кончался родом Адашевых, определил объем «Родословца» — 43 главы. «Важным указанием на состав и объем государевой родословной книги является известие описи дел, вынесенных из разряда в великий пожар 1622 г.: „А из Розряду в тот в большой пожар вынесено государевых дел: книга родословная, в коже, 43 главы“».[3] Вывод о том, что «Государев родословец» содержал 43 главы, Н. П. Лихачев подтвердил и сравнением ряда списков родословных с «Бархатной книгой».

В своем исследовании Н. П. Лихачев пришел к выводу, что «Родословец» создан в 1555 г.[4] В самом деле, в него наряду с русскими княжескими родами были включены роды казанских и астраханских царей. Анализируя самый текст, где говорится об этих казанских и астраханских родах, Н. П. Лихачев заключил, что «Родословец» составлен после завоевания Казани, но до завоевания Астрахани.[5] Он обратил внимание на самый факт включения в царский «Родословец» родословия казанских, крымских и астраханских царей и литовских князей, увидел в этом идеологический смысл. «Можно проследить и систему, по которой составлялся этот родословец. Гордый покоритель Казани

---

[1] А. П. Барсуков. Обзор источников и литературы русского родословия. СПб., 1887.

[2] Н. П. Лихачев. «Государев родословец» и род Адашевых. Летопись занятий археографической комиссии, вып. XI, СПб., 1903, стр. 44—135. — Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888.

[3] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века, стр. 358.

[4] Там же, стр. 414.

[5] Там же.

в первой и второй главе излагал происхождение («начало» и «корень») своего рода и связывал его историю с историей Римских Кесарей, в третьей главе были отмечены разветвления царственного рода Рюрика, с четвертой начинался родословник знатных родов, бывших на службе великого государя Московского. Кого следовало записать прежде и выше всех, как не роды тех грозных владык, вольных царей, потомки которых по милости божией стали теперь служилыми людьми царя и великого князя! И вот в четвертой главе написаны роды Астраханских царей и Казанских царей, к которым присоединен и род Крымских царей, потому что из этого рода был царь „Сафакирей Казанской"».[1] Это наблюдение Н. П. Лихачева остроумно устанавливает идеологическую направленность всего «Родословца». Иван Грозный признавал высокое происхождение казанских и астраханских царей; покорение их царств, по мнению Грозного, поднимало еще выше его престиж и укрепляло права на царский титул. Такое отношение Ивана Грозного к покоренным казанскому и астраханскому царям характерно не только для «Родословца». Оно неоднократно подчеркивалось и в других случаях. Отстаивая за собой титул царя в сношениях с Польско-Литовским государством, Иван Грозный упоминал о покорении Астрахани и Казани, о том же он писал патриарху, прося его об утверждении в царском сане. Вслед за родословными казанских и астраханских царей в «Родословце» идут роды удельных князей, начиная с рода Гедимина.

Н. П. Лихачев в другой своей работе делает заключение, что хотя главной целью «Родословца» было подчеркнуть значение царя и великого князя, составление «Родословца», «в сущности было, конечно, делом боярской партии».[2] Вывод этот он строит на том основании, что «в Родословце само собою, но весьма отчетливо, вырисовывалось происхождение князей-вотчинников, прибранных к рукам „кровопийственным родом", службы и заслуги боярства сводились воедино по родам и отдельным фамилиям».[3] Незначительный род Адашевых, как полагает Н. П. Лихачев, мог попасть в родословную только благодаря тому, что в составлении родословия принимали участие Адашевы.

Таким образом, Н. П. Лихачев наметил и идеологическую сторону «Родословца» и связь его с современной политической обстановкой страны. Служил ли «Родословец» делу укрепления

---

[1] Там же, стр. 415—416.
[2] Н. П. Лихачев. «Государев родословец» и род Адашевых, стр. 48.
[3] Там же.

государства или в какой-то мере он отражал интересы боярской группировки, каким образом «Родословец» мог быть использован государством, — на эти вопросы Н. П. Лихачев не отвечает. Чтобы решить их, надо привлечь богатый рукописный материал, необходимо выявить списки «Родословных», сравнить эти списки в полном составе как между собой, так и с другими видами родословных того времени. Безусловно, «Родословец» связан с политикой «Избранной рады». Окончательно решить все вопросы, имеющие отношение к «Родословцу», на страницах данной работы нет возможности. Тем не менее значение «Родословца» в поднятии престижа царской власти совершенно ясно.

По своему происхождению царское имя поставлено в «Родословце» выше всех других фамилий. Для этого в «Родословец» включена легенда о происхождении великих князей русских от Августа, императора римского. Н. П. Лихачев ограничивается только замечаниями о включении данной легенды в «Родословец», не рассматривая вопроса о том, для чего это было сделано. Между тем, легенда, включенная в состав «Родословца», имеет прямое отношение к разбираемому нами «Сказанию о князьях владимирских». Назначение ее ясно. Грозный не раз в дальнейшем указывал на свое знатное происхождение, когда ему надо было подчеркнуть незыблемость и величие своей власти.

Легенда была включена в «Государев родословец» 1555 г., но возникает вопрос: не использовалась ли она и раньше в родословных и в каком виде она была включена в этот «Родословец»?

До «Государева родословца», а затем и параллельно с ним, но независимо от него, существовало большое количество текстов родословных. Многие из них относились по своему возникновению ко времени Ивана III и Василия III. Перечисление великих князей русских в этих родословных шло от Рюрика через киевских князей к владимирским и от владимирских к московским. Такая схема полностью сохранена и в родословных времени Ивана IV. Для XV в. характерно упоминание, что Рюрик «пришел из немец».[1] В ряде списков родословных того же времени говорится просто, что Рюрик «из варяг».[2]

Сохранилось большое количество списков родословных, которые начинаются упомянутой выше легендой о происхождении великих князей русских от Августа. В большинстве случаев

[1] Рукописи: БАН, 13.3.22; БИЛ, собр. Румянц. музея, № CCXLVII; БИЛ, собр. Румянцева, № 358; БИЛ. собр. Троице-Сергиевой лавры, № 770; ГПБ, собр. СПб. духовн. акад., № 430.

[2] Рукописи: БИЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 765; ГИМ, собр. Патриарш. библ., № 367; ГПБ, собр. Погодина, № 1577.

изложение родословия великих князей в этих списках кончается упоминанием Ивана IV, в некоторых списках оно доведено до Федора Иоанновича.[1]

Обычно в родословных перечисление князей заканчивается на «князе нынешнем», доводится до своего времени. На этом основании можно предположить, что легенда о происхождении великих князей русских от Августа впервые была включена в родословную, составленную не ранее, чем в царствование Ивана IV. Но тот список родословия, который находится в составе Воскресенской летописи, несколько противоречит такому предположению.[2] В летописи родословие также начинается рассказом о происхождении русских великих князей от Августа и кончается Иваном IV, но о последнем сказано следующее: «И по нем (т. е. после Василия III, — *Р. Д.*) седе на великом княжении сын его князь великий Иван, а остася после отца своего треюлет и треюмесяц и десяти день. А дрьжа под ним царство Русскую землю мати его великая княгиня Елена».[3] Отсюда можно заключить, что родословие, входящее в состав Воскресенской летописи, относится ко времени, когда еще жива была княгиня Елена Глинская, иначе говоря, включение легенды в родословие произошло раньше 1555 г. — года составления «Государева родословца».

Возможно, что в качестве вступления к родословной великих князей легенда о происхождении от Августа была использована уже при Василии III, при составлении одной из редакций Воскресенской летописи. Но особых данных для такого рода заключения пока нет.

Дошедший рукописный материал отчетливо свидетельствует, что «Родословец», составленный в 1555 г., имел в качестве своей вступительной части разбираемую легенду. Легенда эта читается сейчас и в «Бархатной книге». Для нас представляет интерес и самый факт включения легенды в «Государев родословец» и история этого включения.

Надо заметить, что тексты вступления в различных списках родословных имеют некоторые отличия друг от друга, но все они близки тексту первой части «Сказания о князьях владимирских».

---

[1] Рукописи: БАН, 17.15.19; БИЛ, собр. Румянцева, № 349; БИЛ, собр. Музейное, № 617; ГИМ, собр. Забелина, № 427; ГИМ, собр. Уварова, № 786, в 4-ку; ГИМ, собр. Уварова, № 570, в лист; ГИМ, собр. Уварова, № 206, в лист; ГПБ, Q.XVII.32; ГПБ, собр. Вяземского, F.141; ГПБ, F.IV.733; ГПБ, собр. Погодина, № 1522.

[2] ПСРЛ, т. VII, стр. 231—238.

[3] Там же, стр. 238.

Некоторые списки родословных начинаются со вступления, которое рассказывает только о том, как Август поделил свои владения и Пруса поставил на реке Немане и по соседним местам. Другие же списки начинаются с разделения вселенной Ноем между сыновьями, а затем уже рассказ в них переходит к Августу. Об Августе и разделении им вселенной в том и другом случае рассказано одинаково. Когда изложение доводится до Рюрика и устанавливается его родство с Прусом, родственником Августа, текст вступления сливается с родословием великих князей русских. Который из этих текстов вступления был первоначально использован для родословных? Естественно предположить, поскольку оба текста вступления близки первой части «Сказания», что первоначально текст был полный, а потом он был сокращен и сохранен, начиная только от Августа. Однако сравнение текстов вступления со «Сказанием о князьях владимирских» и «Посланием» Спиридона-Саввы заставляет думать об обратном. Во всех вступлениях к родословным перед рассказом об Августе стоит фраза: «И Августу кесарю, обладающу всею вселенною и роздели вселенную братии своей». В различных списках эта фраза передается несколько по-разному. В «Послании» и в «Сказании» ее нет. Текст после приведенной фразы в родословных более близок «Посланию» Спиридона-Саввы, чем «Сказанию», так как в «Сказании» не говорится о Киринее, а в «Послании» и во вступлениях к родословным он упомянут. Поэтому можно думать, что в родословных со вступлением, начинающимся с разделения земель Августом, было использовано «Послание» Спиридона-Саввы, и упомянутая выше фраза была придумана как начало вступления, поскольку текст был взят из середины «Послания». Такой именно текст сохранила «Бархатная книга». В дальнейшем к этому виду вступления в начале была присоединена первая часть (от Ноя и до Августа) из «Сказания». Часть эта была присоединена именно из «Сказания», а не «Послания», что видно по ряду признаков, характеризующих текст «Сказания».

Каким бы, однако, путем не создавался текст вступления к родословным, остается бесспорным, что, будучи внесенным в «Государев родословец», он имел общегосударственное признание и использовался в целях укрепления самодержавия. Вступление к «Родословцу» утверждало за великим князем его высокое происхождение по сравнению со всеми другими князьями. Никто из князей не мог считать себя равным великому князю, на генеалогической лестнице он был поставлен выше всех. Великий князь и по сравнению с европейскими королями и князьями был не низкого происхождения, его престиж среди них

был на высоком уровне. В 1576 г. сочли возможным и нужным перевести родословие великих князей русских на латынь, причем началось оно с Августа и Пруса.[1]

* * *

О времени проникновения «Сказания» в официальную летопись нельзя сказать определенно. Из дошедших до нас летописей «Сказание» впервые использовано в Воскресенской летописи.

Воскресенская летопись составлена в 30-х или в 40-х годах XVI в. Установлено существование трех редакций этой летописи. Первая редакция доводит изложение до 1533 г., вторая редакция кончается 1537 г. и третья — 1541 г.[2]

При составлении какой из этих редакций внесен был в летопись текст из «Сказания», установить не удается. Под 6367 г. в рассказ о призвании Рюрика вставлены сведения о его происхождении от Августа, императора римского, помещен текст о разделении вселенной Августом,[3] который ближе всего к тексту, приводимому во вступительной части «Государева родословца» 1555 г. В числе статей, помещенных перед текстом летописи, находятся статьи, посвященные родословию. Родословие великих князей русских начинается с введения, которое содержит рассказ о разделении вселенной Августом и о происхождении русских князей от него.[4] Родословие литовских князей[5] не имеет отношения к тому, которое помещено у Спиридона-Саввы или следует после «Сказания» первой редакции. Оно совпадает с тем текстом, который помещен в «Государеве родословце» 1555 г. На основании этого можно предполагать, что оба родословия были включены в летопись из «Государева родословца», т. е. не ранее 1555 г. Однако может быть и обратное: из летописи текст взят для «Государева родословца». В летописный рассказ о Владимире Мономахе вставлена повесть о приобретении Владимиром Мономахом царского венца.[6] Сравнение ее с текстом известных разновидностей этой повести не приводит к каким-либо определенным результатам. Повесть здесь приведена сокращенно.

---

[1] И. Н. Жданов. Повести о Вавилоне и «Сказание о князех владимирских», стр. 60—61.

[2] Д. С. Лихачев. Русские летописи. М.—Л., 1947, стр. 473—474.

[3] ПСРЛ, т. VII, стр. 267—268. — Тот же текст включен в летопись, которая начинается с «Повести временных лет», кончается 1286 г. (рукоп. ГПБ, F.IV.239, л. 48 об.; список середины XVI в.).

[4] ПСРЛ, т. VII, стр. 231.

[5] Там же, стр. 253—256, а также см.: рукоп. ГПБ, F.IV.239, лл. 128 об.—129.

[6] ПСРЛ, т. VII, стр. 23.

Среди даров, присланных Константином Мономахом, не упомянуты бармы, о венце добавлено разъяснение, что это «шапка Мономаха».

А. А. Шахматов в своей работе «О так называемой Ростовской летописи», сравнивая эту летопись с Воскресенской, приходит к выводу, что сведения из «Сказания» были включены в одну из редакций общерусской митрополичьей летописи, составленную в начале XVI в., а затем уже из нее попали в Воскресенскую.[1] Свой вывод А. А. Шахматов строит на том основании, что в Ростовской летописи этих сведений нет, хотя в основе Ростовской и Воскресенской летописей лежит свод 1499 г. Заключение А. А. Шахматова подтверждает наше предположение о появлении «Сказания» не ранее начала XVI в., но не решает вопроса, при составлении какой из редакций Воскресенской летописи сведения из него были внесены в летопись. Между прочим, в Воскресенскую летопись, как и в «Государев родословец», было включено родословие литовских князей, отличающееся по своему содержанию от того родословия, которое приведено у Спиридона и помещено в большинстве случаев после «Сказания» первой редакции. Возможно, что включение в Воскресенскую летопись текстов, связанных со «Сказанием о князьях владимирских», но без следующего за ним родословия литовских князей, произошло в правление Елены Глинской, из-за родственных связей которой с литовскими князьями не могло быть признано родословие литовских князей, созданное Спиридоном.

* * *

Близок по своей тематике «Государеву родословцу» 1555 г. грандиозный памятник XVI в. — «Степенная книга». Весь исторический материал подчинен в ней идее самодержавной власти. Русская история изложена по «степеням» правления великих князей, начиная от Владимира Святославича. Связь с «Родословцем» обнаруживается не только в сходном перечислении великих княжений от киевских князей к владимирским, от владимирских к московским, но и в том, что происхождение русских князей выводится от Августа, римского императора, через Пруса к Рюрику. В основу теоретических построений обоих произведений о знатном происхождении русских князей положен один и тот же рассказ, который имеет прямое отношение к «Сказанию о князьях владимирских». Кроме того, в «Степенную»

---

[1] А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904, стр. 43.

включена также повесть о приобретении Владимиром Мономахом царского венца.

Д. И. Прозоровский в статье, посвященной царским утварям, упоминаемым в легенде о приобретении Владимиром Мономахом царского венца, ставил вопрос о достоверности этой легенды, и пришел к заключению, что вариант ее, использованный в «Степенной книге», носит на себе отпечаток XVI в. и не может быть отнесен ко времени более раннему.[1] Рассказ «Степенной книги» о приобретении царского венца Д. И. Прозоровский считал основным, вслед за которым появились и другие варианты. И. Н. Жданов, возражая ему, доказал, что рассказ «Степенной» представляет позднейшую обработку, а сама легенда о венце появилась раньше и была включена в «Сказание о князьях владимирских».[2] И. Н. Жданов видит глубокую связь между «Степенной» и «Сказанием». «Не представляет ли „Сказание о князех владимирских" отрывка того именно генеалогического труда, который приписывался (хотя бы ошибочно) митрополиту Киприяну? — спрашивает И. Н. Жданов, — схема, данная этим памятником, могла лечь в основу позднейших генеалогических работ, причем первоначальный текст мог подвергаться и сокращениям и добавкам. На той же генеалогической схеме, осложненной сводом исторических известий и сказаний, построена и „Степенная книга"».[3] И. Н. Жданов предполагает, что «Сказание» было основой более ранней редакции «Степенной», продолженной изложением исторических известий о представителях младшей линии мономаховичей — потомках Юрия Владимировича. Это весьма гипотетическое предположение не было подтверждено доказательствами. Больше того, история возникновения «Сказания о князьях владимирских», приведенная в работе И. Н. Жданова, не оправдывает его предположения.

Исследователь «Степенной книги» П. Г. Васенко доказал, что до макарьевской «Степенной» не существовало ничего на нее похожего.[4] На составление «Степенной», по мнению П. Г. Васенко, наряду с родословцами оказало влияние «Сказание о князьях владимирских». В своем исследовании П. Г. Васенко писал: «...еще до „Степенной" была аналогичная попытка по

---

[1] Д. И. Прозоровский. Об утварях, приписываемых Владимиру Мономаху. Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, т. III, СПб., 1882.

[2] И. Н. Жданов. Повести о Вавилоне и «Сказание о князех владимирских», стр. 70—74.

[3] Там же, стр. 81—82.

[4] П. Г. Васенко. «Книга степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности, ч. 1. СПб., 1904, стр. 157.

родословной схеме расположить повествование о князьях русских. Мы разумеем известное „Сказание о князех владимирских". Это „Сказание" прямо или посредственно отразилось на рассказах „Степенной" о Прусе, брате Августа, и о венчании царским венцом Владимира Мономаха. Более чем вероятно, что редактор, или, быть может, инициатор „Книги степенной", знал указанное „Сказание". Весьма вероятно также, что оно оказало известное влияние на его идею о „Степенной". Поэтому мысль И. Н. Жданова о тождестве первоначальной „Степенной" со „Сказанием" имела известное основание».[1]

Связь между «Степенной» и «Сказанием» установить нетрудно. Сближает их не только идея единой самодержавной власти русских князей, но и заимствование в «Степенной» целого ряда фактических сведений из «Сказания». Происхождение русских князей ведется в «Степенной» так же, как в «Сказании», — от Августа, римского императора. В «Сказании» и в «Степенной» приведено одно и то же описание обстоятельств, вызвавших венчание на царство Владимира Мономаха.

По мнению П. Г. Васенко, «Книга степенная» составлена в 1560—1563 гг.[2] Памятник этот явился как бы обобщением большой идеологической работы, проведенной под руководством митрополита Макария. В нем завершено оформление идеологии царской власти Русского централизованного государства. Изложение русской истории по княжениям подчинено в «Степенной» политической идее самодержавия. Последовательность перехода власти от одного великого князя к другому сохранена четко: от киевских князей к владимирским, от владимирских к московским. «Степени» великих княжений те же самые и даны в такой же последовательности, как в «Государеве родословце», в котором также проведена линия перехода власти от киевских князей к московским.

«Степенная книга» строго следит за титулованием великих князей. Владимир Святославич и Владимир Мономах названы в ней царями. Подчеркнуто, что Даниил Александрович — князь Москвы, что Дмитрий Иванович — уже «князь русский». Иван III назван «государем и самодержцем всея Руси», такой же титул и у Василия III. Иван IV — «боговенчанный царь, самодержавный государь». Такое внимание к титулованию не случайно.

Как уже отмечалось, Ивану IV надо было закрепить за собой титул царя. «Степенная книга» в известной мере помогала этому,

[1] П. Г. Васенко. «Книга степенная царского родословия» и ее значение..., стр. 161.
[2] Там же, стр. 217.

утверждая права на титул царя за Владимиром Святославичем и Владимиром Мономахом. Ссылки на венчание Владимира Святославича и Владимира Мономаха много раз приводились в качестве доказательства в дипломатических спорах с иностранными государствами о царском титуле Ивана IV.

Утверждая величие царской власти, «Степенная книга» в то же время отчетливо отразила церковную идеологию. Каждая «степень» содержит статьи, где приведены описания подвигов, «чудес» и жизнеописания. «Рассматривая содержание этих статей, мы видим, что за весьма малыми исключениями, они посвящены прославлению разных подвигов веры и благочестия, совершаемых представителями и представительницами рода Владимира Святого, описанию разных чудес и чудесных знамений и, наконец, житиям и сказаниям о святых митрополитах московских».[1] П. Г. Васенко определяет «Степенную» как сборник агиобиографического характера.[2] Идея божественного происхождения власти проходит через всю «Степенную»: «Иже убо существом телесным равен есть человеком царь, властию же достойнаго его величества приличен вышьнему, иже надо всеми, богу: не имать бо высочайша себе на земли, не преступим убо человеки высоты ради земьнаго царствия, благопим же бывает получения ради горняго царствия».[3] Первая «степень» начата с Владимира Святославича, т. е. первого князя, крестившего Русскую землю. Составители «Степенной» посчитали уместным назвать его царем по той причине, что Владимир Святославич был венчан тогда же, когда принимал христианство. Идеи «Степенной», служившие возвеличению царской власти, были восприняты Иваном IV и использованы в политической борьбе. В целом же «Степенная» оставалась книгой церковного характера, сохраняя идеи официальной церкви.

Какое же непосредственное отражение в «Степенной книге» нашло «Сказание о князьях владимирских»? Из «Сказания» взята легенда о происхождении русских князей от Августа, кесаря римского, через Пруса и приведена дважды. В самом начале, когда речь идет о Рюрике, эта легенда передана сокращенно.[4] Несколько более подробно она рассказана там, где говорится о Владимире Святославиче.[5] В этом случае легенда изложена с эпизода, имеющего непосредственное отношение к вопросу происхождения русских князей. «Не худа же рода бяху и не не-

[1] Там же, стр. 170—171.
[2] Там же, стр. 231.
[3] ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, стр. 610.
[4] Там же, т. XXI, ч. 1, стр. 7.
[5] Там же, стр. 60.

знаема, но паче преименита и славна римскаго кесаря Августа, обладающаго всею вселенною и единоначальствующаго на земли»,[1] — сказано об Августе. Дальше рассказывается о Прусе так же, как в «Сказании». Начиная с Рюрика, о котором говорится: «... от сего Пруса семени бяше вышереченный Рюрик и братия его»,[2] изложение идет снова не по «Сказанию».

Повесть о Владимире Мономахе включена в четвертую «степень» там, где рассказывается о Владимире Мономахе. Содержание, в основном, передается то же самое, что и в «Сказании», но текстуального совпадения между «Сказанием» и «Степенной» нет. В «Степенной» легенда изложена много короче, не говорится о подробностях подготовки похода и о самом походе. Рассказано только о том, какие дары прислал Константин Мономах, причем вместо барм стоит название «порамьница». «Степенная книга» подчеркивает благочестие Владимира Мономаха. Такая характеристика Владимира Мономаха отразилась и на рассказе о приобретении им царского венца, который он получил «мужества ради своего и благочестия».[3] Объяснение перенесения даров на Русь дано следующее: «И не просто рещи такову дарованию не от человек, но божиим неизреченным судьбам претворяюще и преводяще славу Греческаго царства на росийскаго царя».[4] Ни о благочестии, ни о передаче славы с Греческого царства на Русь в повести, которая помещена в «Сказании о князьях владимирских», не говорится. В «Степенной» же этой повести о Владимире Мономахе придан церковный характер, — сосредоточено внимание не на том, почему русские великие князья имеют право носить титул царя, а на том, почему на Русь попали царские дары. Иными словами, повесть о Владимире Мономахе служит здесь другим целям, чем в «Сказании». Кроме мужества, славу русским князьям приносит благочестие, и слава с Греческого государства на Русское переходит по «промыслу божьему». Эта трактовка связана с идеями «третьего Рима», которые были сформулированы в свое время псковским старцем Елеазарова монастыря Филофеем.[5]

* * *

Текст повести о приобретении Владимиром Мономахом царского венца, близкий к рассказу «Степенной», помещен и

[1] ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 60.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 188.
[4] Там же.
[5] Н. Н. Масленникова. Идеологическая борьба в псковской литературе. Труды ОДРЛ, т. VIII, 1951, стр. 194—195.

в «Четьих-Минеях» под 20 сентября — в «Похвальном слове на память Михаила Черниговского» Филолога черноризца.[1] Эта повесть в «Четьих-Минеях» вставлена в жизнеописание Андрея Ростовского, который будто бы венчался так же, как и его предок Владимир Мономах. Не решая вопроса о том, почему царский венец попал к Андрею Ростовскому, попытаемся сопоставить тексты повести, включенные в «Степенную» и «Четьи-Минеи». Тексты повести в том и в другом случае очень близки, но все же между ними есть различие, хотя и незначительное. В «Четьих-Минеях» вместо перечисления послов сказано только: «и от прочих святитель»; в «Степенной» же к этим словам добавлено: «митулинскаго и милитийскаго вкупе с митрополитом пришедших от Царяграда». Кроме того, имеется и следующее различие между текстами повести: в «Четьих-Минеях» она начинается как продолжение фразы об Андрее: «.. якоже прародитель его великий князь Владимер Манамах от греческаго царя»,[2] а в «Степенной» фразой: «Его же ради мужества и греческаго царя...».[3]

Связь между текстами повести в «Степенной» и в «Четьих-Минеях» несомненна. На основании сравнения текстов трудно сказать, был ли текст внесен из «Четьих» в «Степенную», или наоборот. Если предположить, что повесть была включена в «Слово» самим Филологом, то можно думать, что в «Четьих-Минеях» она ближе к своему первоначальному виду. О Филологе черноризце известно, что он был родом из Сербии и между 1534 и 1542 гг. им было написано «Похвальное слово Зосиме и Савватию».[4] Очевидно, где-то в этих хронологических пределах написано им и «Похвальное слово на память Михаила Черниговского».

Рассказ о Владимире Мономахе, который помещен в «Степенной» и «Четьих-Минеях», трактует передачу царского венца как переход славы и благочестия из Константинополя на Русское государство. Появление такой трактовки в этих памятниках вполне объяснимо. Эти произведения — церковного характера, связаны они с деятельностью Макария, который, как известно, был сторонником самодержавия, но в то же время отстаивал руководящую роль церкви.

* * *

Идеи «Сказания о князьях владимирских» использовались правительством Ивана IV для идеологического укрепления

[1] Великие Четьи-Минеи, сентябрь, СПб., 1869, стлб. 1308—1336.
[2] Там же, стлб. 1318.
[3] ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 188.
[4] Творения святых отцов, год 17, книга 4. М., 1859, стр. 522—547.

власти централизованного государства. Они нашли отражение не только во внутренней политике Русского государства, но и в дипломатической деятельности времени Ивана IV.

Вопросам роли политических идей Русского централизованного государства в XVI в., главным образом во внешнеполитической борьбе, посвящена специальная работа Н. С. Чаева.[1] Правильно охарактеризовав международную обстановку, в которой пришлось выступать Русскому государству в XVI в., Н. С. Чаев показывает сопротивление Русского государства вовлечению его в антитурецкую коалицию и вскрывает ту задачу, которую решало Русское государство во внешнеполитической борьбе — борьбе за окраинные земли и выход к морю. Цель работы Н. С. Чаева состояла в том, чтобы выяснить использование идеологических построений Русского государства XVI в. русской дипломатией. Н. С. Чаев считает, что на домогательства Рима и Вены Русское государство ответило теорией «третьего Рима», в которую, по мнению Н. С. Чаева, составной частью вошли и идеи, заимствованные из «Сказания о князьях владимирских», — о происхождении русских князей от Августа и о царском венце. Но здесь же Н. С. Чаев замечает: «Однако отнюдь не весь комплекс идей, разработанных в Москве в XVI в., был пущен тогда в оборот дипломатии. Так, например, идея о константинопольском наследии, как уже упоминалось, всячески избегалась московским правительством в соответствующих переговорах (вспомним ответы Василия III, а также Грозного — Поссевино)».[2] Таким образом, Н. С. Чаев противоречит сам себе. Трактуя использованные русским правительством политические идеи как теорию «третьего Рима», он исключает из них главное — идею константинопольского наследия и оставляет только то, что восходило к «Сказанию о князьях владимирских». И действительно, в дипломатическую практику того времени невозможно было включать теорию, утверждавшую преемственность от Византии. Она не отвечала внешнеполитическим задачам Русского государства. Идеи же, высказанные в «Сказании о князьях владимирских», не только не противоречили внешнеполитическим запросам Русского государства, но и способствовали его внешнеполитической борьбе.

Следует ли идеи «Сказания о князьях владимирских» считать выражением теории «третьего Рима»? Проследив отражение политических идей в дипломатической борьбе, мы убедимся, что,

---

[1] Н. С. Чаев. «Москва — третий Рим» в политической практике московского правительства XVI века, стр. 3—23.

[2] Там же, стр. 13.

используя идеи «Сказания», русское правительство нигде и никогда не применяло во внешнеполитических переговорах в XVI в. теорию «Москвы — третьего Рима». «Сказание» преследовало несколько иные цели, чем утверждение преемственности власти из Византии, оно говорило о величии Русского государства и его древних традициях, что могло служить защите прав государства и государей; поэтому «Сказание» свободно и использовалось в дипломатической практике.

Обратимся к рассмотрению того, как идеи «Сказания о князьях владимирских» нашли себе применение в дипломатических сношениях своего времени. Применялись они, как мы увидим, главным образом в упорной борьбе за царский титул, которая, в свою очередь, находилась в неразрывной связи с борьбой Русского государства за пограничные земли, с одной стороны, и с отстаиванием своей полной равноправности на международной арене, с другой.

Дипломатические споры о титуле начались еще со времени Ивана III. Польско-Литовское государство упорно не хотело признавать за Иваном III титула «государь всея Руси». В признании этого титула оно видело утверждение прав русского государя также на те земли, которые во время феодальной раздробленности попали в руки Польско-Литовского государства.[1] Одновременно римский папа и германский император предлагали Ивану III со своей стороны титул короля, чтобы затем поставить Ивана III в некоторую зависимость от себя. Отказавшись от этих предложений, Иван III настаивал на признании за ним титула «государь всея Руси», принятого им по собственному изволению и по независимой от иностранных государств традиции, восходящей еще к XI—XII вв. Дипломатические споры из-за титула продолжались и при Василии III.

Усиление Русского государства при Иване IV вынуждало его все больше и больше укреплять русский государственный авторитет на международной арене. Когда Иван IV присвоил себе царский титул, пышно венчавшись на царство, он потребовал и от иностранных государей признания за ним этого титула. В свое время Иван III только в переписке с второстепенными государствами считал возможным титуловать себя царем, но уже Василий III называл себя царем при переговорах с послами Римской империи и Польско-Литовского государства, хотя попытки внести титул «царя» в грамоты не увенчались успехом.[2]

[1] История дипломатии, т. I. М., 1941, стр. 198.

[2] Сб. РИО, т. 35, СПб., 1882, стр. 710—760. — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. I. СПб., 1851, стлб. 316.

Иван же IV открыто заявил о своем венчании на царство и властно потребовал признания себя царем. Рост могущества Русского государства заставлял западноевропейские страны постепенно начать применять титул «царь» по отношению к Ивану IV.[1]

Естественно, что враждебнее всего титул царя должны были встретить в Польско-Литовском государстве. Политика Русского государства при Иване IV по отношению к Польско-Литовскому продолжала носить активный характер. Литва осталась главным противником Русского государства. Продолжалась та же борьба за западные земли Руси, а кроме того, усиливалась борьба за выход к Балтийскому морю, что привело к соперничеству все с той же Польшей из-за земель Ливонского ордена.

Продолжавшаяся при Иване IV борьба за царский титул, естественно потребовала новых аргументов. По документам дипломатической переписки с Польско-Литовским государством можно проследить упорную борьбу за признание царского титула, появление в это время новых построений, обосновывающих права на этот титул. В ответ на сопротивление польско-литовской дипломатии русские привлекают все новые и новые исторические данные. Это расширение аргументации находилось в прямой связи с развитием официальной идеологии Русского централизованного государства.

Русское государство продолжало настаивать на возвращении пограничных западных земель, поэтому шли бесконечные споры из-за них с Польско-Литовским государством и все чаще заключались только временные перемирия, вместо постоянного мира.

Русские дипломаты утверждали, что московские государи являются наследниками киевских князей и что поэтому все земли Русского государства с самого начала его существования принадлежат только русским государям: «И бояре говорили: панове! нам ваше писмо и в мысль не войдет: что есте писали, то вотчина вся извечная государей наших от прародителей; а ведомо, панове, и вам гораздо, что предки государя нашего все теми городы владели, да и Киевом, и Волынью, и Полтеском, и Витебском, и всеми городы русскими; а рубеже был тем городом с Литовской землею по Березыню. Ино, панове, пригоже вашему государю и досталных городов русских государю нашему поступитись, потому что те городы русские держат за собою государя нашего извечную вотчину».[2] Русские утверждали таким образом, что все русские земли, в том числе и киевские, перешли по на-

[1] История дипломатии, т. I, стр. 203.
[2] Сб. РИО, т. 59, СПб., 1887, стр. 274.

следству от предков во владение русских государей и по праву принадлежат только им. Эти обоснования прав на земли Киевского государства были связаны общей исторической аргументацией с притязаниями Ивана IV на царский титул, потому-то признанию его так противилось Польско-Литовское государство. При Иване III польско-литовские дипломаты не хотели признавать за ним титула «государь всея Руси», но все же в конце концов должны были уступить. При Василии III и особенно при Иване IV борьба вновь разгорается, но уже за титул царя.

После венчания Ивана IV на царство необходимо было добиться, чтобы все страны признали за ним царский титул. Русские начинают систематически вводить титул царя в дипломатическую практику. Впервые при Иване IV вопрос о титуле встает в переговорах о мире с польско-литовскими послами в 1549 г.[1] Сразу же вокруг вопроса о титуле возникает спор, который переходит в длительную и ожесточенную дипломатическую борьбу. Чтобы заключить перемирие, русские временно вынуждены были уступить и не называть в королевской грамоте 1549 г. Ивана IV царем.[2]

В 1551 г. возвращается из Польши русское посольство. Посол докладывает, что не взял от короля грамоту, так как имя Ивана IV в ней было написано без царского титула. Посол дал и объяснение, почему он так долго задержался в Польше: «И король посылал по панов, и думал о том много, как написати, а его (посла, — *Р. Д.*) держали за тем четыре недели. И слышал, сказывает, ото многих людей, паны приговаривали, чтоб написати царем; и Горнастай отговаривал всем, что писати непригоже».[3] В ответной грамоте Иван IV решил называть короля только великим князем.[4] В 1552 г. точно повторилось то же самое.[5] Посольство от московских бояр к литовским панам в 1553 г., обвиняя Польско-Литовское государство в том, что переговоры о мире оставались безрезультатными, заявляло польским панам: «...государь ваш име государя нашего пишет не по его царскому венчанию, а государь наш вашего именование королевское к государю вашему также не описует».[6]

Необходимость тщательно обосновать и наглядно продемонстрировать право Ивана IV на царский титул вытекала из всей

---

[1] Там же, стр. 289—290.
[2] Там же, стр. 291.
[3] Там же, стр. 349.
[4] Там же, стр. 349—350.
[5] Там же, стр. 358—359.
[6] Там же, стр. 371.

практики дипломатических сношений Русского государства с государствами иностранными.

Значение Русского государства на международной арене со времени Ивана III все возрастало. Русское государство представляло собой очень значительную силу, с которой Западной Европе приходилось постоянно считаться. Использовать эту силу, направить политику Русского государства в своих интересах пытались и папа римский, и Венеция и Германская империя. Чтобы привлечь на свою сторону Русское государство, все они со времени Ивана III стремились преподнести русскому государю королевский титул. Папа римский надеялся таким путем направить внешнюю политику и военную силу большого Русского государства против Турции и не оставлял надежды заставить его принять католичество.

Такие попытки предпринимались папой неоднократно и при Иване IV, но не приводили к нужным результатам. Папа римский отстаивал за собой право давать титулы. Польский король, признавая за папой это право в общей форме, в то же время опасался, как бы папа не дал титул русскому государю. Поэтому, когда в 1553 г. стало известно о намерении папы даровать королевский титул Ивану IV, в Польше воспротивились этому. Был созван сейм, который вынес решение хлопотать при папском дворе, чтобы в Русское государство не посылали посла папы, а если пошлют — то чтобы он был задержан в Польше при проезде. К папе был направлен посол Крыйский, который должен был потребовать, чтобы папа не давал Ивану IV королевского титула.[1] Посольство в Москву от папы не состоялось. Факт этот показывает, насколько Польско-Литовское государство было упорно в противодействие принятию титула русским царем.

Русское государство, начиная с Ивана III, с одной стороны, не прекращало борьбы за признание титула западноевропейскими государствами, с другой, — твердо и дальновидно отказывалось принять титул и от папы римского, и от германского императора. Принять титул из чьих-либо рук означало стать в определенную зависимость от тех, кто его дал. Нужна была осторожная, но последовательная политика в этом вопросе, которой и держалось Русское государство, отстаивая свою независимость и самостоятельность.

Римский папа и после 1553 г. неоднократно делал попытки привлечь русских к борьбе против Турции, но все они не при-

---

[1] Ф. Успенский. Сношения Рима с Москвой. ЖМНП, 1884, № 8, стр. 398—400.

носили успеха. Благодаря сопротивлению Польши, не состоялось посольство от папы с приглашением на Тридентский собор 1561 г., как не состоялась и попытка завязать сношения с Русским государством в 1570 г. В 1576—1577 гг. готовилась новая миссия в Русское государство. Папа римский все еще не оставлял надежды привлечь русских к антитурецкой лиге и все еще отстаивал право давать титулы. Но и эта готовившаяся миссия также не осуществилась.[1]

Если в сношениях с папой и Германской империей приходилось отказываться от их предложений и отстаивать право на тот титул, который присвоили себе великие русские князья, а с Польско-Литовским государством упорно бороться за признание его, — то совершенно просто вопрос решался в сношениях с Англией. Экономические, военные, культурные интересы Русского государства требовали общения с западноевропейскими странами. Главное устремление внешней политики Ивана IV лежало именно в этом направлении. Возможность установления торговых и иных связей со странами Западной Европы была обусловлена свободой выхода к Балтийскому морю. Однако Польша, Литва и Ливонский орден установили блокаду России. Ее надо было прорвать во что бы то ни стало. Поэтому возникновение прямых сношений с Англией через Белое море в 1553 г. имело существенное значение для Русского государства.[2] Но Иван IV не хотел ограничиться одними торговыми сношениями, он пытался вовлечь Англию в союз против Литвы и Швеции. Англии этот союз ничего не давал, и она не выразила желания вступить в него. Торговля же с Россией имела для Англии немаловажное значение, поэтому она постоянно стремилась поддерживать дружественные отношения с Россией и ни в коем случае не обострять их. В связи со всем этим вопрос о титуле русского государя решался в данном случае совершенно иначе, чем в сношениях с Польско-Литовским государством. Протестантская Англия сразу же признала царский титул за Иваном IV и даже именовала его императором.[3] В сношениях с Англией теория обоснования самодержавия не была нужна, поэтому в дипломатических переговорах с англичанами отсутствуют со стороны русских дипломатов длинные объяснения прав на царский титул. Это лишний раз подтверждает, что официальная теория Русского

---

[1] Переписка пап с российскими государями в XVI веке. СПб., 1834, стр. 39—52.

[2] Ю. Толстой. Первые сорок лет сношений между Россиею и Англиею, 1553—1593 гг. СПб., 1875.

[3] Там же, стр. 9, 13, 22, 28, 49, 90, 101 и др.

государства служила достижению конкретных целей, служила оружием дипломатической борьбы.

Как уже было сказано выше, с Польско-Литовским государством приходилось спорить из-за титулования, надо было обосновать и доказать право русского государя на царский титул. С этой целью в дипломатическую переписку вводится теория происхождения на Руси царской власти. Упорное нежелание со стороны Литвы признавать права на этот титул заставляло русских прибавлять все новые и новые аргументы, и эти аргументы были теснейшим образом связаны с теми идеологическими мероприятиями, которые проводились внутри страны.

В самом деле, как мы уже видели выше, венчание на царство Ивана IV было идеологически подготовлено рядом сложных мероприятий: был разработан чин венчания, была привлечена легенда о приобретении Владимиром Мономахом царского венца; легенда эта обосновывала право русского государя венчаться на царство, показывая, что венчание на царство традиционно существовало в Русском государстве и до Ивана IV. Вся эта идеологическая подготовка оказалась затем полезной и во внешних сношениях Русского государства. Идеи, связанные с венчанием на царство Ивана IV, использовались в переговорах о мире в 1549—1553 гг. В этих переговорах нашло себе применение «Сказание о князьях владимирских».

Легенда о приобретении Владимиром Мономахом царского венца все чаще и чаще упоминается русскими дипломатами, объясняющими присвоение царского титула Ивану IV. Русские дипломаты утверждали: «А государь наш пишет свое име царем по своему царскому венчанию и по прародителя своего достоинству царя и великого князя Владимера Манамаха, и король бы ныне велел име государя нашего сполна писати».[1]

Польские послы в переговорах 1553 г. заявили, что прежде чем признать титул царя за Иваном IV, польский король должен согласовать свое признание с папой римским, германским императором и другими государями. На это русские ответили, что папа римский и Максимилиан называли в своих грамотах царем еще деда и отца Ивана IV. Русские дипломаты настойчиво повторяли, что обычай венчания в Русском государстве старый, что он не является нововведением Ивана IV, а существует еще со времени Владимира Мономаха. «И Баака Митрофанов и Иван Михайлов писарю Глебу говорили: Ян был на Москве, и в то время государь наш на свои государства царем не венчался и потому тогды государь наш в той грамоте царем не писан;

[1] Сб. РИО, т. 59, стр. 313.

а ныне, с божьею волею, государь наш на свои государства царем венчался по прежним обычаем, как был на государствах Руских царем и великим князем прародитель его Владимер Манамах Всеволодич, и то имя государь наш не чюжее взял, от своего прародителя».[1] Обоснование права венчания на царство дано здесь такое же, как и в предисловии к чину венчания: утверждается, что венчание на Руси представляет собой обычай, заведенный еще Владимиром Мономахом. Во время переговоров в декабре 1550 г. было приведено описание того, каким образом Владимир Мономах получил царский венец и при каких обстоятельствах венчался: «Наш государь учинился на царстве по прежнему обычаю: как прародитель его, великий князь Владимер Манамах венчан на царство Русское, коли ходил ратью на царя греческаго Костянтина Манамаха, и царь Костянтин Манамах тогды прародителю государя нашего, великому князю Володимеру, добил челом и прислал к нему дары, венец царьскый и диядиму, с митрополитом ефесским кир Неофитом, и иные дары многие царьские прислал, и на царство митрополит Неофит венчал, и от времени именован царь и великий князь Владимер Манамах; и государя нашего ныне венчал на царство Русское тем жо венцом отец его Макарей митрополит, занже ныне землею Русскою владеет государь наш один».[2] Это объяснение опять-таки представляет собой сокращенное переложение того введения, которое помещено перед чином венчания. Приводя все эти доказательства на право венчания Ивана IV, русские дипломаты подчеркивали, что право на царский титул унаследовано русскими государями исстари. Польским дипломатам говорилось, что имя царское Иван IV «нечужи взял», не со стороны, а «то имя царьское государя нашего от прародителей».[3] Венчался же на царство Иван IV, так как «Ныне землею Русскою владеет государь наш один».

В результате мирных переговоров в июле—сентябре 1553 г. было заключено перемирие только на два года, и имя Ивана IV было внесено в грамоту без царского титула. Борьба за титул после этого не прекращается, а напротив обставляется новыми аргументами, которые также были связаны с развитием идеологических построений в политической литературе своего времени.

В мирных переговорах 1554—1556 гг. появляются дополнительные доказательства в объяснении прав на царский титул. В январе 1554 г. в Литву было отправлено посольство, которому

[1] Там же, стр. 287.
[2] Там же, стр. 345.
[3] Там же, стр. 288.

была дана следующая инструкция о том, как вести переговоры о титуле: «Нечто учнут Василья Михайловича с товарищи вспрашивати, почему князь велики зоветца царем. И Василью с товарищи говорити: государь наш зоветца царем потому: прародитель его, великий князь Владимер Святославич, как крестился сам и землю Русскую крестил, и царь греческой и патриарх венчали ево на царство Русское, и он писался царем; а как преставился, ино и образ ево на иконах пишут царем».[1] Затем в инструкции приведен рассказ о Владимире Мономахе, о присылке ему Константином Мономахом венца с митрополитом Неофитом. В заключение этого рассказа сделан вывод: «И после того времени, обычай в Русском государстве и по се время: который государь тем венцом венчаетца, то и пишетца царем русским и великим князем».[2] Из этого вывода следовало естественное заключение: Иван IV тоже венчался на царство, а потому и называет себя царем.

В этой же инструкции для доказательства прав Ивана IV на царский титул приведен еще один аргумент — русские завоевали Казанское царство: «...и то, панове, место Казанское и сами знаете извечное царьское потому ж, как и Русское».[3] Посольство в сентябре—декабре 1554 г. к этому «извечному» царству в качестве доказательства привлекло еще и «Астраханское».[4]

В 1555 г. литовские паны обратились к московским боярам и митрополиту Макарию с просьбой похлопотать о продолжении перемирия. В ответной грамоте от имени митрополита Макария было сказано, что заключение перемирия задерживается из-за того, что в литовских грамотах титул Ивана IV пишут неверно, и дальше было приведено обоснование прав Ивана IV на царский титул, — то же, которое приводилось и в предыдущем году. Добавлено было только заявление, что германский император Максимилиан и турецкий султан в своих грамотах титул Ивана IV пишут полностью.[5]

Объяснения эти в Литве нашли недостаточными, и в мирных переговорах в январе—феврале 1556 г. споры о титуле продолжались. Русские, чтобы убедить польских послов, показывали грамоты на имя царя из других государств.[6]

В переговорах этих лет в числе аргументов в пользу прав Ивана IV на царский титул была ссылка на происхождение от

[1] Сб. РИО, т. 59, стр. 436—437.
[2] Там же, стр. 437.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 452.
[5] Там же, стр. 474—475.
[6] Там же, стр. 505.

Владимира Святославича. Выведение царского рода от Владимира Святославича являлось новым в дипломатической практике, но и здесь дипломатия полностью следует за теми теоретическими сочинениями, которые были созданы в Русском государстве к середине XVI в. Мысль об Иване IV как преемнике Владимира Святославича полностью перекликается с концепцией «Степенной книги», которая начинает первую «степень» Владимиром Святославичем. Возможно, что уже в это время начала складываться «Степенная книга», и идеи ее тотчас же были использованы в дипломатической практике. Однако может быть и так, что мысли о Владимире, «крестившем Русскую землю», навеяны до некоторой степени «Сказанием о князьях владимирских», где имя Владимира Святославича также упоминается.

В том же 1556 г. в Литву было отправлено посольство для присутствия при крестном целовании короля на договорных грамотах. Зная, что там также могут возникнуть споры по поводу царского титула, Иван IV дает наказ послам с разъяснением того, что им говорить по этому поводу. Приведены были все перечисленные уже доказательства.[1]

Нечто новое содержится в речах послов к Сигизмунду — в объяснении раздоров между государствами и в разъяснении прав Ивана IV на царский титул: «...занже государьство наше Русское от начала особне содержится нами, извечными государи русскими, почен от Августа, кесаря римского, и до Рюрика, иж был государем в Великом Новегороде, и от Рюрика правнуку его, блаженному, во святых поминаемому, Владимеру Святославичю».[2] Дальше даются объяснения, которые уже приводились неоднократно. Введение в дипломатические споры именно в 1556 г. идеи генеалогической связи русских государей с императором Августом, позаимствованной также из «Сказания о князьях владимирских», отнюдь не является случайностью. Дело в том, что за год перед тем, в 1555 г., идея эта была использована для «Государева родословца».[3] Здесь, в «Государеве родословце», мы впервые в государственных документах находим использование этой генеалогии. Согласованность в государственных делах была полная: как только идеологические мероприятия осуществляются с внутриполитическими целями, они тотчас же находят отклик и во внешнеполитической борьбе. Это говорит об активной роли идеологии в политической борьбе того времени и о политике Русского централизованного государства, устремленной на укрепле-

---

[1] Там же, стр. 527—528.
[2] Там же, стр. 519.
[3] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века, стр. 400—414.

ние государства в двух его основных функциях: внутренней и внешней.

Впервые упомянутая в дипломатической переписке 1556 г., легенда о происхождении русских князей от Августа, императора римского, приведена пока еще в сжатом виде. В дальнейшем она часто повторяется, но уже в более развернутом изложении: прежде чем говорить о Рюрике, приводят обычно целиком рассказ о Прусе.

Во время Ливонской войны, когда шли военные действия, в мирных переговорах между Русским государством и Польско-Литовским русские не оставляли вопроса о титуле. Причинами дипломатических разногласий русские справедливо объявляли как вопрос о титуловании, так и споры о тех же киевских землях и Ливонской земле. Права на эти земли доказывались тем, что они искони принадлежали русским князьям: «Киев был прародителя нашего великого князя Владимера, и те все городы были к Киеву. А от великого князя Владимера прародители наши, великие государи великие князи руские, теми городы и землями владели».[1] О Ливонской же земле говорилось: «...та земля извечно от прародителей наших наша, почен от великого государя русского Рюрика и до нас».[2] В данном случае русские дипломаты имели в виду давнюю вассальную зависимость Ливонской земли и те дани, которые она уплачивала России в прежние годы.

В дипломатических спорах этих лет отчетливо заметно дальнейшее развитие идеологии самодержавия, которая привлекается для объяснения не только прав на титул, но и непосредственно для доказательства прав на присоединяемые земли. В переговорах о мире в 1563 г. о Ливонских землях русскими было заявлено: «А от цесарства нам тое земли имати не про што, будет он брат наш кому хочет подданным быти, то он ведает; а мы как есть государи почен от Августа Кесаря, обладающему всею вселенною, брата его Пруса его ж постави в березех Вислы реки во град Машборок и Торунь и Хвоиница и Преслава и Гданеск и иных многих городов по реку, глаголемую Немон, впадшую в море Варяжское, до сего часа по имяни его заветца Пруская земля. А от Пруса четвертоенадесять колено до великого государя Рюрика даже и до нас божиею благостию самодержцы есмя, а ни от кого кроме бога ничего не делаем, з божиею благостию свою честь держим и на своих государьствах государствуем, потому и сами о себе имянуемся».[3] Текст о Прусе приведен здесь полностью по вступлению к «Родословцу».

[1] Сб. РИО, т. 71, СПб., 1892, стр. 292.
[2] Там же, стр. 56.
[3] Там же, стр. 231.

В годы Ливонской войны в дипломатических спорах, в речах послов, в спорах самого Ивана Грозного с польскими послами прослеживается более глубокое, чем прежде, осмысление идей самодержавной власти. Вопрос о государственной власти решается с еще большей четкостью, утверждается полная неограниченность власти царя, не зависящей ни от какой земной силы. О преемственности власти со стороны и речи быть не может, русские подчеркивают как раз то, что они не принимали власти ни от кого, их государи «никем не посажены».

Отчетливостью основной мысли идеологические построения в спорах с иностранцами отчасти обязаны писательской деятельности самого Ивана Грозного. В своей духовной грамоте он упоминает о передаче сыну царского венца, который был получен Владимиром Мономахом из Константинополя.[1] Идеи происхождения царской власти Иван Грозный затрагивает и в своих посланиях. В переговорах с иностранными послами он сам принимает участие и сам ведет споры, отстаивая величие Русского государства и царской власти.[2] В 1567 г. были отправлены послания — одно от имени бояр Сигизмунду II Августу и Гр. Хоткевичу, другое от имени Воротынского Сигизмунду II Августу. Оба послания принадлежали Ивану Грозному.[3] В этих посланиях Иван IV характеризует полную неограниченность своей власти, называя себя самодержцем. Свои права на «самодержавие» он объясняет тем, что русские государи «никем не посажены», «государи коренные», ведущие свое происхождение от Августа, императора римского. О происхождении от Августа и о характере царской власти он говорит в послании шведскому королю Иоганну III, в послании Полубенскому.[4]

Сношения с Германской империей при Иване IV связаны с тем же актуальнейшим для Русского государства вопросом — вопросом о Ливонских землях. «Московская опасность встревожила восточногерманских князей, не знавших, где остановится победоносное шествие русской армии».[5] Часть князей настаивала на активном вмешательстве в Ливонские дела, активном действии против Русского государства. Император, правда, ограничился только объявлением блокады.

---

[1] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, стр. 433.

[2] Д. С. Лихачев. Иван Грозный — писатель. В кн.: Послания Ивана Грозного. Серия «Литературные памятники», Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 454.

[3] Я. С. Лурье. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV. В кн.: Послания Ивана Грозного, стр. 469.

[4] Послания Ивана Грозного, стр. 158, 200.

[5] История дипломатии, т. I, стр. 201.

В 1572 г. умер Сигизмунд II Август. Встал вопрос о новом избраннике на польский престол. Иван IV, стремясь использовать данное обстоятельство, ведет переговоры с Максимилианом II о разделе Речи Посполитой — предлагает ему Польшу, себе оставляет Литву и Ливонию.[1] Но успеха в этом политическом расчете Грозному добиться не удалось: на польский престол был избран Стефан Баторий.

Дипломатическая переписка с Германской империей заполнена призывами императора к созданию антитурецкой лиги. Император как бы пытался отвлечь внимание Ивана IV от Ливонии и направить его против Турции. Вместе с тем, спор о том, кому должна была принадлежать Ливония, все время продолжался. Но в расчеты Ивана IV не входило объявление войны Турции, хотя набеги крымцев, их претензии на Астрахань, за спиной которых стояла Турция, наносили урон Русскому государству. Иван IV стремился к союзу с Турцией, поддерживал с ней торговые связи. Поэтому вопрос об антитурецкой лиге оставался открытым.

Официальное признание Руси царством, видимо, не было еще решенным в Европе. Германский император претендовал на исключительное право давать титулы. Чтобы привлечь русского государя к борьбе с Турцией, он в 1576 г. предлагал ему титул «всходного цесаря» и «все цесарство греческое на всход солнца».[2] В ответ русские потребовали простого признания за Иваном IV титула царя «всея Руси», а не признания эфемерной «Восточной империи». Послам был дан наказ требовать внесения в грамоты царского титула Ивана IV.[3] После долгих прений империя уступила в этом принципиальном вопросе, и титул в грамоте был записан так, как того требовали русские: «Пресвятлейшему и велеможнейшему государю, царю Ивану Васильевичу, владетелю всея Руси, великому князю володимерскому, московскому и новгородскому, государю псковскому, смоленскому и тверскому, царю казанскому и астраханскому и иных».[4]

Таким образом, русские добивались не греческих земель, не пышных прав на «Восточную империю», а заявляли о своем намерении «с божьею помочью доставати своего отечества, великого княжества Киевского, что за собою держит король польский, и его дети наших государств Русския земли».[5] Теория «третьего Рима» для внешней политики никак не подходила, а напротив

[1] Памятники дипломатических сношений. . ., т. I, стлб. 528—529.
[2] Там же.
[3] Там же, стлб. 604—605.
[4] Там же, стлб. 714—715.
[5] Там же, стлб. 153.

могла служить на руку другим державам. В свое время в ответ на предложение Ивану III королевского титула русские потребовали признания его государем «всея Руси», а на предложение Ивану IV титула «всходного цесаря» — признания его царем «всея Руси». В сношениях с Германской империей русскими дипломатами не приводились развернутые теоретические построения, здесь не нужны были длинные доказательства, потому что империя склонна была итти на уступки и довольно скоро действительно уступила. Но главные положения, которые в переписке с Польско-Литовским государством были обставлены многими доказательствами, можно видеть и здесь: русские государи не намерены были принимать титул из чьих-либо рук и утверждали, что власть им дана «от бога и от прародителей», что они «государи искони вечные».

Длительная и изнурительная Ливонская война истощила силы Русского государства. Иван IV вынужден был искать мира с Речью Посполитой. Он обратился за посредничеством к папе Григорию XIII. Для этого в 1580 г. был послан в Рим Истома Шевригин. В результате в 1581 г. в Москву приехал посол от папы — Антоний Поссевино. Наряду с вопросом о мире со Стефаном Баторием, Поссевино затронул проблему, которая сильно волновала папу римского. Рим продолжал стремиться привлечь русских к борьбе с Турцией, заставить признать Флорентийскую унию,[1] и об этом-то повел свои речи Поссевино.

Предложение борьбы с турками передает Поссевино и от Венецианского совета, который обольщает русского царя «царств своих расширением».[2] Поссевино уверяет, что земли «на всход солнца» по праву принадлежат русскому царю, приобретение их увеличит его честь и «титлами умножит».[3] На предложение папы, переданное с Поссевино, Иван IV ответил, что он согласен поддерживать дружеские отношения с папой, но не собирается отдельно выступать против турок, не возражая, однако, против борьбы с турками вообще.

Поссевино передал Ивану IV обещание быть посаженным не только на «прародительской вотчине на Киеве, но и во царствующем граде».[4] Однако на заверения о праве его на Константинополь Иван IV ответил: «государство всеа вселенныа не хотим». На предложения Поссевино о соединении церквей Иван IV также ответил отказом: «мы веру держим истинную хрестьян-

---

[1] Там же, т. X. СПб., 1871, стлб. 83—84.
[2] Там же, стлб. 100—101, 103.
[3] Там же, стлб. 103—104.
[4] Там же, стлб. 300.

скую, а не греческую»; эту «истинную» веру принял Владимир Святославич. Таким образом, по мысли Грозного, русские блюдут чистоту православия не только после падения Константинополя, но верны этой религии с начала христианства на Руси. Они никому и ничему не наследуют, а хранят верность обычаям со времен Киевского государства. Русский царь не претендует на роль царя всего Востока; он царь на своей Русской земле. Все эти ответы Грозного важны потому, что идеи их близко переплетаются с основными мотивами теории русских государей: верности традициям Киевской Руси и отстаивания своей независимости.

Во внешней политике все положения теории о происхождении власти на Русской земле направлены на закрепление независимости Русского государства. «Никоторое государство нам высоко не было»,[1] — отвечал Иван IV в споре с Поссевино. Иван IV утверждал неограниченность своей власти — не мистической (царь для всех христиан), а власти над объединенными русскими землями: «...государство наше Русское от начала особне содержится нами, извечными государи русскими...».[2] Идеи Грозного утверждали распространение власти только на русские земли, утверждали, что все они подвластны русскому царю. Иван IV так заявлял Поссевино: «...ино правда есть, что мы не москвичи: Москва город збудован после того, как наше государство в Русском государстве стало лет мало не со сто спустя, да так божьим изволением наше государство столечное в том городе утвердилося».[3]

Теория происхождения власти русских государей преследовала вполне определенные цели, была теснейшим образом связана с потребностями Русского централизованного государства, с исторической действительностью и была действенным оружием в руках русского правительства. Борьба с Польско-Литовским государством велась за отвоевание земель, некогда принадлежавших Киевскому государству, она велась из-за земель Ливонского ордена. Это была не только военная борьба, но и дипломатическая и идеологическая. Польско-Литовское государство упорно не хотело признавать титул московских государей как государей «всея Руси», так как признание этого титула было равносильно признанию прав Москвы на собирание всех русских земель, в том числе и тех, которые находились еще в составе Польско-Литовского государства. Эта борьба началась со времени

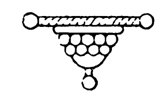

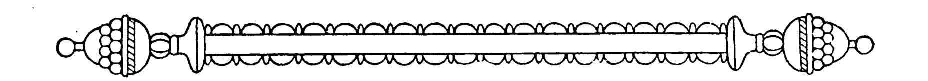
[1] Памятники дипломатических сношений..., т. X, стлб. 208.
[2] Сб. РИО, т. 59, стр. 519.
[3] Памятники дипломатических сношений..., стлб. 229—230.

Ивана III. При Иване IV она вылилась в форму борьбы за признание царского титула. Политическая теория строилась на основе истории Русского государства. Она вытекала из того, что московские великие князья смотрели на себя, как на наследников земель Киевского государства. Поэтому в дипломатической переписке с Польско-Литовским государством шла длительная и ожесточенная борьба за признание титула русских государей. В этой борьбе развивалась политическая теория Русского государства, главным моментом которой было стремление прочно обосновать права русских государей на их титул, заставить противников Русского государства признать этот титул, с чем был связан целый ряд конкретных практических выводов во внешней политике Русского государства. Вместе с тем идеологические моменты, которые нашли отражение и применение во внешнеполитической борьбе, были тесно связаны с развитием идеологических основ централизованного государства во внутренней политике.

При общем широком размахе идеологических мероприятий по укреплению власти и авторитета ее в централизованном государстве во второй половине XVI в. «Сказание о князьях владимирских» явилось одним из первых произведений, которое с успехом могло служить этим целям, так как по существу своему затрагивало основные идеологические вопросы, вокруг которых шли споры во внутренней и внешней политике Русского централизованного государства. Поэтому «Сказание» нашло себе такое широкое применение в царствование Ивана IV.

Проследив использование «Сказания о князьях владимирских» в политической жизни Русского централизованного государства, убеждаемся, что характер применения его идей как во внутренних целях, так и во внешнеполитической борьбе подчинен единым задачам. Идеи «Сказания» как часть идеологии феодального строя являлись активным элементом в общем ходе развития централизованного государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложный процесс образования и укрепления Русского централизованного государства сопровождался напряженной идеологической деятельностью. Борясь за усиление своего внешнего и внутреннего авторитета, русское правительство опиралось на идеи, воплотившиеся в официальных актах, исторических и публицистических произведениях разных видов.

В результате изучения рукописного наследия и фактов, связанных с литературной историей «Сказания о князьях владимирских», можно утверждать, что среди различных сочинений, на которые идейно опиралось русское правительство в своей объединительной политике, значительная роль принадлежала «Сказанию о князьях владимирских». На примере этого произведения видно, что идеологические явления не были просто фактами, отражающими сложный исторический процесс, а использовались феодальным государством как активная сила в интересах этого государства. «Сказание» — произведение, не только объективно стоящее на стороне централизации, но и произведение, которое правительственные круги пытались использовать при проведении конкретных политических мероприятий. «Сказание» нередко включалось в состав произведений официозной идеологии, созданию которых в XVI в. отводилось большое место.

«Сказание» — чрезвычайно важный источник для изучения официальной идеологии Русского государства XVI в. Его использование правительством прослеживается в двух направлениях: в идейной борьбе за собирание русских земель — в том числе и тех, которые временно находились во власти Польско-Литовского государства, и в идейной борьбе за укрепление авторитета великого князя, а затем и царя.

Конкретное изучение «Сказания о князьях владимирских» с привлечением обильного рукописного материала и исторических фактов говорит о том, что «Сказание» чрезвычайно активно использовалось в деле укрепления внутреннего и внешнего могу-

щества Русского централизованного государства. Появилось оно в результате определенных требований со стороны кругов, близко стоявших к великокняжеской власти, но прежде чем стало использоваться в официальной литературе, претерпело ряд изменений.

Запрос, в котором правительственные круги Василия III требовали изложить родословие великих князей русских, был сделан в Ферапонтов монастырь. Задание выполнил Спиридон-Савва, чей талант писателя и большие знания литературы к тому времени уже были известны.

Родословие было изложено в форме послания в двух частях. Первая часть представляет собой произведение, посвященное происхождению великих князей русских, родословие которых изложено в связи с событиями мировой истории, начиная с древнейших времен в тогдашнем понимании всемирной истории: с разделения вселенной Ноем. Рассказывая о важнейших событиях мировой истории, Спиридон-Савва устанавливает генеалогическую связь русских великих князей с римским императором Августом через Пруса, который якобы был родственником Рюрика. Говоря о родстве русских великих князей с римским императором, Спиридон-Савва тем самым утверждает высокое происхождение русских князей. В рассказ о происхождении русских князей включена повесть о том, как Владимир Мономах приобрел царский венец. Повесть эта служила доказательством древности владения русскими князьями царским венцом.

Вторая часть «Послания» рассказывает о происхождении литовских князей, которые, согласно повествованию Спиридона, стояли значительно ниже русских князей в его генеалогическом построении. По утверждению Спиридона, они происходили от «раба» мелкого вассала смоленского князя. Вся их родословная в рассказе Спиридона поставлена в зависимость от событий русской истории, по преимуществу от событий тверского княжества. Родословная литовских князей оканчивается Сигизмундом I. Излагая родословие, Спиридон с определенной политической целью упоминает и о пограничных землях Руси, которые попали под власть литовских князей.

Противопоставление в «Послании» родословия русских князей литовским не случайно: оно объясняется политической обстановкой в стране. При Василии III еще продолжался процесс объединения русских земель, продолжалась борьба с Польско-Литовским государством за пограничные русские земли. В десятых годах XVI в. эта борьба была успешной.

Анализ содержания «Послания», сопоставление его со «Сказанием о князьях владимирских» и ряд косвенных данных ука-

зывают на то, что оно было написано приблизительно в десятые годы XVI в.

Правительственные круги, очевидно, не были полностью удовлетворены «Посланием» Спиридона-Саввы. Поэтому «Послание» было подвергнуто переработке, результатом которой и явилось «Сказание о князьях владимирских» первой редакции.

Первая редакция «Сказания», очевидно, была составлена вскоре после Спиридонова «Послания» — в княжение Василия III. Создателей «Сказания» волновали те же вопросы противопоставления родословия русских князей родословию литовских. В результате переделки «Послания» Спиридона-Саввы были созданы две части, которые получили самостоятельные заголовки. «Сказание о князьях владимирских» явилось результатом переработки только первой части «Послания» Спиридона — той, в которой говорится о русских князьях. Оно сохраняет основные мысли и идеи «Послания». Родословие литовских князей получило свой заголовок, одновременно подвергнувшись более значительным изменениям: все события, изложенные в родословии, сохраняя связь с некоторыми фактами из истории Тверского княжества, обусловливались активной деятельностью московских великих князей.

Родословие литовских князей было впоследствии целиком отвергнуто и правительством Ивана IV уже не использовалось. Но зато «Сказание» было принято полностью и неоднократно применялось в деятельности Русского государства во второй половине XVI в.

Таким образом, можно думать, что переработка была произведена в официозных кругах, чтобы произведение точнее служило определенным политическим целям. Конкретных фактов использования «Сказания» в деятельности правительства Василия III не сохранилось; о существовании «Сказания» в правительственных кругах того времени свидетельствуют только косвенные данные.

Однако в годы царствования Ивана IV мысли, высказанные в «Сказании о князьях владимирских», становятся не только официально признанными, но их пытаются использовать в качестве идеологического оружия в борьбе за укрепление власти царя, как на международной арене, так и во внутриполитических событиях. «Сказание» было использовано как официальный идеологический документ в чине венчания на царство Ивана IV в 1547 г.: оно было привлечено для разработки самого чина венчания; кроме того, вторая часть «Сказания», которая рассказывает о приобретении Владимиром Мономахом царского венца, служила предисловием к чину венчания.

Получив такое назначение, рассказ о приобретении Владимиром Мономахом царского венца был включен в Никоновскую летопись и Царственную книгу в тех их местах, где говорится о венчании Ивана IV на царство, а кроме того был записан на дверцах царского места в Успенском соборе.

Венчанием на царство не был окончательно решен вопрос признания царского титула за русским государем: признание это приходилось завоевывать. Так было вызвано появление новой, второй редакции «Сказания о князьях владимирских».

Идеи «Сказания» используются почти во всех идеологических мероприятиях, которые были связаны с поднятием престижа власти великого князя. Они были применены в «Государевом родословце» 1555 г., проникли в Воскресенскую летопись, «Степенную книгу», «Четьи-Минеи». Русские дипломаты неоднократно цитировали места из «Сказания» при возникновении споров в посольских сношениях с Польско-Литовским государством.

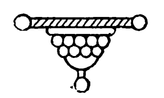
Во всех случаях использования «Сказания» официальными кругами оно служило целям поднятия престижа великокняжеской власти путем утверждения древности и знатности происхождения русских великих князей и исконности владения русскими князьями царским венцом. В «Сказании» вовсе не было идеи заимствования власти со стороны, путем передачи ее России из Византии, как нередко трактовались идеи этого памятника в буржуазной исторической науке, которая включала его в цикл произведений, связанных с идеей «Москвы — третьего Рима», Москвы — наследницы Византии, в XVI в. характерной по преимуществу для церковных кругов.

Итак, «Сказание» в основных своих идеях было памятником правительственной идеологии. Вся история существования этого произведения показывает его официальную направленность. В официальных целях, как показывают факты, его и пытались использовать. Идеология сильного централизованного государства, которая отстаивала самодержавие, была шире идей «Сказания о князьях владимирских», но идеи «Сказания» вошли в официальную идеологию неотъемлемой составной частью, так как решали вопросы генеалогии русских царей и происхождения царской власти в Русском государстве. Поэтому «Сказание» находит себе такое широкое применение в период укрепления централизованного государства.

Теория происхождения власти русских государей вызвана была к жизни всей исторической обстановкой того времени и служила политическим задачам Русского государства. В формировании этой теории и ее применении значительную роль сыг-

рало «Сказание о князьях владимирских». Появление его, как и ряда других идеологических произведений, объяснялось большими социально-политическими изменениями в Русском государстве. В связи с централизацией страны выросла и роль великокняжеской власти, которой нужно было идеологическое обоснование своего дальнейшего укрепления. «В каждую эпоху мысли господствующего класса суть господствующие мысли, т. е. тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила».[1]

В эпоху образования и укрепления централизованного государства, в конечном счете отстаивавшего интересы господствующего класса, эта идеология была выражена в виде теории, которая утверждала неограниченность великокняжеской власти. «Сказание о князьях владимирских» — произведение, которое как раз преследовало цели этого утверждения. Оно способствовало в XVI в. укреплению власти правительства централизованного государства. Активная роль «Сказания» во внутренней и внешней политике Русского централизованного государства совершенно отчетлива и может быть прослежена на целом ряде правительственных актов, распоряжений, в дипломатических переговорах, в официальных правительственных сочинениях и в литературных произведениях, вышедших из прогрессивного лагеря сторонников сильной государственной власти.

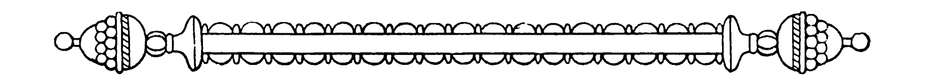

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Сочинения, т. IV, стр. 36.

ТЕКСТЫ

ПОСЛАНИЕ СПИРИДОНА-САВВЫ

Основной текст: Список ГИМ, собрание Синодальное, № 791
Разночтения:
Список ГПБ, собрание Погодина, № 1567 . . . . *А*
Список БАН, 34.2.31 . . . . *В*

[1] О святем дусе, Спиридон рекомый, Сава глаголемый, сынови смирениа нашего имя рек радоватися, аще ти в потребу молитва смирения нашего с благословением.[2] Слышание мое, еже потребовал еси от нас своим писанием и нашими чернецы, ищючи[3] от нас[4] некыи прежних лет ото историкиа Ханаонова предела, рекомо ото Арфаксадова, перваго сына Ноева, рождшегося[5] по потопе. || л. 154

По[6] отца своего Ноя благословению разделися вселеная на три чясти трием его сыном: Симу, Хаму и Афету. И извержеся от небрежениа Хам благословениа отца своего[7] Ноя, бо зане[8] не покры[9] наготы отца своего,[10] упившеся вином. И[11] истрезве Ное от виннаго вкуса,[12] своих двоих сынов[13] Сима и Афета благослови,[14] иже покрышя наготу[15] срамоты его[16] своима рукама,[17] опакама[18] не зряще стыдениа отца своего Ноя; благослови же и четвертаго сына своего Арфаксада[19] вселитися в Ханаоновых пределех. И родиша ему две близняте: первому имя Месрем,[20] второму Хус, — сии началницы Египту. И умножевшим[21] от них родом колена. И отлучися Хус в глубочайшая страны Индиа и распространися тамо на востоце; Месрему[22] же умножишася по колену племена даже до[23] Сеостра. И Афету[24] излияшася племена[25] от вечерних стран даже[26] до полуно¦|щиа. л. 154 об. л. 155

I [1–3] *Нет В.* [2] благоговением *А.* [4] *Нет В.* [5] *Нет В.* [6] И по *А.* [7–8] *Нет В.* [7–10] *Нет А.* [9] *Доб.* бо *В.* [10] *Доб.* Ноя *В.* [11] егда же *В.* [12] вкушениа *В; доб.* и *АВ.* [13] *Доб.* благоразумный смысл уразуме *В.* [14] *Нет В.* [15] срамоту *В.* [15–16] *Зачеркнуто В.* [16–17] *Нет А.* [18] опакы *А.* [19] *Доб.* рождьшагося по потопе *В.* [20] Мерсем *А;* Месром и *В.* [21] умноживишимся *АВ.* [22] Месрену *А;* Месрому *В.* [23] *Так в АВ; в рукоп.* да. [24] Афета *В.* [24–25] *Нет В.* [26] *Нет А; доб.* и *В.*

И[27] вста некый начаЛник из рода того имянем Фарсис в Калаврийскых странах и създа град в [28] има свое.[29] Имяше же и Сим, сын Ноев, [30] сын имянем Арфаксад.[31] От его же рода правнук[32] его имянем Гандуварий, сей первее написа *а*строномию[33] в Асирии в пределех Симовех прародителя своего. [34] Сеостр[35] первее всех на лици всея земля въцарися в Египте,[36] и по колену его многиа лета мимо идоша. И от его рода начат царствовати некто Филикс имянем; сей бо Филикс пообладa вселеною. По Филиксе же в много число лет въста некый царь в Египте от рода его именем Ахтанав вълхв; сей роди Александра Македона от Алимпиады,[37] жены Филиповы. Сей второе пооблада вселеною; жыт же Александр 30 лет и скончяся и предаде Египет ряднику
л.155 об. своему Птоломею. || И от Птоломея Заечичя до Птоломеа Прокоженаго премину во Египте Птоломеев 21. Мати же Александрова по смерти сына своего Александра възвратися к отцу своему ефиопску царю Фолу. Фола же вда ю[38] второму браку за Виза, Ахтанавова сродника. Виз же роди от нея дщерь и нарече имя ей Антия, и създа град в Сосвенех, и нарече имя граду тому во имя дщери своея и свое Византия, иже зовется ныне Костянтинград. Сиа о сих; и пакы на предлежа*щ*ее[39] възвратимся.[40]

Птоломей же Прокаженны име дщерь и зело премудру имянем Клеопатру, и та правяше Египетское царство под отцем своим Птоломеем. И в то время Улие, кесарь римискый, посла зятя своего стратига римска имянем Антонина на Египет воинством.[41] Антонин*у*[42] же пришедшу со многими вои[43] сухом и морем на брань к Египту, посылает же[44] Клеопатра к Онто-
л. 156 нину, страта||тигу римску,[45] послы своя с многими дарми: «Веси ли, о стратиже римъскый, египетское богатство, лучши

---

[27] *Нет В.* [28–29] свое имя Сим *В.* [29] *Доб.* ...детели от еврейска рода ...тори от самыа врен... даждь и до Калаврия... ...ся тамо в римских... ях от Улия кесаря римска списания достоверна свидетелства о сих се бо начат всемирных благочестивых велики самодержец иже во православии сущих *В.* [30–31] сына Арфаксада *В.* [32] *Так в АВ; в рукоп.* привнук. [33] *Так в В; в рукоп.* стронамию. [34–40] Улие же, сын ромелиев, Ромелие же Ромилов, Ромил же прия тщер царя Визва жену себе. Он же созда град в Сонофеньх и нарече град той во имя дщери своея и свое Византия, иже зовется царь Констянтин град. Он же...племник царю Ахтанаву египетьскому, иже роди Александра от Алимпияды, царицы Филиппа царя Макидонска. Филиппу же...и Александру...и обладав...нною. Мати же его...тившися ко отцу своему...ефиопску Фоле. Александр же скончася и отда Египет ряднику своему Птоломею, и от Втоломея Заячи чадо Птоломея Прокаженаго премину в Египте Птоломеев 21 *В.* [35] и Сеостр же *А.* [36] *Доб.* от колена Месренова *А.* [37] *Так в А; в рукоп.* Адинипиады. [38] *Доб.* ко *А.* [39] *Так в А; в рукоп.* предлежае. [41] *Нет В.* [42] *Так в АВ; в рукоп.* Антониду. [43] людми *В.* [44] *Доб.* царица *В.* [45] *Нет В.*

«Послание» Спиридона-Саввы. Список ГИМ, собр. Синодальное, № 791, л. 154.

[46]есть с покоем[47] царствовати, нежели с малоумием[48] излияти кровь человеческу». Умили же ся Антонин и приях Египет без крове, и посяжь[49] за нь Клеопатра, царици премудрая; и въцарися Антонин в Египте. И услышав Иулие, кесарь римскы, Антониново презорство, и постави брата своего Августа стратигом над ипаты, и посла его с четырми браты своими и с всею областию римскою на Антонина. И прииде Август на Египет и убит зятя своего бывшаго Антонина, [50]а сам оста на Египте.[51] Взят же и Клеопатру царицу, дщерь Птоломея[52] Прокаженнаго,[53] и посла ю в Рим [54] на кораблих[55] с всем богатством Египту.[56] Клеопатра же уморися[57] ядом аспидовым в море, глаголющи: [58] «Лучши есть царици египетской смерть прияти, нежели [59] пленницею приведеней быти[60] в Рим».[61]

Въсташя же ипати на Улия ‖ кесаря:[62] Врутос, и Помпие, и Крас; и убиста и мечи своима рукама[63] премудраго Иулиа, кесаря римска.[64] И скоро прииде весть к Августу стратигу в Египет о Улиеве смерти.[65] Он же опечялися много [66]о братне смерти[67] и скоро[68] съзывает вся воеводы и чиновники, нумеры и препоситы, и възвещает им смерть Иулиа, кесаря римска.[69] Они же единогласно решя, римляне и египти: «О пресловый[70] стратиже, Иулиа кесаря от смерти[71] въставити не можем, а твое великочестие венчаваем венцем[72] римскаго царства в похвалу добродеем, а в месть злодеем». И облекоста и́ в одежю [73]царя Сеостра, началнаго царя Египту,[74] в порфиру и висон, и препоясоста и́ поясом фелрмидом, и възложиста на [75]главу ему[76] митру царя Пора индийскаго, юже[77] принесе Александр Македон[78] от Индиа, [79]и приоде‖шя и́ по плещама[80] окровницею[81] царя Филикса,[82] владущаго вселеною, съделанною от самбукия.[83] И радостне вси въскликнушя[84] велиим гласом: «Радуйся, [85]Августе, [86]царю римский[87] всея вселенныя!».[88]

л. 156 об.

л. 157

[88]Август же[89] начят ряд покладати на вселеную. Постави брата своего Патрикиа царя Египту; и Августалиа, брата своего, Александрии властодержьца постави; и Киринея Сирии властодержъца положи; и Ирода Антипатрова [90]от Аманит[91] за мно-

---

[46–47] ти *В*. [48] *Так в В; в рукоп.* мелоумием. [49] *Доб.* царицы *В*. [50–51] *Нет В*. [52] Птоломиеву *В*. [53] *Нет В*. [54–55] к кесарю *В*. [56] *Доб.* сам же Август остась в Египте *В*. [57–58] на пути *В*. [59–60] итти пленницею *В*. [61] *Доб.* ведамей быти *В*. [62] *В рукоп. сверху надписано* римска, *а потом зачеркнуто*. [63–64] *Нет В*. [65] *Доб.* кесаря римскаго *В*. [65–67] *Нет А*. [66–68] *Нет В*. [69] *Нет В*. [70] преславный *А*. [71] *Доб.* его *А*. [72] *Доб.* царским *В*. [73–74] Востра началнаго царства *В*. [75–76] него *В*. [77] *Так в АВ; в рукоп.* же. [78] Македонскый *В*. [79–80] *Нет В*. [81] окроиницею *А; доб.* и *В*. [82] Филиска *В*. [83] *Доб.* и приодеша и по плещама *В*. [83–84] и вся воя радостне воскликоша *В*. [85–88] *Нет А*. [86–87] *Нет В*. [88–89] и *В*. [90–91] *Так в АВ; в рукоп.* ото Яманит.

гия дары и почтениа постави царя еврейска в [92] Ерусалиме; а Асию [93] всю поручи Евлагерду,[94] сроднику своему; и Илирика, брата же своего, постави в повершиа Истра; и Пиона постави в Затоцех Златых, иже ныне наричютца Угрове; и Пруса в брезех Вислы реки в град, глаголемый Морборок,[95] и Торун,[96] и Хвоиница, и пресловы Гданеск, [97] и иных многих градов [98] по
л. 157 об. реку, глаголемую Немон, впадшую в море. || И вселися ту Прус многими времены лет, пожит же до четвертаго рода по колену племена своего; и до сего часа по имени его зовашеся Пруская земля. [99] И сиа о сих.[100]

И в то время некий воевода новогородскы имянем Гостомысль скончявает житье и съзва владалца сущая с ним Новагорода и рече: «Съвет даю вам, да послете [1] в Прусскую землю мудра мужа и призовите [2] князя от тамо [3] сущих родов римска царя Августа рода».[4] Они же шедше в Прусскую землю и обретошя тамо некоего князя имянем Рюрика, [5] суща от рода римска царя Августа, и [6] молишя его [7] с [8] посланми всех новгородцев.[9] Князь же Рюрик [10] прииде [11] к ним [12] в Новгород и име с собою два брата; имя единому Трувор, другому Синеус,[13] а третий племенник имянем Олег. И оттоле [14] наречен бысть [15] Новъгород Великий; и [16] княжай [17] в нем князь великы Рюрик.

И от великаго князя Рюрика четвертое колено князь великий
л. 110 Володимер, [18] просветивый землю Русскую || святым крещением,[19] нареченный в святом крещении Василие. И от него [20] четвертое колено князь велики Владимир Всеволодичь.[21] Совет творяше [22] с князми своими,[23] и с велможами, и з боляры, глаголя: [24] «Егда аз есмь юнейши преже [25] мене державствовавших и хоругви правящих скипетра великиа [26] Росиа, яко то [27] князь велики Олег ходи и [28] взят [29] Костянтинаполя, с новаго Рима,[30] по главам дань и [31] здрав възвратися [32] въсвояси; и потом князь великий Святослав [33] Игоревич, [34] порекло [35] имый Легкы, иде в галиахх [36] на двою тысящь [37] и седмиюсот,[38] и взят на [39] Костянтинове граде тяжчайшую [40] дань, и възвратися в свое отечество, Кыев-

---

92–93 Иерусалиме, и Палестину *В*. 94 Евлагероду *А*. 95 Мамборок *А*. 96 Турок *А*. 97–98 *Нет В*. 99–100 *Нет В*.

II 1 посадите *В*. 2–3 *Нет В*. 4 *Нет В*. 5–6 *Нет В*. 7 *Нет В*. 8 *Нет А*. 9 *Испр.; в рукоп.* новородцев. 9–10 Рюрик же *В*. 11–12 *Нет В*. 13 *Нет В*. 14–15 *Нет В*. 16 *Нет А*. 17 княжев *А; нет В*. 18–19 *Нет В*. 20 великого князя Владимера *В*. 21 *Доб.* и *А*. 21–22 *Так в А; в рукоп.* сътворяше; . . .ей же князь великий Владимер совет сотвори *В*. 23 *Доб.* и с боляры своими *А*. 24 *Нет В*. 25 тажде *В*. 26 *Доб.* всея *В*. 27 той *А;* же и *В*. 28–30 с Констинаполя велию взят *В*. 29 *Доб.* с *А*. 31–32 здрав прииде *В*. 33 *Так в А; в рукоп.* Свеслав. 34–36 ходил *В*. 35 пореколь *А*. 36 ладиях *А*. 37–38 лодиях *В*. 39 Стослав *В*. 40 велию и тяжчайшую *В*.

скую землю, и скончавает житие. А мы есмо настолницы[41] прародитель[42] своих и отца моего Всеволода Ярославичя и наследницы тоя же чести от бога. И [43] съвета ищу[44] от вас, моея полаты [45] князей, и боляр, и воевод,[46] и всего под вами христолюбиваго воинства; да превъзнесется[47] имя живоначалныя Троицы вашия храбрости могутством божиею волею || с нашими повелением; ки[48] ми съвет издаваете?».[49] Отвещаста же великому князю Володимеру Всеволодичю[50] князи, и болярове,[51] и воеводы его,[52] решя:[53] «Сердце царево в руце божий, яко же писашеся, а мы [54] есмо в твоей[55] воли, государя нашего [56] по бозе».[57] Великий же князь Володимер събирает воеводы благоискусные[58] и многоразумные и поставляет чиновники над[59] различным воинством — тысящники, и сотники, и пятдесятники над различны чины борениа, и съвокупи многия тысящи воинства, и[60] отпусти ю[61] на Фракию Царяграда; и пленишя ю доволно, и възвратишяся со многим богатством в здравии мнозе [62] въсвояси. И сиа о сих[63] тако. л. 110 об.

В[64] та бо времена [65] бе лето 6 (*тысяч*)ное [66] 553[67] отвержесе[68] Рим, и испаде папа Формос от веры. Царю же Костянтину Манамаху[69] от таковых вещех в мнозе печали сущу,[70] събирается[71] събор по совету царску [72] и по благословению[73] святейшаго патриарха Кир Лария,[74] || и въспосылаются[75] скорейшяа послания [76] к другим[77] патриархом: ерусалимску, и александрьску, и антиохийску. И пакы [78] те посланници вскоре възвратистася[79] и[80] послы тех патриарх и с их посланми и с советом в[81] духовных.[82] И совещаста святейший вселенский патриарх Кир Ларие и боголюбивый царь Костянтин, глаголемый Манамах, с[83] советом[84] вселенскаго събора четырех патриарх и сущих под ними митрополит и епископ, даже и до нижаих[85] чинов, сиречь[86] до[87] иереи и диякон, и подьякон, и извергоста папино имя ис паралипомена[88] церковных престол четырех патриарх вселенских.[89] И от тех времен[90] лет даже и[91] до сего часа лытают, от православиа[92] л. 111

---

[41] наследницы *А*. [42] прародителей *АВ*. [43–44] советующи *В*. [45–46] князи и бояре и воеводы *А*. [47] вознесется *В*. [48] кии *АВ*. [49] воздаваете *А*. [50] *Доб.* последи наречен Манамах *А; нет В*. [51] *Доб.* его *В*. [52] *Нет В*. [53] *Нет В*. [54–55] твоей *В*. [56–57] раби твои *В*. [58] многоискусных *В*. [59] *Нет В*. [60] собра *В*. [61] *Нет В*. [62–64] и *В*. [63] них *А*. [65–67] (*тысяч*) лет 553-е лето *В*. [66] *Так в А; в рукоп.* 6 (*тысяч*)-но. [67] 550-го *А*. [68] вержесе *В*. [69–70] во мнозе печали от таковых вещех *В*. [71] собирает *А*. [72–73] с благословением *А*. [74] Ларияря *А*. [75] воспосылаетца *А;* воспосылаютца послы *В*. [76–77] вселенским *В*. [78–79] в Константин град возвратистася ся посланника *В*. [80] *Доб.* с *В*. [81] *Нет АВ*. [82] духовным *А; доб.* их *В*. [83] *Нет А*. [84] советам *А*. [85] них же *А;* нижайших *В*. [86] сти и рече *А*. [87] *Нет В*. [88–89] *Нет В*. [90] *Доб.* и *В*. [91] *Нет А*. [92] православныя *А*.

веры отпадшя, и наречени бышя латина, и х[93] тому не поминается папино имя в церковных преданиих [94] от четырех патриаршеских престол вселенских.[95] Сей бо[96] блядивый Фермос не нарицаем[97] оттоле папа, но[98] отступник православныя нашея веры, юже[99] прияхом благовестием[100] господа[1] нашего Исуса Христа, сына[2]
л. 111 об. божиа, [3] слова[4] бога, || и[5] святых ученик его проповеданми, и вселенскых седми съборов преданми. Сей бо окаянны[6] Формос пресече живоначалныя Троица състав и[7] введе[8] в латински язык четвертое лицо в божестве, еже исходити духу святому[9] от сына, блядословляше. Мы же, православиа ученици, исповедуем безначална отца и събезначална сына его слова и съпрестолна суща святого духа, исходяша ис пречистых недр отчих; единосущна бо есть Троица: отець, и сын, и святы дух. И сиа о[10] сих; [11] мы же пакы на[12] предлежащее поидем.[13]

Царь же боголюбивый Костянтин Манамах съставляет съвет и отряжает послы к великому князю Володимеру Всеволодичю: [14] Неофита[15] митрополита от Тоясиа[16] ефесскаго[17] и с ним два епископа, [18] милитинска и[19] митилинска,[20] и стратига антио-
л. 112 хийска, [21] и Августалиа александрьска,[22] игемона[23] || ерусалимьскаго Еустафя.[24] И от своея выя приемлет животворящий крест от самаго животворящего древа,[25] на нем же распятся владыко Христос.[26] Снемлет же от[27] своея главы и[28] венец царьскы и поставляет его на блюде злате. Повелевает же принести и[29] крабицу сердаликову, [30] из нея[31] же Август, кесарь римскый, веселяшеся,[32] и ожерелье, иже на плещу своею ношяше, и кацию, иже от злата аравийска искована, и измирну с многими благовонными цветы Индийскиа земля съставлену, и ливан от злата аравийска трома[33] смешение имат, и ины многи дарове. И предает их митрополиту Неофиту с епископы и с[34] своим благородным рядником,[35] и посылает их[36] к[37] великому князю Володимеру Всеволодичю.[38] «Прийми[39] от нас,[40] о боголюбивый[41] благоверный[42]
л. 112 об. княже, [43] сиа честныи дарове[44] от начаток вечных[45] лет[46] || твоего родства поколениа[47] на славу и честь и на[48] венчяние твоего

---

[93] к *АВ*. [94–95] *Нет В*. [96] *Нет В*. [97] наречен *В; доб.* но *А*. [98] *Нет А*. [99] *Нет В*. [100] благовестие *В*.

III [1] *Доб.* бога *В*. [2] слова *В*. [3–5] *Нет В*. [4] *Доб.* и *А*. [6] папа *В*. [7] *Нет В*. [8] впаде *А*. [9] *Доб.* и *В*. [10] от *А*. [11–13] *Нет В*. [12] *Испр.; в рукоп.* над. [14] *Доб.* в Киев и Владимер *А*. [15] *Нет В*. [16] Асия *АВ*. [17] *Доб.* Неофита *В*. [18–19] *Нет А*. [20] мителейска *А*. [21–22] *Приписано на полях А*. [23] игермона *А*. [24] *Доб.* и посыласт... прошением *В*. [25] креста *В*. [26] *Нет В*. [27] с *А*. [28] *Нет АВ*. [29] *Нет В*. [30–31] ею *В*. [32] напаевашесе *В*. [33] трема *А*. [34] *Нет АВ*. [34–35] своими благородными рядники *В*. [36] я *В*. [37] *Нет В*. [38] *Доб.* в Киев *А*. [39–40] *Нет В*. [41] *Доб.* и *А*. [42] о боговенчанный *В*. [43–44] *Нет В*. [45] вечного *А*. [46] *Нет А*. [47] поклонения *А*. [48] *Нет А*.

волнаго и самодръжавнаго царства. И им же начнут тя молити наши послове, и мы ото твое[49] благолюбие просих[50] мира,[51] любве; да церкви божиа без мятежа будут, и все православие в покои пребудут под сущею властию нашего царства и твоего [52] волнаго самадръжавства[53] Великиа Росиа;[54] да нарицаешися отселе[55] боговенчянный царь, венчян сим царьским венцем [56] рукою святейшяго митрополита Неофита и с епископы».[57] И от того времени [58] князь велики Володимер Всеволодич[59] наречеся Манамах [60] и царь Великиа Росиа.[61] И от того часа тем венцем царьским, его[62] присла великий царь грečескы Костянтин Манамах,[63] венчяются вси[64] великие князи володимерские, [65] егда ставятся[66] на великое княже||ние русское,[67] яко же и сей волный л. 113
самодержъц и[68] царь Великыа Росия Василие Иванович, [69] вторый на десять по колену от великого князя Володимера Манамаха, а от великого князя Рюрика 20[70]-тое[71] колено,[72] и братия его Ивановичи и Андреевичи.

Сиа убо аще и грубе изрекох[73] скудостию домысла, паче[74] же старостию одръжим многою, имам бо негде[75] лет [76] от рожениа моего девять[77] десять и едино, [78] но опаче[79] увидехом ото историкия Гандуариа некоего имянем от рода Арфаксадова, первее исписавшу астронамию[80] в Асирии, [81] яко же и выше рекохом, и [82] от риторства[83] еврейска, и от капитулы[84] римскы.[85] Не просто бо глаголем[86] государей наших поколениство,[87] благочестиа удеръжавших православныя веры, дом[88] бо их начяток от Месрема,[89] внука Ноева. Претече же ныне [90] до великого князя Василиа Ивановичя, || волнаго самодржъца и царя, лет 4 л. 113 об.

---

[49] твоего *АВ*. [50] просим *В*. [51] *Доб.* и *А*. [52–53] державства *В*. [54] *Доб.* и здрав буди о Христе Исусе *В*. [55] *Нет В*. [56–57] посланым от нас *В*. [58–59] *Нет В*. [60–61] пореклом *В*. [61–63] и сим венцем царским от того часа *В*. [62] что *А*. [64] *Нет В*. [65–66] в поставление *В*. [67] *Нет В*. [68] *Нет А*. [69–72] не бо се ему доволством иже нарицатися великим князем всея Росии, но имать бо от правнук Ноевых по потопе. Сей первие воцарися на лицы всея земля именем Сеостр первие всех во Египте. И по колену его ... лета мимо идоша ...оуста кесаря и царя римскаго и до великаго князя Рюрика. И от великого князя Рюрика четвертое колено князь великий Владимер, нареченный во святом крещении Василей. И от него четвертое колено князь великий Владимер Манамах, и от него второе на десят колено ныне настоящий князь великий Василие Ивановичь, волный самодержець и царь *В*. [70] 25 *А*. [71] *После* 20-тое *в рукоп. сверху приписано слово* лето *и зачеркнуто*. [73] *Доб.* своим малоумением *В*. [74] наипаче *В*. [75] *Нет А*. [76–77] 9 *В*. [78–82] и сия убо о сих тако известа суть, увидехом бо сиа *В*. [79] паче *А*. [80] *Так в А; в рукоп.* астонамию. [81–83] *Нет А*. [84] *На этом месте в списке А кончается древний почерк, дальше приписано П. М. Строевым*. [85] *Доб.* и от то историкия Гандиария некоего именем *В*. [86] *Доб.* сих *В*. [87] поколенства *А*. [88] родом *А; нет В*. [83] Месрома *В*. [90–91] 4 (*тысячи*) и восмьсот до великаго князя Василия

(*тысячи*) осмьсот.[91] А царству их начяток от Сеостра, [92] начялнаго царя Египту, и от Августа,[93] кесаря римска и царя, сей бо Август пооблада вселеною.[94] И сиа о сих известа суть.[95]

А иже рече о вчинен*ии*[96] родов литовскаго княжества. В лета [97] великого князя Александра Михайлович по пленении Батыеве избеже некий [98] от плена его имянем Витенец, некоего княжат*и* [99] Ростислава Мьстиславичя Смоленского, и вселися в Жемотии у некоего [100] бортника. И поят дщерь его в жену себе, и пребысть три десят лет с нею бездетен. И убиен бысть громом. И поят жену [1] его раб его имянем Гегиминик, конюшец его. И роди от нея 7 сынов: 1. Наримантик,[2] 2. Евнутик, 3. Олгердик, 4. Скиргалник,[3] 5. Кестутик, [4] 6. Корнадик, ||
л. 114 7. Монтовик,[5] к сим и ина два.

Великому же князю Александру Михайловичу немало закосневшу [6] в Орде [7] и пакы испущену бывшу ему из Орды царем на великое княжение всеа Русии,[8] и виде грады аще [9] не ставлены,[10] но в мале люди събирающася. Печалию съдръжим [11] многою о токовом запустении. По убиении бо [12] великого князя Михаила Черниговского и Феодора болярина его просыпашася измаилтяне и полетеша по всей земли, яко же птица по воздуху.[13] И овех убо [14] християн мечем закалаху, овех же в запленение [15] овождаху,[16] а отставших смерть безгодна пожже, от смерти же оставшяа гладом погублени бывше. Таковы бо глад бысть [17] во всех странах,[18] яковы же не бысть от сложение миру ниже потом. Христе милостивы да будет. А их же глад не погуби, сих попущением божиим, волци [19] нощию и днию нападающе, снедаху. Увы || умилен позор бе видети; оста земля всех добрых пуста:
л. 114 об. и [20] людей, и скотов, и всех [21] добрых [22] плодов. Не бе [23] князя, ни вожда, ни наставника [24] в людех,[25] ни избавляюща, ни спасающаго, но вся исполнишяся страха измальтескаго и сердца храбрая доблественых мужь в жен слабеишяя сердца преложишяся. И воистину тогда блажаху [26] живи преже умерших. И ве-

---

Ивановича волнаго самодержьца всея Росия *В*. [91–95] *Нет В*. [92–93] *Нет А*. [94] *На этом в списке А кончается приписка П. М. Строева.* [96] *Так в В; в рукоп.* вчинеи. [97] Лето бо *В*. [98] некто *В*. [99] *Так в В; в рукоп.* княжат. [100] неего *В*.

IV [1] супружницу *В*. [2] Наримонтик *В*. [3] Скиргайлик *В*. [4–5] *Нет В*. [6] славнейшу *В*. [7–8] прииде во свое отечество во град, глаголемый Переславль *В*. [9] еще *В*. [10] составлены *В*. [11] одержим *В*. [12] убо *В*. [13] *Доб.* грады жгуще и веси попаляюще *В*. [14] *Доб.* от *В*. [15] пленение *В*. [16] отвожда *В*. [17–18] по всем странам *В*. [19] звери *В*. [20] *Нет В*. [21] всякых *В*. [22] *Нет В*. [23] *Доб.* бо *В*. [24–25] власти *В*. [26] ублажаху *В*.

руйте ми: не аз иже[27] невежда по всему есмь, но и оне премудрыи[28] в еллинех[29] ливание не бы моглъ писанием представити нужду, яже постиже тогда християн. [30]Но сиа оставльше, преже реченных имемся.[31]

Князь велики Александр Михайлович начят разсылати своя рядники по[32] испаленым[33] градом и местом от безбожнаго Батыя. Посла Бореика некоего на Волынскую землю и на Киев||скую[34] събирати оставшяа люди, бе бо[35] муж храбр зело. л. 115
Посла же и сего Гегиминика с седмию сыны его об сю[36] страну Немиа[37] такоже събирати люди по изпаленым градом и весем. Той же Гегиминик, [38]преже бывши конюшец Витенев, начят[39] съкровища [40]изискивати ливци[41] некоими вълхвы[42] страны тоя и събра богатства премнога. И прииди Бореико [43]от Волыня[44] со многими данми.[45] А сей Гегиминик, [46]слободщик великого князя,[47] от своея области,[48] иже бе ему поручена от великого князя Александра [49]Михаиловичя.

Князь же великий тогда виде люди во множеи тяжести от царевых баскаков насилуемы, зжаливси зело.[50] Посылает[51] к царю [52]послы своя[53] с многими дарми[54] и уроки царевыми. [55]Царь же посылает ему ярлыки своя. Баскакове же небрегуще повелениа царева без страха злое творяху. А царь[56] веляшя ему || самому быти [57]к себе.[58] Князь же великий Александр л. 115 об.
Михайлович,[59] убояся царя за смерть своего великого князя Михаила Ярославичя и брата своего великого[60] князя Дмитрея Михайлович, звериных от чей[61] убиеных от царя в-Ърде, и сам[62] страшяся таковые смерти,[63] и отиде и в Новгороде Велики и[64] в Псков, и тамо не мало время пребысть, и отступи на Мяделоимя. Строи Луки Велие, [65]и Видбеск,[66] и Ротвогодовщину, и иныя многиа[67] пожженыя грады[68] имеи[69] опустевшяа тамо, даже[70] и до самаго Киева. [71]Царь же начат присылаше по вели-

---

[27] же *В.* [28] премудре сы *В.* [29] *Так в В; в рукоп.* елилинех. [30–31] Заподных стран *В.* [32] под *В.* [33] *Испр.; в рукоп.* испаленым мы. [34] *Доб.* також *В.* [35] же *В.* [36–37] страны реки Немна *В.* [38–39] *Нет В.* [40–41] изыскаваше ливцы *В.* [42] волфы *В.* [43–44] *Нет В.* [45] дарми от Вельня *В.* [46–47] *Нет В.* [48] власти *В.* [49–50] *Нет В.* [51] *Доб.* князь великий *В.* [52–53] *Нет В.* [54] собранми *В.* [55–56] и не можаше царя умилостивити, но царь со гневом посылаше *В.* [57–58] *Нет В.* [58–59] он же *В.* [60] *Нет В.* [61] чии *В.* [62] о себе *В.* [63] *Доб.* и виде людив от мнозе тяжестве от царевых баскаков насилуемы и жжаливси зело, посылает ко царю послы своя со многими дарми. Царь же посылает ему своя ярлыки. Баскакове же не брегуще царева повелениа, без страха злое творяху. А царь же начасте посылаше, веляше ему к себе быти. Он же убояся, яко же выше рекохом *В.* [64] *Доб.* оттоле *В.* [65–67] ина *В.* [66] *Испр.; в рукоп.* Нвидбеск. [68] *Доб.* иже глаголешеся ныне Видбеск, и Рогволовдошину и иные многые кои *В.* [69] места *В.* [70] *Нет В.* [71–72] *Нет В.*

кого князя Александра Михайловичя, веляше ему скоро быти
к себе. Великий же князь бысть в печали мнозеи.[72] И в то время
прииде митрополит Фегнаст от грек в Галич Волынский. И слы-
л. 116 шав || великого князя [73] Александра Михайлович в [74] печали,
скоро иде к нему утешити его от скорби. И нужаше его с благо-
словением и молением многим к царю ити без прелога, заступле-
ниа ради святых церквей и всего православиа.[75] Великый же
князь Александр [76] Михайловичь послушя молениа митрополита
Фегнаста и поиде [77] в-Ърду [78] с князми своими, и боляры, и
с многим имением дарми царевыми.[79] Царь же приим гоститву от
него [80] и скоро изрече смерть [81] великого князя: [82] «Понеже пре-
слуша повелениа моего и не скоро прииде ко мне». И убиен бысть
мученик Христов [83] великий князь Александр Михайлович, при-
ложися духом [84] к прародителем своим, к отцу своему, и брату,
и [85] к сродником своим святым страстотерпцем Борису и Глебу,[86]
и предста вкупе святеи Троици, моляшеся за все православие.
л. 116 об. И остася || [87] у него сын [88] князь Михайло Александровичь [89] и
две дщери.[90] Сия о сих.

В то же время умре и Гегиминик, слободщик великого князя
Александра Михайловичя. И остави много богатства своим детем,
събраныя дани великого князя Александра Михайлович. Нари-
мант же, и Евнут, и Волгерд начаста себе здати селение, иде же
есть ныне Вилна. И разгневася Олгерд на братью свою: Нари-
манта и Евнута, и отбегоста в-Ърду. Скиргайло же з братом
своим с Кестутом сътвориста себе селение при некоем езере за
20 верст от Вилны. И убит Скиргайло брата своего Кестута.
Сын же Кестутов Витофт избежа в немци и тамо събра дружину
себе и, пришед от немець, уби дядю своего Скиргайла и два сына
л. 117 его; и вселися на месте отца своего и дяди своего, || и наречеся
от него место то Троки, и смирися з дядею своим с Волгердом.

И в то время много мятежь бысть в-Ърде, и на Руси в вели-
ком княжестве неуряд. В то же время [91] въспосылает царь [92] по
великого князя Михаила Александрович и во Тферь,[93] веляше
ему к себе быти в-Ърду и обецевая [94] ему великое княжение
[95] всеа Русии.[96] Он же [97] сам ити к царю [98] не рачаше за смерть
деда своего, и отца своего, и брата. [99] Но отряжает [100] к царю
боляры своя с молением многим и [1] дары, и отрицая ему обеща-
ниа его, еже ему [2] обецаваше великое княжение всеа Руси, ему же [3]

73–74 *Нет В.* 75 *Доб.* сущиа еговы области *В.* 76–77 и иде *В.* 78–79 со многым имением и своими князьми и боляры *В.* 80 великаго князя *В.* 81–82 его, глаголя *В.* 83 же *В.* 84–85 *Нет В.* 86 *Доб.* ко отцу своему и брату *В.* 87–88 ему *В.* 89 *Нет В.* 90–91 *Нет В.* 92–93 *Нет В.* 94 обещевая *В.* 95–96 руское *В.* 97–98 *Нет В.* 99–100 и посылает *В.*
V 1 *Доб.* з *В.* 2–3 великого княжения *В.*

«Послание» Спиридона-Саввы. Список ГИМ, собр. Синодальное № 791, л. 113 об.

не хотящу, но моляше его быти ему в царевых оброцех, дань даяти своея отчины[4] с Тфери. Сиа же услышав Олгерд и братанич его Витофт Кестутов, и сперва[5] не повиновахуся великому князю Михаилу Александрович, а ни спомогающе ему данми к царю. После[6] же въспосылает || Олгерд к великому князю л. 117 об. Михаилу,[7] моля его и обещевая[8] присягу имети к нему и[9] помоществовати[10] во всем и повиноватися,[11] яко же и отцу его зтворяше та. Князь же велики Михайло Александръвич возлюби его[12] и вдаде за нь сестру свою великую княжну Ульяну.[13] И от того часа наречеся Олгерд[14] князем по жене своей великой княжне Ульяне. И роди от нея перваго сына Андрея, то[15] Потскыи,[16] втораго Володимера, то[17] Ржевски и Белскыи, Иоанна, то[18] Острожскы,[19] к сим же[20] и Якова Илыгвеня[21] и Василиа, то Черторисскии, и Лва, то[22] Волынскы, и Олелка.[23] Си все от великие княжны Улияны[24] християны беста. По сих же времяни, не малу минувшю, Олгерд в недуг впаде,[25] и начя изнемогати к смерти, и детем своим начат ряд покладати. Вилну вручи Иякову и прочим || детем отчизны изнарек, и коиждо их строе- л. 118 ваше отцом их преданыя им грады.[26]

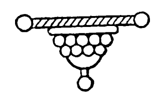
Княжна же великая Улияна, виде мужа[27] своего Олгергда последнее дышущя, и съзывает своя сыны, и призывает архимандрита печерскаго Давида, и съвет творяше с ними,[28] и божиим изволением сподобляют Олгерда святого крещениа. И наречен бысть Олгерд[29] во святом крещении имянем[30] Александр.[31] И постриже й великая княжна Ульяна[32] в мнишескый образ отцем своим духовным[33] архимандритом Давидом,[34] наречен бысть[35] во иноцех[36] Алексие.[37] Инок же Алексей, прежереченный Олгерд, скончявает житие[38] в черьнецех и в схиме.[39] И положен бысть в церкви пречистыя владычица[40] в Вилне, юже създа супружница его[41] великая княжна[42] Улияна. Не помнозе же || времени отдает[43] в руце богу свою боголюбивую душю и сама л. 118 об. великая княжна Улияна, и погребеся тело ея[44] в той же церкви святыя богородица.[45] И Яков же, сын Олгердов, впаде в пре-

---

[4] вотчины *В.* [5] *Доб.* убо *В.* [6] последи *В.* [7] и *В.* [8–9] во всем *В.* [10–11] ему *В.* [12] *Доб.* попремногу *В.* [13–14] наречеся Олгерд и от того часа *В.* [15] тот *В.* [16] Полотский *В.* [17] тот *В.* [18] тот *В.* [19–20] *Нет В.* [21] Илысвеня *В.* [22] тот *В.* [23] Олекса *В.* [24] *Доб.* матери своей *В.* [25–26] и сыном вотчины изнарек *В.* [27] *Нет В.* [28] сынми своими и с отцем своим духовным *В.* [29] *Нет В.* [30] *Нет В.* [31] *Доб.* и изнемогаше яко ко смерти *В.* [32] *Нет В.* [33–34] *Нет В.* [35–36] *Нет В.* [37] *Доб.* и уряд положи своим детем; Вилну вручи Иякову. Впаде Ияков в прелесть римския веры и наречен бысть Иягайло. И кождо их от братия строяше преданные им отцем их грады *В.* [38–39] *Нет В.* [40] богородицы *В.* [41–42] *Нет В.* [43] *В рукоп. доб.* Улияна, *но зачеркнуто.* [44] *Доб.* с сынми ея *В.* [45–46] *Нет В.*

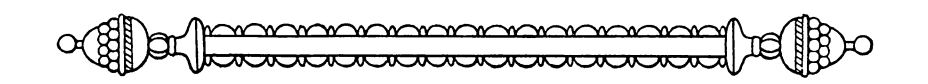
лесть римъския веры и наречен бысть Иягайло.[46] Витофт же Кестутов смирися з братом своим Иягайлом в съвершеную любовь и пожиста время немало. По сих и Яков, сын Олгердов, глаголемый Иягайло, взят бысть в Краков и коронован бысть [47] в Кракове королевством Полскым, а на Вилне остави брата своего [48] Витофта Кестутова.[49] Витофт же по брате своем Иягайле ста в римъскую же веру, и укрепися на Вилне, и нарицашеся князь велики литовской съзидая [50] грады многы, заруби же Киев
л. 119 и Чернигов, || и взят Брянеск и Смоленеск. И отступишя вси князи пограничные [51] с своими отчизнами [52] от Киева, даже и до Фоминскаго,[53] и приложишася к Витофту. Скончявает же [54] житье [55] и велики князь [56] Михайло [57] Александрович в чернецех и в схиме и оставляет великое княжение сыну своему великому князю Ивану з братьею его. Сиа о сих та известа суть бо.

Ростислава Мьстиславичя смоленскаго раб его Витенец,[58] и Витеников конюшко [59] Гегиминик, и Гегимиников сын Олгерд, и Олгердов сын Иягайло, Иягайлов сын Казмир,[60] рекомый Андрей, и Андреев сын — шестый Жигмонт, король нынешний. Того же Олгерда сын Володимер, и Володимеров сын Андрей, и Андреев сын Иван, и Ивановы дети: Янушь, Федор, Семен,[61] —
л. 119 об. то Белскые. Гегиминивко [62] же сын || Наримант,[63] Наримантов сын Патрикей, Патрикеев сын Юрьи, за того Юрья князь велики Василей Васильевич вдаде сестру свою великую княжну Анну. И от [64] тоя сын [65] родися Иван, и Иванов сын [66] князь Василей, нареченный [67] Васиян. Сия [68] о сих родов предложениа.

---

[47] *Нет В.* [48–49] Кестутова сына Витовта *В.* [50] *Так в В; в рукоп.* созидаю. [51–52] *Нет В.* [53] Финьского *В; доб.* своими вотчины *В.* [54] *Нет В.* [55–57] князь великый Михайло Тверскый *В.* [56] *В рукоп. на полях доб. тем же почерком* тферский князь. [58] Витеник *В.* [59] конюшец *В.* [60] Казимир *В.* [61] *Доб.* а *В.* [62] Гемиников *В.* [63] *Доб.* Волгердов брат, а *В.* [64–65] того *В.* [65–66] *Нет В.* [67] рекомый *В.* [68] *Доб.* убо *В.*

СКАЗАНИЕ О КНЯЗЬЯХ ВЛАДИМИРСКИХ. ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ

Основной текст:

Список БИЛ, собрание Волоколамского монастыря, № 572 . . . *Ц*

Разночтения:

Список ГПБ, собрание Погодина, № 1572 . . . . *М*
Список ГПБ, собрание Кирилло-Белозерского монастыря, № 27/1104 . . . . *Б*
Список ЦГАДА, фонд 196 (Мазурина), № 373 . . . . *б*
Список БИЛ, собрание Румянцева, № 459 . . . . *а*
Список ГПБ, O.IV.21 . . . . *Д*
Список ГПБ, Q.IV.497 . . . . *А*
Список ГПБ, Q.IV.272 . . . . *В*
Список ГПБ, собрание Петербургской духовной академии, № 302 *К*
Список ГПБ, собрание Погодина, № 1604 . . . . *Л*
Список ЦГАДА, фонд 181, № 67/90 . . . . *д*
Список БАН, 4.7.28 . . . . *С*
Список ГИМ, собрание Вострякова, № 1223 . . . . *Ю*

Сказание о великих князех[1] владимерских[2] великиа Русия[3] л. 190

От[4] история[5] Ханаонава[6] и предела, рекома[7] Арфаксадова,[8] перваго сына Ноева, рожьшагося по потопе. По[9] отца своего Ноя благословению разделися[10] вся вселенная на три чясти[11] трем сыном его: Симу, Хаму и[12] Афету.[13] Извержеся от нерадениа Хам от благословениа отца своего Ноя, [14]зане не покры наготы отца своего Ноа,[15] упившася вином.[16] Егда истрезвися Ной от вина и вразуме, елико сътвори ему[17] сын его[18] меньший, и[19]

---

[1]1 князей о киевских *С.* [2] владимер и московских и всея *А; доб.* и московских и *ВС; доб.* и московских и всеа *КЛ.* [3] Росия *ДдС;* Руси *Б;* России *А;* Росии *ВбЛ.* [4] *Доб.* и *А.* [5] *Доб.* царя *КВ;* страны *С.* [6] Ханаоновы *С.* [7] рекомаго *БМ; нет АВКЛ.* [8] Афраксадова *М;* Арахадова *С.* [9] на *С.* [10] раздели *С.* [11] части *БАВДдбМаЛСК.* [12] *Нет АВКЛдС.* [13] *Доб.* и *аВК.* [14–15] *Нет ДАВЛКдС.* [16] *Доб.* и *а С.* [17] *Нет А.* [18] *Нет ДВКЛдС;* ему *А.* [19] *Нет АВК.*

рече:[20] «Проклят буди Хам,[21] да будет[22] раб братома своима». И благослови[23] дву сынов своих Сима и[24] Афета, иже покрыша[25] наготу отца своего опаки[26] зрящи, наготы же[27] не видеша.[28] И благослови Симова[29] сына Арфаксада,[30] яко[31] да вселится
л. 190 об. в пределех Ханаоновых.[32] И родишася || ему[33] две[34] близняте:[35] первому[36] имя Мерсем,[37] второму[38] Хус,[39] — сии[40] начялницы Египту. И умножившимся от них родом[41] по коленом.[42] Отлучися Хус[43] во глубочайшая страны Иньдея и разпространися тамо на востоце; Мерсу[44] же умножишася племена[45] даже до сей страны.[46] Афету же излишая племена от северных стран даже[47] и[48] до полунощиа. И воста некий начялник того же рода именем Фарис[49] в Калаврийских[50] странах и созда град во имя свое именем Арфакса.[51] Правнук же[52] его[53] именем[54] Гайдуварий,[55] сей[56] первый написа астрологию[57] в Асирии[58] в[59] пределех Симо-
л. 191 вех, и по сем Сеостр.[60] Сей же Сеостр[61] первее всех || на земли въцарися в Египте, и по колену[62] его многая лета[63] преминушя. И от его[64] роду нача царствовати Филикс,[65] и тъй пооблада[66] вселеньною. По Филиксе[67] же, многим летом минувшим, воста некий царь в Египте от того же рода именем Нактанав[68] влъхв,[69] сей[70] роди[71] Александра Макидоньскаго от Алимъпияды,[72] жены Филиповы. Сей[73] вторый[74] пооблада[75] вселенною лет 12, и всех лет живота его 32,[76] скончася и предаде Египет[77] ряднику[78] своему Птоломею.[79] Мати же[80] Александрова[81] по смерти сына своего возвратися[82] к отцу своему Фолу,[83] царю ефиопь-

---

[20] *Доб.* ему *ЛДАдС; нет КВ.* [21] *Доб.* и *ба.* [22] *Доб.* Хам *К.* [23] *Доб.* Ной *ба.* [24] *Нет ЛС.* [25] *Доб.* его *С;* покрывшаго *Б.* [26] опак паки *б;* опакы *МБ;* и паки *С.* [27] *Доб.* его *БМ; нет С.* [28] ведеша *Д;* видяще *КЛВ.* [29] Сима *С.* [30] Афраксада *М.* [31] око *С.* [32] Ханаонских *Ад;* Ханаанских *ВКЛ.* [33–35] два сына *АВКЛ.* [34] два *Дд;* два сына *С.* [36] *Доб.* убо *К.* [37] Черсем *б;* Мрьсем *С; доб.* а *бМБ.* [38] другому *АВКЛд; доб.* имя *КВ.* [39] Мус *АВКЛд;* Рохус *б;* Лус *С.* [40] сына *С;* сее *АВЛ.* [41–42] и поленным *С.* [42–43] отлучихся *С;* отлучася *ВК;* отлучахуся *АЛ.* [44] Миру *С;* Мессус *В;* Мерсус *АК.* [45–46] *Нет Б.* [47] даждь *БМ.* [48] *Нет АВБКЛд.* [49] Фарил *КЛ.* [50] Калаврейска *АВКЛ;* Калаврикийских *Б.* [50–51] *Нет АВКЛ.* [51] Афракса *Б.* [52–54] *Нет С.* [53] *Нет АВКЛд.* [55] Гандуварий *ДК;* Гандуварей *АВЛ;* Гуйдуваре *С.* [56] *Нет С.* [57] ястрогею *С.* [58] Асаре *А,* Акоре *В;* Аикоре *К.* [59] и *К.* [60] *Нет ба.* [60–61] *Нет К.* [62] коле *С.* [63] време *ВК.* [64] того *АВКЛд.* [65] Филиксем *АВК.* [66] облада *СБ.* [67] Филиксеме *К.* [68] Нектанав *БМЛ;* Нехтонав *баС;* Нактинав *Д.* [69] *Нет ВК;* волхв *ДС;* вълъхв *Б.* [70] *Доб.* Нехтонавт *С.* [71] *Доб.* царя *С.* [72] Алиписиады *А.* [73] *Доб.* царь Александр *С.* [74] второе ино *С.* [75] обладал *С.* [76] 30 лет *С; доб.* лета *В.* [77–79] Птоломею сроднику своему *С.* [78] порядницу *ВКЛ;* подряднику *А;* уряднику *ба.* [80] *Нет Б; доб.* царя *С.* [81] Александра *С.* [82] возрадовася *В.* [83] Фалу *АВКЛд;* Филипу *С.*

скому.[84] Фол[85] жо[86] вдаст[87] ю[88] ко второму браку[89] за Виза, сродника[90] Нектонавова.[91] Виз[92] же роди[93] от нея дщерь и[94] нарече ю[95] Аньтия, || и созда град в Сосвенех,[96] и нарече[97] имя град у[98] в[99] свое имя[100] и в[1] дщери своея[2] Византия, иже ныне именуем Царьград. От[3] Александра[4] Макидоньскаго до[5] Птоломеа Прокаженаго премину Птоломеев[6] 22.[7] л. 191 об.

Птоломей же Прокаженый име дщерь премудру[8] именем Клеопатру,[9] и та правяше Египетьское царство[10] под отцем своим Птоломеем.[11] И в то время Иулие,[12] кесарь римъский, посла зятя своего Антонина,[13] стратига римъскаго, на[14] Египет воиньством. Антонину[15] же пришедшу со многими вои по суху и[16] по морю на брань[17] Египту, посла же Клеопатра ко Антонину,[18] стратигу римскому, послы своя со многими || дарми, глаголющи:[19] л. 192 «Веси ли; о стратиже, египетьское богатьство, лутше ми[20] есть [21] с покоем[22] царствовати, нежели с малоумьем излияти крови[23] человеческиа». Умили же ся[24] Антонин[25] и приял Египет без крови, и посяже за нь[26] царица[27] Клеопатра премудраа;[28] и въцарися Антонин[29] в Египте.[30] И услышав[31] Иулие, кесарь римъский, Антониново[32] презорство, и постави брата своего Августа стратигом над ипаты, и посла его[33] с[34] четыре[35] браты своими[36] и со всею областью римскою на Антонина.[37] И[38] пришед Август, взят Египет, и[39] уби зятя своего Антонина,[40] сам седе вь[41] Египте.[42] Взят же и[43] Клеопатру царицу,[44] дщерь Птоломеа[45] Прокаженаго, и посла ю[46] в Рим в кораблех[47] со многим богатством[48] египетским || [49] и Клеопатру.[50] Она[51] же глаголющи: л. 192 об.

---

[84] ефиотцкому *С*. [84–86] *Нет А*. [85] Фал *КЛ*; Филип *С*. [86] же *ДКСбаЖБ*; *нет ЛдВ*. [87] дает *д*; даст *С*. [88] ее *С*. [89] брату *Л*. [90] гроздника *С*. [91] Нектананова *Л*; Нектанавов *Д*; Нектанава *д*; Невтово *С*. [92] Вос *С*. [93] родит *А*; родися *С*. [94] *Нет К*. [95] ей имя *С*. [96] Свасвенех *А*; Содсвенех *Л*; Сосфенех *БМ*. [97] наче *Д*. [98] *Доб*. тому *ВК*. [98–II 2] *Нет С*. [99] *Нет б*; во *дБ*. [100] место *ВК*.

II [1] *Нет бд*; во *Б*. [3] *Нет С*. [4] *Доб*. царя *С*. [5] да и *С*. [6] Толомеев *С*. [7] *Доб*. лета *ВК*. [8] *Нет ба*; мудру *С*. [9] Клеопадру *Л*. [10–11] по отце своем Птоломее *С*. [11] Поломеем *Л*. [12] Иулиян *С*. [13] Онтона *С*. [14] *Нет С*. [15] Андонину *а*; Онтон *С*. [16] *Нет дБ*. [17] *Нет С*. [18] Антину *Б*; Андонину *а*; Онтонину *С*. [19] *Нет С*. [20] ти *ба*; ли *С*. [21–22] *Нет Д*. [23] *Доб*. свою *ВК*. [24] *Нет С*. [25] Андонин *а*; Онтонин *С*. [26] *Нет С*. [27] царевна *К*; царицу *С*. [28] мудрая *С*. [29] Андонин *а*; Онтонин *С*. [30] Гегинте *С*. [31] слыша *АВКЛд*; услыша *а*. [32] Антоново *Б*; Андониево *а*; Антониево *б*; Онтониново *С*. [33] *Нет БС*. [34] *Нет д*. [35] четырми *бДВаС*; четырма *М*; четыреми *К*; четырмя *ЛдБ*. [36] *Нет С*. [37] Антоника *Л*; Андонина *а*; Онтонина *СБ*. [38] *Нет С*. [39] *Нет С*. [40] Онтоненинава *С*; *доб*. а *А*; *доб*. и *МБ*. [41] на *КВ*. [42] Египет *ДЛ*; *доб*. и *ДС*. [43] *Нет КЛбдМСБАВ*. [44] цареву *Ла*. [45] Птоломееву *СБ*; *доб*. царя *б*. [46] *Нет БМС*. [47] корабле их *С*. [48] благочевиством *Л*. [49–50] *Нет КСБМба*. [51] Клеопатра *БМба*.

«Лутши ми[52] есть[53] царици египетьской смерть прияти, нежели пленьницею[54] приведеной[55] быти в Рим»,[56] и умори себе[57] ядом аспидовым.[58]

Восташа же на Улия ипаты: Врутос,[59] и Помъплий,[60] и Крас;[61] и[62] убиста его в Риме. И скоро прииде[63] весть к Августу вь Египет о Улиеве смерти. И[64] опечалися[65] зело о братне смерти, и[66] скоро созва вся[67] воеводы, и чино*на*чялники,[68] и нумеры,[69] и препоситы,[70] и возвещает им смерть Иулия, кесаря римъскаго.[71] Они же единогласно реша, римляне и египтяне: «О преславный стратиже, Улия кесаря[72] брата твоего[73] от
л. 193 смерти[74] въставити[75] не можем, а твое вели||чество веньчяем венцем римъскаго царства». И облекоста его[76] во одежду Сеострову,[77] начялнаго[78] царя Египту, в порфиру и висон,[79] и припоясаста[80] его поясом дерьмлидом, и возложиста на главу его митру Поря,[81] царя[82] иньдейскаго, юже[83] принесл Александр[84] Макидоньский[85] от Иньдиа,[86] и приодеша его по плещема[87] окройницею[88] царя Филикса,[89] владущаго вселенною, и рядостне въскликнуша[90] велиим гласом: «Радуйся,[91] Августе, царю[92] римъский и[93] всеа вселенныа!».

[94]В лето[95] 5457[96] Августу, кесарю[97] римъскому, грядущу вь Египет с[98] своими[99] ипаты,[100] яже бе власть[1] египетьская рода суща Птоломеева. И срете его Ирод Антипатров, творя ему ||
л. 193 об. велие послужение вои и[2] пищею и дарми. Предаде же бог Египет и Клеопатру в руце Августу.[3] Август[4] же начят дань[5] покладати[6] на вселенней. Постави брата своего Патрикиа[7] царя Египту; Августалиа, другаго[8] брата своего, постави[9] Александрии властодержца; Ирода же Антипатрова[10] Асколонитя-

---

[52] *Нет Ббам.* [53] *Нет АВКЛд.* [54] пленизею *В.* [55] привезенною *С.* [56] Риме *С.* [57–58] гладом онтивовым *С.* [58] аспидовным *Д.* [59] Врутус *ЛДА;* Врастусий *ВК;* Врустей *С.* [60] Пооплей *АВд;* Пооплий *К;* и Пооблеп *Л;* и Памплий *С.* [61] Краст *ба.* [62] *Нет С.* [63] изиде *Л.* [64–66] *Нет МБС.* [65] *Доб.* Август *К.* [66] *Нет ВК.* [67] взя *Б.* [68] *Так в БМАДС; в рукоп.* чиночялники; чиноначалницы *Л.* [69] умеры *Б;* ниумеры *а.* [70] препочиты *Б;* препосеты *д;* препроситы *б;* превыкаты *С.* [71–72] *Нет С.* [73] своево *С.* [73–74] *Нет ВК.* [73–75] отставити от смерти *б.* [75] поставити *В;* отставити *а.* [76] *Нет КВ.* [77] *Доб.* и *ба.* [78] началника *С.* [79] виссом *К.* [80] препояса *АВКЛ.* [81] Пора *ДС; нет Л.* [82] царь *Л.* [83] иже *ВК.* [84] царя Александра *С.* [85] *Нет БМ.* [86] Андрея *КВ;* Индея *С.* [87] плешама *ЛС.* [88] оронкицею *АВКЛ;* окроницою *Б.* [89] Филиска *Б;* Александра *С.* [90] веселящеся *С.* [91] *Нет С.* [92] кесарю *ДАВКЛд;* кеса *С.* [93] *Нет д.* [94–95] лета *Л.* [96] 5057 *АВКЛд;* 6457 *С.* [97] царю *ба.* [98] *Нет Л.* [99] *Нет А.* [100] пяты *ВК.*

III [1] *Доб.* его *БМ;* врасть *Л.* [2] *Нет ДАВКЛдС.* [3] Августав *В;* Августа *АКЛд;* Август *С.* [4] Августа *В;* Августу *Б.* [5] дани *Л.* [6] *Так в АКВЛС; в рукоп.* подкладати. [7] Потърекея *ЛС;* Патрекея *Б.* [8] *Нет С.* [9] *Нет С.* [10] Актипатрова *С.*

нина[11] за многия ради[12] его[13] почести[14] постави[15] царя над июдеи[16] в Иерусалиме; Асию[17] же поручи Евлагерду, сроднику своему; Алирика[18] же,[19] брата своего, [20] постави в поверъшии[21] Истра; и[22] Пиона[23] постави во Отоцех Златых, [24] иже[25] ныне[26] наричются Угрове; а Пруса,[27] сродника своего,[28] в[29] брезе Вислы реце [30] || во граде Марборок,[31] и Турн,[32] и Хвоини,[33] и пресловый[34] Гданеск, и ины многи грады по реку, глаголемую Немон,[35] впадшую в море. И [36] жит Прус[37] многа времена[38] лет[39] и до[40] четвертаго[41] роду; и оттоле и до сего времяни[42] зоветься Прусьская[43] земля. л. 194

И в то время некий воевода новгородьцкий[44] именем Гостомысл скончевает свое житье[45] и созва вся[46] владелца Новагорода и рече им: «О мужие новгородьстии,[47] совет даю вам аз,[48] яко[49] да пошлете[50] в Прусьскую землю[51] мужа[52] мудры[53] и призовите [54] от тамо сущих[55] родов[56] к себе[57] владелца». Они же шедше в Прусьскую землю[58] и обретоша тамо[59] некоего князя именем Рюрика,[60] суща от рода римъскаго Августа царя.[61] И молиша князя Рюрика посланьницы от всех || новгородцов,[62] дабы шел [63] к ним[64] княжити. Князь же Рюрик прииде в Новъгород, имея с собою два брата; [65] единому имя Трувор,[66] а второму[67] Синеус,[68] а третий племенник его[69] именем[70] Олег. И оттоле наречен бысть Великий[71] Новград; и начя князь великий Рюрик первый княжити в нем. л. 194 об.

А[72] великого князя Рюрика четвертое колено великий[73] князь Володимер, иже просветил Русьскую землю святым крещеньем

---

[11] Асколонятина *БМ;* Асколотянина *ба;* Осколотитянина *Л;* Сколонитянина *С.* [12] *Нет МБ;* дары *С.* [13] *Нет АЛдС;* милости *ИКВ.* [14] почти *С.* [15] *Доб.* его *С.* [16] иедеи *Д;* юдеи *Л; доб.* и *С.* [17] Аосию *С.* [18] Илирика *С.* [19] *Нет С.* [20–23] сверши Истра постави, а Опиона *С.* [21] повершися *К.* [22] *Нет ВКМБЛД.* [23] Титона *А;* Тиона *БбМа;* Питона *ВКЛд.* [24–26] и ныне же *СБ.* [25] а *АВКЛд.* [26] ноне *д.* [27] Просу *Д.* [28] *Доб.* постави *бМаБ.* [29] о *Л.* [30] рецы *КЛд;* реш *Д;* реки *С; доб.* и *С.* [31] Марморок *ВК.* [32] Турк *ВК;* Туроней *С.* [33] Хвоиница *ба;* Хвонии *АВКЛ;* Хвоица *МБ;* Хваоние *С.* [34] пре *С; доб.* и *ВК.* [35] Немощь *ВК;* Неман *С.* [36–37] жи от Пруса *К.* [38] *Нет АВКЛ.* [39] лета *КВ.* [39–40] *Нет С.* [41] четыредесятого *а.* [42] дни *ба.* [43] Прусииская *а.* [44] иугородцкий *КА.* [45] жие *Д.* [46] *Нет ДАБВКЛдСМ.* [47] иугородстии *А.* [48] *Нет С.* [49] *Нет АВКЛд.* [50–53] мужи мудры в Пускую землю *Л;* мужа мудры в Прускую землю *дВ.* [51] Новгород *С.* [51–53] *Нет С.* [52] мужи *Б.* [54–55] тамо от сущих *БМ;* тамо к собе сущих *С.* [56] род *Л.* [56–57] *Нет С.* [58] *Нет Б; доб.* в лето 6 (*тысяч*) *БС.* [59] *Нет Б.* [60] Люрика *Л;* Ририка *А.* [61] кесаря *ба.* [62] иугородцов *А.* [63–64] с ними *С.* [64] нам *д.* [65] браба *Б.* [66] Траул *КВ;* Траур *Лд;* Трус *А;* Трувур *Д;* Синеус *ба.* [67] другому *БМ;* фторому *д; доб.* имя *С.* [68] Синеул *К;* Трувор *аб.* [69] *Нет дВАМБ.* [70] ему имя *д;* а имя ему *АВКЛ.* [71] *Нет АВКЛ.* [72] от *БбМа;* у *А.* [73] *Нет КЛдАВ.*

в лето 6496. А от великого князя Владимира четвертое колено князь великий Владимир Всеволодич[74] Манамах, правнук.[75] Егда[76] седе в Киеве[77] на великом княжении, совет начят творити с князми своими, и с[78] боляры, и велможи,[79] тако рек:[80] «Егда аз мал есмь преже мене царствовавших и хоругви[81] правящих скипетра
л. 195 || великиа Русиа,[82] яко же[83] князь великий Олег ходил и взял[84] с Цариграда великую дань на вся воа своа и здрав въсвояси возвратися; и потом Всеслав[85] Игоревич, князь великий, ходил[86] и взял на Коньстянтине граде тяжьчайшую дань. А мы есмя[87] божиею милостью настолницы[88] своих прародителей и отца моего[89] великого князя Всеволода[90] Ярославичя и наследницы тоя же чьсти[91] от бога.[92] Ныне[93] съвета ищу[94] от вас,[95] моея полаты князей, и боляр, и воевод, и всего христолюбиваго воиньства; да превознесется[96] имя святыа живоначалныа[97] Троици вашея храбрости[98] могутьством[99] божьею волею[100] с[1] нашим повелением; и кий ми[2] совет[3] против воздаете?». Отвещаста же великому князю[4]
л. 195 об. || Владимиру Всеволодичю его[5] князи, и боляре, и воеводы: «Сердце царево[6] в руце божьи, а мы вси есмо[7] в твоей воле». Князь же великий Владимир събирает воеводы благоискусны и благоразумны и поставляет[8] чиноначалники[9] над[10] различными воиньствы[11] — тысищники,[12] сотники, пятдесятники[13] над различными чинми боренья;[14] и съвокупи многия тысяща[15] воиньства,[16] и отпусти их на Фракию Цариграда[17] области; и плениша я[18] доволно, и возвратишася с многим богатеством.

Тогда бе в Цариграде благочестивый царь Констянтин[19] Манамах, и в то время[20] брань имея[21] с персы и с латыною. И[22] съставляет совет мудре и царьски,[23] отряжает послы[24] к ве-

---

[74] *Нет С.* [75] *Доб.* великого князя Владимера Киевского *ба.* [76] ево *С.* [76–77] *Нет С.* [78] *Нет аМ.* [79] *Нет ВКЛдА.* [79–80] и рече *С.* [80] рече *МБ.* [81] герувгви *А;* херугви *ЛдК;* херухви *В;* харугови *С.* [82] Россия *б;* Росия *даСЛ.* [82–83] а *С.* [84] вьл *Д.* [85] Всесвав *Д;* Святослав *ба.* [86] *Нет Л.* [87] *Нет БМ.* [88] на столице *а.* [89] своего *БМ.* [90] Всевода *Б.* [91] части *КВ.* [91–93] *Нет С.* [92] *Доб.* сподобитися хощеми *АВКЛ.* [93–94] советующу *А;* советующе *С.* [95] нас *С.* [96] вознесет *БМ.* [97] *Нет АВКЛд.* [98] *Доб.* и *АВ;* храбростию *КЛ.* [99–100] *Нет АВКЛ.*

IV [1] и *С.* [2] *Нет БМа;* мы *д;* мне *С.* [3] советы *К;* ответ *БМ.* [4] *Нет С.* [5] *Нет БКЛдМВ.* [6] царь *Б.* [7] *Нет МБ;* есмы *АЛба;* есмь *Д;* есмя *д;* есми *С.* [8] ставляет *С.* [9] чиноначалницы *Л.* [10–11] розличным воиствам *С.* [12] *Доб.* и *ВБДСАЛ;* тысущники *МД.* [13–14] *Нет С.* [14] *Нет ба.* [15] тысуща *М.* [16] воинств *Кд.* [17] царя *С.* *На этом месте текст «Сказания» в списке С обрывается, кончаясь на л. 24 об.; сверху л. 25 идет продолжение текста родословной великих князей русских.* [18] *Нет АБВКЛбдМа.* [19] *Нет А.* [20–21] имея брань *ба.* [21] имы и *Д.* [22] *Нет А.* [23] царскый *М;* церкви *Лб.* [24] *Доб.* своя *Кба.*

«Сказание о князьях владимирских», первая редакция. Список БИЛ, собр. Волоколамского монастыря, № 572, л. 190.

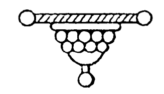
ликому князю Владимиру Всеволодичю: Неофита || митрополита л. 196
ефесьскаго и с ним два епископа, милитиньска [25] и митилиньска,[26] и [27] стратига [28] Антипа [29] антиохийскаго,[30] игемона [31] иерусалимъскаго Еустафья, и иных своих [32] благородных.[33] От своея же выя [34] снемлет животворящий крест [35] от самого животворящаго древа, на нем же распятся владыка Христос. Снемлет же [36] от своея главы венець царьский и поставляет его [37] на блюде злате. Повелевает же принести крабьицу сердоликову, из нея же Август,[38] царь римъский,[39] веселяшеся, и ожерелье, иже на плещу [40] своею ношаше, и чепь [41] от злата аравьска искована, и [42] ины многи дары царьскиа. И предаде их митрополиту Неофиту с епископы и своим благородным посланником, и посла их || к ве- л. 196 об.
ликому князю Владимиру Вселодичю, моля [43] его и [44] глаголя: «Прийми от нас, о [45] боголюбивый [46] благоверный княже,[47] сиа честныа дарове, иже [48] от начатка вечных [49] лет твоего родьства и поколенья [50] царьский жребий [51] на славу и честь и на [52] венчание [53] твоего волнаго и самодержавнаго царствиа. И о нем [54] же [55] начнут тя молити наши посланницы, что мы от [56] твоего благородиа просим мира и любве; яко [57] церкви [58] божьа безмятежна [59] будет,[60] и все православие в покои [61] пребудет [62] под сущею властью нашего царства [63] и твоего волнаго самодержавъства Великиа Русиа; [64] яко да [65] нарицаешися отселе боговенчаньный [66]
царь, венчан сим [67] царьским венцем рукою святе||йшаго митро- л. 197
полита Кир Неофита с епископы». И от того времени князь великий [68] Владимир Всеволодичь наречеся Манамах,[69] царь Великиа Русия.[70] И пребысть потом прочаа времена с царем с Констянтином [71] в смирении [72] и любве.[73] И оттоле и доныне тем [74] венцем венчаются царским велиции [75] князи володимерьстии, его же

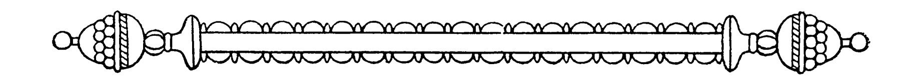
[25] милетиискаго *ВК;* мелетинскаго *АдЛ;* милитииска *Б;* митилинска *б.* [25–26] и мелетинска стратинска *АВ;* и милитинска стратинска *д; нет БМаб.* [25–27] *Нет Д.* [26] милитинска *КЛ.* [28] стра *В;* стратинска *КЛ.* [29] Антипата *БМ;* стран *К;* Антива *Л;* Антипу *ба; нет В.* [30] ахинскаго *К.* [31] игумена *ВдБК.* [32] *Нет АВКЛ.* [33] *Доб.* ся *В; доб.* муж *ба; доб.* же *Б.* [34] вы *д.* [35] *Нет А.* [36] *Доб.* ся *В; нет Л.* [37] *Нет КВбаД.* [38] *Так в баАВКЛ; в рукоп.* Августия; Августа *Д.* [39] *Нет МБ.* [40] плещи *Л.* [41] честь *В.* [42] *Нет Д.* [43] и емля *ВКЛдА.* [44] *Нет КбА.* [45] *Нет КдЛАВ.* [46] благолюбивый *БЛ; доб.* и *ВКЛдА.* [46–47] *Нет БМ.* [48] и *Б.* [49] *Доб.* благ и *ВК.* [50] поленья *А.* [51] ждребий *М.* [52] *Нет АВКЛд.* [53] венния *А.* [53–55] *Нет Д.* [54] чем *Б.* [56] *Нет Б.* [57] *Доб.* да *АВЛд.* [58] церковь *ЛК.* [59] без мятежа *А.* [60] не будет *А;* будут *бМаБ.* [60–64] *Нет Л.* [61] *Доб.* да *ДАВКбд.* [62] будет *КВ; доб.* да будет *В.* [63] государства *ба.* [64] Росии *аЛ.* [65] ва *Л.* [66] богом венчанный *К;* благовенчанный *ДБ.* [67] *Нет ЛКАВ;* с ним *Д.* [68] *Нет ба.* [69] *Нет А.* [70] России *б;* Росии *А;* Росия *дВ.* [71–73] *Нет Д.* [72] мире *ба.* [74] *Нет Да.* [75] великии *ДбдаАВ; нет БМ.*

прислал греческий царь[76] Коньстянтин Манамах, егда ставятся на великое княжение русьское.

В царство же Констянтина Манамаха отлучися от Цариграда церкви, и от правыа веры отпаде римъский папа Формос[77] и уклонися[78] в латыньство. Царь же Коньстянтин и святейший патриарх Кир Иларие[79] повеле събратися собору[80] в царствую-
л. 197 об. щий град[81] святейший || патриарси[82] александръский,[83] и антиохийский, иерусалимъский. И с их советом благочестивый царь Коньстянтин[84] Манамах с святым вселеньским собором четырми патриархы, митрополиты[85] и епископы, иереи извергоша папино имя ис поминаней церковных и отлучишя его[86] от четырех[87] патриарх. И от православныа[88] веры отпадша, и от того времене и доныне лытают, нарекошася латына.[89] Мы же, православнии христиане,[90] исповедаем святую Троицу безначялнаго отца с единородным сыном и с[91] пресвятым единосущным и[92] животворящим[93] духом[94] в едином божестве веруем и славим и покланяемся.

[76] *Доб.* царь *К.* [77] Фармос *К;* Форьмас *Д.* [78] клонися *Д.* [79] ил *ЛА.* [80] Соборы *К (это слово приписано на полях киноварью).* [81] *Доб.* и собрашеся *ба.* [82] патриархси *Д;* патриарх *Л.* [83] александрсвтый *В;* александрейстий *Л;* александристии *КАб;* алексаньский *Д.* [84] *Нет ВБМ.* [85] *Доб.* и архиепископы *КВ.* [86] *Нет ВК.* [87] *Так в ДАБВКбдаМ; в рукоп. и Л* четыре и. [88] *Доб.* и христианские *ВК.* [89] калатына *Л;* налатыня *КАВ.* [90] веры *Л.* [91] *Нет БМ.* [91–93] пресвятыи единосущныи и животворящии *М.* [92] *Нет д.* [94] богом *а;* дух *М.*

РОДОСЛОВИЕ ЛИТОВСКИХ КНЯЗЕЙ (СЛЕДУЮЩЕЕ ЗА «СКАЗАНИЕМ» ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ)

Основной текст: Список БИЛ, собрание Волоколамского монастыря, № 572.

Родство великих князей литовъских л. 198

В лето 6830 по пленении безбожнаго Батыа избежал от плена его некий князец именем Витянец, рода смоленьских князей, и вселися в Жомоть у некоего бортника. И поят у него дщерь в жену себе и пребысть с нею лет 30 бездетен. И убьен бысть громом. И последи князя Витенца поят жену его раб его конюшец именем Гигименик. И роди от нея седмь сынов: 1. Нароминтик, 2. Евнутик, 3. Олгердик, 4. Кестутик, 5. Скиригайлик, 6. Кориядик, 7. Мантоник.

Лета 6825 князь Юрьи Данилович московский и князь Михаил Ярославич Тверьский поидоша во Орду о великом княженьи володимерском в споре. И князь Михаил Ярославич || Тверьский л. 198 об. убьен бысть в Орде. Князь Юрьи Данилович прииде из Орды на великое княжение. И виде многи грады запустевшая и людей мало събирающася, печалию одержим бе. По убьении бо князя Михаила Черниговъскаго разсыпашася измаилтяне по всей земли Русьской, яко птици полеташа. И христианьский род овех мечем закалающе, других же в плен отвожаху, а оставшая смерть и глад погубляше. Сия случишася нам грех ради наших.

Великий же князь начат разсылати по градом и местом собрати оставшаа люди. Посла убо сего Гегименика на Волоскую землю и на Киевьскую и обь сю страну Меньска наполняти плененыа грады и веси, у воставших имати дани царьскиа. И с ним || посла некоего мужа славна именем Бореика и ины л. 199 множайших. Сей же реченный Гегименик бе мужь храбр зело и велика разума, начят брати дани на людех и съкровища изыскивати и обогатися зело. И собра к себе множество людей, дая им потребная нескудно, и начят владети многими землями. На-

звася от них князь великий Гедиман литовъский Первый великих государей русьских князей не съгласьем и междуусобными бранями.

В лето 6859 князь великий Семион Семионович седе на великом княжении володимерьском и московском. В то же лето преставися Гедиман, князь великий литовъский Первый. И по
л. 199 об. нем седе на великом княжении || литовъском сын его первый Наримант. И бысть ему брань с иноплеменники, и впаде в руце их. В то время бывшу великому князю Ивану Даниловичю в Орде, и окупил князь великий Нариманта у татар и отпустил его к Литве. Он же по своему обету, не дошед своея отчины, крестися, и наречен бысть в святом крещении Глеб. И того ради братья его не даша ему великого княжениа.

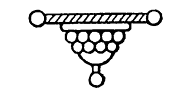
Но седе на великом княженьи брат его Олгерд, а Наримант, брат его, отиде в Великий Новъград, Евнут же вселися, идеже ныне Вильна, а Скиригайло з братом своим с Кестутьем вселишася при некоем озере за 20 поприщ от Вилны. И въста Ски-
л. 200 ригайло на брата своего || Кестутия и уби его. Сын же Кестутев Витовт бежа в немцы и тамо собра себе друзи мнози, и пришед оттуду, уби дядю своего Скиригайла и два сына его. И вселися на месте отца своего и дяде своего, и нарече имя месту тому Троки, и совокупися любовою з дядею своим с Олгердом. Той бо Олгерд вина не пиаше и велик разум имяше, земля и княженьа притяжа к себе многи и удержа велию власть.

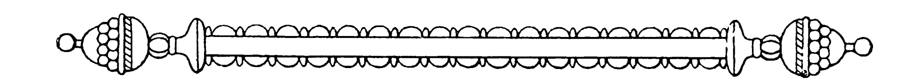
В лето 6858 князь великий Олгерд литовский присла послы своя к великому князю Семиону Ивановичю на Москву со многими дарми, прося мира и живота братьи своей. Князь же великий Семион пожаловал Олгерда и братью его Корияда и иных ||
л. 200 об. отпустил к нему. И паки прислал Олгерд к великому князю Семиону Ивановичю, прося за себя свести его дочери великого князя Александра Михайловича Тверскаго. И князь великий Семион по благословению отца своего Феогнаста, митрополита всеа Русии, вдаст за него свесть свою великую княжну Иулиянию. И родишася от нея сынов седмь: первый Андрей Полътеский, 2. Володимер Бельский, 3. Иван Острожский, 4. Иаков, 5. Легбень Волыньский, 6. Василей Черторижьский, 7. Олерко Киевъский.

Посем время не мало преиде, князь великий Олгерд в недуг впаде и начят сыновом ряд чинити: Иакова сына своего возлюби паче всех и даде ему великое княжение и град Вильну, а прочих
л. 201 сынов || своих по уделом устроил. Благоверная же великая княгиня Иулианиа виде своего мужа Олгерда последнее дышуща и печаловашеся о спасении его и созва сыны своа и отца своего духовнаго призва, два архимандрита печерьскаго. И увеща своего

«Родство великих князей литовских». Список БИЛ, собр. Волоколамского монастыря № 572, л. 198.

мужа Олгерда съветом благым и божьим поспешением, сподоби его святого крещения. И наречен бысть в святом крещеньи Александр. И последи того великим чином иноческим одеяся и святою схимою, великим ангельским образом, украсився, и вместо Александра Алексий наречен бысть; и по малех днех преставися, и положиша тело его в церкви святыа богородици в Вильне, юже сам созда. По сем же супружница его, благоверная княгини Иульяния, || немного время пожив, преставися, и в той же л. 201 об.
церкви погребоша тело ея. Иаков же, сын Олгердов, впаде в латыньскую прелесть — Ягайло великий князь литовъский, и бысть советник и друг безбожному Мамаю, его же побил за Доном благоверный великий князь Дмитрие Иванович. Витовт же Кестутьевичь совокупися любовью с Ягайлом. И по сем Ягайло взят бысть в Краков и коруноваша его кралем польским в Кракове, а на Вильне устави брата своего Витовта. Витовт же устроися на Вильне князь великий литовъский и нача създидати грады многи, заруби Киев и Чернигов и взят Брянеск || и Смо- л. 202
ленеск, и приступиша к нему вси князи пограничныа с вотчинами от Киева даже и до Фоминьского приложишася к Витовту. Сия убо о сих известа суть.

ВСТУПЛЕНИЕ К ЧИНУ ВЕНЧАНИЯ НА ЦАРСТВО ИВАНА IV И К ЛЕТОПИСНЫМ ЗАПИСЯМ О ЕГО ВЕНЧАНИИ. («ПОСТАВЛЕНИЕ» ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ ПОДГРУППЫ)

Основной текст: Список ГПБ, Q.I.214 . . . . *А*
Разночтения:
Список БИЛ, собрание Волоколамского монастыря, № 522 . . . *Б*
Список БИЛ, собрание Музейное, № 587 . . . . *В*
Список БИЛ, собрание Фундаментальное, № 196 . . . . *Г*
Список ГПБ, F.IV.155 . . . . *Д*
Список ГПБ, собрание Вяземского, O.XXXIII . . . . *Е*
Список ГПБ, собрание Софийской библиотеки, № 1516 . . . . *Ж*
Список ГИМ, собрание Вострякова, № 1258 . . . . *З*
Список БИЛ, собрание Ундольского, № 610 . . . . *И*
Список ГПБ, Q.XVII.67 . . . . *К*

л. 367 [1] Поставление[2] великых[3] князей русскых,[4] откуду[5] бе и како начашася ставити на великое княжество[6] святыми бармами и царьскым венцем[7]

В лето 6496-е,[8] а от великого князя Владимера[9] четвертое колено[10] князь[11] Володимер Всеволодичь[12] Манамах.[13] Той убо Манамах[14] прозвася от таковыя[15] вины. Егда седе на великое княжение в Киеве, начат творити совет с князьми своими,[16] и боляры, и велможи,[17] тако[18] рек:[19] «Еда[20] аз мал[21] есмь преже мене царствовавших и хоругви правящих скипетра великиа

I [1–7] Царское поставление от великого князя Владимера четвертаго колена князь Владимер Всеволодичь Манамах *Г*. [2] *Доб.* на Рускую землю *Д;* о поставлении *КЗ*. [3] *Нет К*. [3–4] царей *Д*. [5] отколе *Д*. [6] княженье *ДКЗИЖ; доб.* и царство начнут венчати *Д*. [6–7] *Нет Е*. [8] *Доб.* крестися великий князь Владимирь *И*. [8–10] тогда бе в русских царех четвертое колено от великаго князя Владимера *К; нет Е*. [9] *Доб.* киевского *Д*. [11] *Доб.* великий *Д*. [12] Всеволоч *В*. [13–14] *Нет Д*. [15] каковые *З*. [16] *Нет З*. [17–19] рек сице *К*. [18] и *З*. [20] егда *ВК; нет З*. [21] млад *КИЖ*.

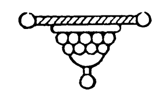
Росиа,[22] яко же князь великий[23] Олег[24] ходил[25] и взял [26] на
Цареграде.[27] || великую дань на вся воя своя [28] и здрав възвра- л. 367 об.
тися въсвояси; [29] и потом [30] Всеслав [31] Игоревичь, [32] князь [33] ве-
ликий,[34] ходил и взял [35] на Констянтине граде [36] тяжчайшую
дань.[37] А мы есмь [38] божиею милостию настольници своих пра-
родителей и отца моего [39] *великого князя* [40] Всеволода Яросла-
вичя тоя же чести [41] и наследници от бога [42] сподоблени. Ныне
убо съвета [43] ищу от вас, моея полаты [44] князей, и боляр, и
воевод, всего христолюбиваго воиньства; [45] и да превъзнесется
имя святыя животворящиа [46] Троица вашиа [47] храбрости могуть-
ством [48] божиею волею [49] с нашим [50] повеле||нием; [51] кий ми съвет л. 368
противу [52] ныне въздаете?». Отвещаста [53] же ему князи, и бо-
ляре, и воеводы: [54] «Сердце царево [55] в руце божий,[56] а мы все [57]
есмь под твоею властию».[58] Князь же великий [59] Владимер съби-
рает воеводы [60] благоискусны и [61] благоразсудны [62] и поставляет
чиноначалники над различными чины борениа [63] тысящьники, и
сотники, и пятидесятники; и совокупи многы тысяща въиньств,
и отпусти их на Фракию Царяграда [64] области; и поплениша их
доволно, и възвратишася со многым богатьством.

Тогда бе в Цариграде [65] благоче||стивый царь Констянтин л. 368 об.
Манамах, и в то время брань имея со персы [66] и с латынею.
Съставляет же съвет богомудре [67] и царскы, отряжает убо послы
к великому князю [68] Владимиру Всеволодичю: митрополита ефес-
скаго Неофита и с ним два епископа, [69] митулиньскаго и мили-
тиньскаго,[70] и стратига антиохийскаго, игемона [71] иерусалимьскаго
Еустафиа, [72] и иных своих благородных. От своея же царьскыя
выя [73] снимает животворящий крест от самого животворящаго
древа, на нем же распятся владыка Христос. Снемлет же от своея
главы царский венец || и поставляет [74] на блюде злате. Повеле- л. 369
вает же принести и крабеицу [75] сердоликову, из нея же Август,[76]

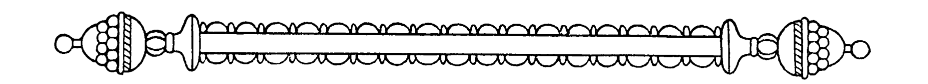
---

[22] *Нет Г.* [23] *Доб.* рязанский *К.* [24] *Доб.* разанский *ЗИЖ.* [25] *Доб.* на царствующий град *К.* [26–27] *Нет К.* [28–29] *Нет Е.* [28–30] *Нет З.* [29] во своя *К.* [30] *Доб.* и взял *З.* [31] Святослав *ЖЕ.* [32–34] *Нет КЕ.* [33–35] *Нет З.* [35–36] на том же Цариграде *Е.* [36] *Нет З.* [36–37] вели дань чажчайшую *З.* [38] *Нет Е.* [39] своего *Д.* [39–40] *Так в ДВБГЗИЖЕК; в рукоп. нет.* [41] *Так в ДВГЗИЖЕК; в рукоп. и Б* части. [41–42] *Так в ДВБГКЖЕ; в рукоп.* от бога и наследницы. [43] свита *В.* [44–45] *Нет Е.* [46] *Нет З;* живоначалныа *ИЖЕК.* [47] в нашей *И.* [48–51] *Нет ЗИЖ.* [49–50] нани *Д.* [52] *Нет Г.* [53–54] *Нет З.* [55] твое *З.* [56] бога жива *З.* [57] *Нет ЗИЖ;* вси *В.* [58] областию *И.* [59] *Нет ДЗ.* [60] воя многи и воевод *З.* [60–61] *Нет К.* [60–62] благоразумные *ЗИЖК.* [62–63] *Нет З.* [63] иния *Д.* [64–65] *Нет З.* [66] *Так в ДКВБГЗИЖЕК; в рукоп.* пръсы. [67] благоразумен *З;* благоразумне *И;* благомудре *БВЕД.* [68] *Нет Д.* [69–70] *Нет Е.* [71] иселмана *Д;* игермона *В;* ермонаха *Г.* [72–73] *Нет КЗИЖ.* [74] *Доб.* его *ДКЖ.* [75] карабеику *Д.* [76] *Так в ЗИЖЕК; в рукоп.* Августиа.

царь римьский,[77] веселяшеся. Посылает же и ожерелие, сиречь святыя бармы, иже на плещу своею ношаше, и чепь от злата аравийска скована, и ины многы дары царьскыя. И дасть[78] их митрополиту Неофиту[79] и епископом[80] и посланником, и отпусти их к великому князю [81] Владимеру Всеволодичю,[82] моля его и глаголя: «Прийми от нас, о боголюбивый и благоверный княже, сиа[83] честныя дарове, иже от начала вечных лет твоего благо-
л. 369 об. родиа[84] и по||коление[85] царский жребий на славу и честь и на венчание твоего волнаго и [86] самодръжавнаго царствиа.[87] О нем же[88] начнут молити тя наши посланници, что мы[89] от твоего благородиа просим мира и любве; яко да церкви божиа безмятежно будет, и все православие в покои пребудет[90] под сущею[91] властию нашего царствиа и твоего волнаго самодръжавьства[92] Великиа Росиа; яко да нарицаешися отселе боговенчанный[93] царь, венчан сим[94] царскым венцем рукою святейшаго митрополита Кир Неофита с епископы». И с того времени князь
л. 370 вели||кый Владимер Всеволодичь наречеся Манамах,[95] царь Великыя Росиа. [96] И потом пребыста прочая времена с царем Констянтином[97] великый Владимер в смирении и[98] любви. Оттоле и доныне тем царскым[99] венцем венчаются великие князи владимерстии,[100] его же прислал греческый царь Констянтин Манамах, егда ставятся[1] на великое княжение руское.[2]

[77] *Нет Ж.* [78] воздаст *Д.* [79] *Нет К.* [80] *В списке З. неразборчиво написано* соглком и попом. [81–82] *Нет ЕК.* [83] *Нет Ж.* [84] богородства *Д.* [85] покорениа *ЗИ;* поклонениа *Ж.* [86–87] самодержства царскаго *Д.* [87–88] и о чем *ИЖК.* [89] *Нет Д.* [90] будет *З.* [91] нашею *З.* [92] державства *Ж;* державствия *К.* [93] благовенчанный *Д.* [94] *Нет Д.* [95] *Доб.* и венчан венцом в Киеве у Софеи премудрости божия святейшим митрополитом Кира Неофита и епископ *Д.* [96–99] пребыста царем великый Владимер в смирении и любви. Тем *З.* [97] *Доб.* князь *К.* [98] *Нет В.* [100] *Доб.* и московстии *И.* [100–II 2] и московстии *З.*
II [1] поставляются *Е.*

СКАЗАНИЕ О КНЯЗЬЯХ ВЛАДИМИРСКИХ. ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ

Основной текст: Список ГИМ, собр. Синодальное, № 792 . . . . . . *Х*
Разночтения:
Список БИЛ, собрание Троице-Сергиевой лавры, № 740 . . . . *У*
Список ГИМ, собрание Уварова, № 537, в 4-ку . . . . . . *Ч*
Список ГПБ, F.IV.238 . . . . *Г*
Список ЦГАДА, фонд 181, № 20/25 . . . . *Н*
Список ГПБ, собрание Соловецкого монастыря, № 962 . . . . *Е*
Список ГПБ, Q.XVII.149 . . . . *Ж*
Список ЦГАДА, фонд 196 (Мазурина), № 930 . . . . *З*
Список БАН, 17.8.2 . . . . *Т*
Список ЛОИИ, № 256 . . . . *Я*
Список ГПБ, собрание Титова, № 3439 . . . . *И*
Список БАН, 31.6.27 . . . . *Р*

[1]Сказание о[2] великих князех[3] владимерских [4]великиа Русия[5] л. 2

От[6] историа Ханаонова[7] и предела, рекомаго Арфаксадова, перваго сына Ноева, рожьшагося по потопе. По[8] отца своего Ноа[9] благословению разделися вся вселен||ная на три части трем л. 2 об. сыном его: Симу, Хаму и[10] Афету.[11] Извержеся от нерадениа Хам[12] от благословениа отца своего Ноа, зане не покры наготы[13] отца своего Ноа, упившася вином.[14] Егда[15] истрезвися Ной[16] от вина и вразуме, елико[17] сотвори сын его менший,[18] и рече: «Проклят буди Хам, да будеть[19] раб братома своима».[20] И благослови дву сынов своих Сима и Афета, иже покрыша наготу отца своего опакы[21] зрящи,[22] наготы же[23] не видеша. И благослови

I [1–5] от потопа вкратце летописчик *Р*. [2] *Нет ЕЖЗ*. [3] князей *ЕЖЗ*. [4–5] *Нет Ч*. [6] о *ТЯ*. [7] *Доб.* града *ТЯ*. [8] *Нет ЕЖЯЗТ*. [9] *Нет З*. [10] *Нет З*. [11] *Доб.* и *Н*. [12–13] *Нет ТЯ*. [13] срамоты *Ч* [14] *Доб.* и *Ч*. [15–16] Ной истрезвися *Ч*. [17–18] сын его менший сотвори *ТЯ*. [18] Хам *Н*. [19] *Доб.* Хам *Ч*. [20] *Доб.* и наготу отца своего *Ч*. [21] в знак *Ж*; паки *ТЯ*; вспять *Н*. [22–23] наготу отца своего *ТЯ*.

Симова[24] сына Арфаксадова,[25] яко[26] да вселится в пределех
Ханаоновых. И родишася две[27] близняте: первому имя Мерсем,[28]
второму[29] Хус, — сии началници Египту. И умножившимся их
л. 3 родом || по коленом. [30]Отлучися Хус[31] в глубочайшая страны
Индея[32] и распространися тамо на востоце; Мерсу[33] же умно-
жишася племена[34] даже[35] до сей страны. Афету же излишняя
племена от северных стран даже и до полунощиа. И воста не-
кий[36] началник того же роду именем Фарис в Калаврийскых[37]
странах и създа град во имя свое именем Арфакса.[38] Правнук же
его[39] именем Гайдуварсий,[40] сей[41] прьвый написа[42] астрологию[43]
в Асирии во пределех Симовех, и по сем Сотр. Прьвее всех
Сотр[44] воцарися во Египте[45] лет 20,[46] и по[47] колену его многа
л. 3 об. лета[48] преминуша. И от того роду нача царствовати Фили||кс,[49]
и той пооблада[50] вселенною. По Феликсе же, многым летом ми-
нувшим, въста некий царь[51] в Египте от того же роду именем
Нектанав волхв; сей роди Александра Макидонскаго[52] от
Аламписады,[53] жены Филиповы. Сей вторый[54] пооблада вселеною
лет 12,[55] и всех лет живота его 32,[56] и скончася, предаде Египет
ряднику своему Птоломею. Мати же Александрова по смерти
сына своего возвратися ко отцу своему Фолу, царю ефиопскому.[57]
Фол же вдаст ю ко[58] второму браку за Виза,[59] сродника Некто-
навова.[60] Виз же роди от неа дщерь и нарече ю[61] Антиа, и созда
л. 4 град в Сосвенех,[62] и нарече имя[63] граду тому во свое и||мя и
дщеры своеа Визъантиа, иже ныне[64] зовется Царьград. И пакы[65]
от[66] Александра[67] Макидонскаго премину[68] до Птоломеа[69] Про-
каженнаго во Египте Птоломеев[70] 22.[71]

Птоломей же Прокаженный имеа дщерь зело[72] премудру именем Клеопатру, и та правяше[73] Египетьское царство[74] под отцем своим Птоломеем.[75] И в то же[76] время Иулие, кесарь римскый,

---

[24] Сима *Е*. [25] Арфаксада *ЗН*. [26] иако *Ч*. [27] *Нет Н*. [28] Герсем *Н*. [29] *Доб*. имя *Ч*. [30–31] отлучахуся *ЕТ*. [31] *Нет Ч*. [32] Индийския *Н*. [33] Герсему *Н*. [34] племя *Н*. [35] *Нет Ч; доб*. и *ЕЖЯЗТ*. [36] первый *У*. [37] Кулаврейских *Е*. [38] Арфукса *Е;* Афракса *И;* Арфаска *Я*. [39] *Нет Ч*. [40] Гандуварсий *ТЧЯ;* Гудоварий *З;* Гундаварий *ЕЖ*. [41–42] написа первый *ЯТ*. [43] стологию *Е;* астологию *Т*. [44] Сотрю *ГН*. [45] *Доб*. и царствова *Н*. [46] два десят *Е*. [47] *Нет Ч*. [48] *Нет У*. [49] Филиксей *ЖЯЗ*. [50] *Так в ЧУЕЖЗТЯНИР; в рукоп*. пооблагода; *доб*. всю *ЖЗ*. [51] человек *З*. [52] *Доб*. царя *И*. [53] Алимпияды *ЧИ;* Алимпиады *ЕУЖЗТ*. [54] второе *Ч*. [55] дву на десять *Е*. [56] три десять два *Е*. [57] египетскому *ТЯ*. [58] *Нет УТЯ*. [59] Виса *Е*. [60] *Так в УЕЖР; в рукоп*. Нектанавола; Нектонаева *ТЯ;* Нектананова *ЧЗ*. [61] имя ей *Ж*. [62] Созсвенсх *ЕЖ;* Сосвинех *И*. [63] *Нет ЕЖЯТ*. [64] *Нет ЯТ*. [65] как *ЕЖТЯЗ*. [66] *Нет ЕЖТЯЗ*. [67] *Доб*. царя *ЕЖ*. [68] *Доб*. и *ЯТ*. [69] *Доб*. царя *ЕЖЗ*. [70] Птоломииве *Ч;* Птоломей *ЕЯ;* Птоломей пожив лет *ЖЗ*. [71] два десят два лета царствова *Е; доб*. лета *ЯТ*. [72] *Нет ЖЯТ;* з *Р*. [73–74] царство свое *ЕЖЗ*. [75] *Нет ЯТ*. [76] *Нет ЯЗТ*.

«Сказание о князьях владимирских», вторая редакция. Список ГИМ, собр. Синодальное, № 792 л. 2.

посла зятя своего Антонина, стратига римскаго, воинством на Египет. [77] Антонину же пришедшу с многими вои по суху и по морю [78] на бран [79] ко Египту,[80] посла же Клеопатра ко Анътонину, стратигу римскому, послы своа [81] з дары [82] многыми,[83] глаголюще: [84] «Ве||си ли, о стратиже римский, египетское царство и богатство, [85] лучи ми есть с покоем царствовати,[86] нежели [87] с малоумием излиати крови человеческиа». [88] Умили же ся [89] Антонин и [90] приат Египет бес крови, [91] и посяже за неже [92] царица Клеопатра [93] премудрая; [94] и въцариси [95] Антонин [96] во Египте. Услышав [97] Иулие, кесарь римский, Антониининово презорство, и постави брата своего Августа стратигом [98] над ипаты, и послав его с четырми браты своими и с всею областию римскою на Антонина.[99] И пришед Август [100] и взят Египет, и уби зятя своего Антонина, и [1] сам седе во Египте. И [2] взяв же [3] Клеопатру царицу, дщерь Птоломеа царя || Прокаженнаго, и посла ю в Рим в кораблех с многым богатством египетскым. И Клеопатра уморися [4] ядом [5] аспидовым,[6] во уме [7] глаголющи: [8] «Лучши ми есть [9] царици египетской смерть приати,[10] нежели пленицею приведенной быти в Рим».

л. 4 об.

л. 5

Въсташа же ипаты на Улиа кесаря: Врутос,[11] и Помплий,[12] и Крас; и убиста его в Риме.[13] И скоро прииде весть ко Августу во Египет о Улиеве смерти. Он же зело [14] опечалися о братнии смерти и скоро съзва вся воеводы, и чиноначалникы,[15] и нумеры, и препроситы,[16] и възвещает им смерть Иулиа, кесаря римскаго. Они же единогласно реша,[17] римляне и египтяне: «О преславный стратиже, Иулиа || кесаря [18] брата твоего [19] от [20] смерти [21] въставити не можем,[22] а твое величество венчаем [23] венцем [24] римскаго царства».[25] И облекоста его во одежу [26] Сеострову, началнаго царя Египту, в порфиру и висон, и препоасаста его поасом дермлидом,[27] и възложиста на [28] главу его [29] митру Пора, царя индей-

л. 5 об.

77–78 *Нет ТЯ.* 79–80 *Нет ЯТ.* 81–83 со многими дары *З.* 82 *Доб.* со *Ч.* 84 *Нет Ж.* 85–86 *Нет ТЯ.* 87 неже *Е.* 88–89 умилив же ся *ЕЖЗТ;* умилися же *Н.* 90 *Нет ЕЖЗ.* 91–94 *Нет Ч.* 92 него *УЕЯН;* на *ИР.* 92–93 Клеопатра царица *З.* 95 поцаре *Я.* 96 *Так в РЧУЕЖЗН; в рукоп.* Антонии; Антонине *Т.* 97 *Доб.* же *ЗН.* 98 *Нет У.* 99 *Так в ЧУЕЖЯЗНРТ; в рукоп.* Антониа. 100 *Так в ЧУЕЖЯИЗНРТ; в рукоп.* Авгус.

II 1 а *Ж.* 2 *Нет И.* 2–3 взяше *Е.* 3 жену его *Н; доб.* сие *ЯТ; доб.* и *И.* 4–6 ядовитым ядом *ЯТ.* 5 *Так в ЧУЕЖЗНИР; в рукоп.* адом. 7 *Доб.* своем *Т.* 8 *Доб.* своем *Я.* 9–10 умереть царицею египетской *ТЯ.* 11 Врутас *Е;* Прутос *Т;* Протос *Я.* 12 Панплий *ЕЖЗ;* Помпай *ЯТ.* 13 мире *Е.* 14 з *Р.* 15 началники *ЕЖЗ.* 16 препоситы *ТЯН.* 17 рекоша *И.* 18 *Так в ЧГУЕЖИРЯЗНТ; в рукоп.* кекесаря. 19 *Доб.* не можем *З.* 20 о *Ч.* 21–22 избавити *З.* 22 может *Ч.* 23–25 римскаго царьства венцем *ЕЖЗ.* 24 *Доб.* царским *ЯТ.* 26 *Доб.* в *ЗЖ.* 27 дерблидом *Е.* 28–29 него *ЯТ.*

скаго, юже [30] принес Александр, царь Макидонский, [31] от Индеа, и приодеша его [32] по плещама окроиницею царя Филикса, владущаго [33] вселенною, и радостне въскликнуша велиим гласом: «Радуйся, Августе, царю [34] римский [35] всеа вселенныа!».

[36] В лето 5 (*тысяч*) четыреста 57-е Августу, кесарю римскому,
л. 6 грядущу во Египет с [37] своими ипаты,[38] || иже бо [39] власть египетская ро*да* [40] Птоломеева. И срете его Ирод Антипатров,[41] творя ему велие послужение [42] вои [43] и [44] пищею и дарми. Предаде же [45] бог Египет [46] и Клеопатру [47] в руце Августу. Август же начат дань [48] покладати [49] на [50] вселенней. И [51] постави брата своего Патрикиа царя Египту; Августалиа,[52] другаго брата своего, постави [53] Александрии властодръжца; Ирода же Антипатрова Асколотянина [54] за многиа [55] ради его [56] почести постави [57] царя над Июдееюю [58] во Иерусалиме; Асию [59] же [60] поручи Евлагерду, сроднику своему; Алирика [61] же,[62] брата своего, постави в повер-
л. 6. об. шии Истран; [63] Пиона постави во Отоцех Златых, иже || ныне наричются [64] Угрове; а Пруса,[65] сродника своего, [66] в брезе [67] Вислы реце [68] в граде Малъборек,[69] и Турн, и Хвоини,[70] и прословы Гданеск,[71] иные многие горады по реку, глаголемую Немон, впадшую в море. И жит Прус многа времяна [72] и до четвертаго роду; [73] и [74] оттоле и до сего времени [75] зовется Прускаа земля.

' И в то время некий воевода новгородцкий именем Гостомысл [76] скончевает свое житие и созва вся владелца Новагорода [77] и [78] рече им: [79] «О мужие новгородци,[80] совет даю [81] вам аз,[82] яко да [83] пошлете в Прускую землю мужа [84] мудры,[85] призовите от тамо сущих [86] родов владелца себе». Они же шедше в Прускую
л. 7 землю и [87] обре||тоша тамо некоего князя именем Рюрика,[88] суща

[30–31] Александр царь Македонский принес *У*. [32] *Нет Ж*. [33] владеющаго *ГЖЗ*. [34] цесарю *ЕЖЗ*; кесарю *ЯТ*. [35] *Доб.* и *ЖЗ*. [36–82] *Нет Ж*. [37] *Нет Ч*; со всеми *И*. [38] ипаки *ЕТЯЗ*. [38–39] же ибо *Е*; же и *ЯТ*. [39] *Нет ГН*. [40] *Так в ГЕЗНИР; в рукоп.* ро; града *Т*; рада *Я*. [41] Антопатров *А*. [42] послушание *Е*. [42–44] а воини *ЕЗ*. [43] воины *ЯТ*. [45] *Нет ЕЯТ*. [46] *Так в ИЧУЕЯЗНЖРТ; в рукоп.* Египетр. [46–47] Ирода Антипатрова *Ч*. [48] *Так в ИЧГУЕЗНЖРТ; в рукоп.* дано; дан *Я* [49] *Так в Ч; в рукоп.* подкладати; подкладывати *УЯТ*. [50] во *ЕЯТ*. [51] *Нет ЯТ*. [52] Августала *Е*; *доб.* а *Н*. [53] *Доб.* во *Е*. [54] Исколотянина *Е*; Асколотенина *И*. [55–56] его ради *Н*. [57] *Доб.* его *ЯТ*. [58] *Так в У; в рукоп.* Индеею; Оиндеею и *Е*. [59] Осию *З*. [60] *Нет З*. [61] Алиришка *Е*; Илирика *ЗН*. [62] *Нет ЕЗИ*. [63] Истра *Е*. [64] нарицаютца *Т*. [65] Проса *ЯЗТ*. [66–68] в рези Вислы рецы *Т*. [67] рези *Я*; бре *З*. [69] Малборок *ЕГЯЗНТ*. [70] Хвонии *ЗИ*. [71] *Доб.* и *ЕЧГЯЗНТ*. [72–73] лет *ТЯ*. [74] *Нет Г*. [75] дни *Е*; дне *З*. [76] Стомысл *Ч*. [77] новогодстии *З*. [78–79] речем *Ч*. [80] новогородстии *Н*; ноунногодцкие *Е*. [81–82] аз вам *З*. [83] же *Ч*. [84] мужи *Н*. [85] *Доб.* и *ГЗНР*. [86] *Доб.* и *ЯТ*. [87] *Нет ЕЖЗР*. [88] Рюрикина *Е*; *доб.* а *ЯТ*.

от рода римскаго Августа царя. [89] И молиша князя Рюрика посланници от всех новгородцов, дабы шел к ним княжити.[90] Князь же Рюрик прииде в Новгород, имеа с [91] собою два брата; имя единому Трувор,[92] а другому Сенеус,[93] а третий племяник его [94] с ним [95] именем [96] Олег. И от [97] того времени и [98] наречен бысть [99] Великий Новъград; и нача князь великий Рюрик прьвый [100] княжити в нем в лето 6375.[1] От великаго князя Рюрика [2] князь велики [3] Владимер 4-е колено, иже просвятил Рускую землю святым крещением [4] в лето 6496-е.

Поставление великих князей руских,[5] откуду бе и како || начашася ставити на великое княжение святыми бармами и царскы венцем. л. 7 об. В лето 6622 бысть сий [6] князь великий Владимер Всеволодич Манамах, князь великий киевъский, правнук великого князя Владимера, крестившаго [7] Рускую [8] землю,[9] от него же чьтвертое колено. Той бо [10] Манамах прозвася от таковыа вины. [11] Егда седе [12] в Киеве на великое княжение,[13] начат съвет творити со князи своими, и з боары, и с [14] велможи, глаголя так рек: [15] «Еда аз мал есмь иже [16] преже мене царствовавших и хоругви правящих скипетра Великиа Росиа,[17] яко же князь великий Олег ходил и взял из [18] Царяграда велию дань на вся [19] воа своа [20] и здрав || возвратися восвоаси,[21] и потом князь великий Всеслав л. 8 Игоревич ходил и взял на Костянтине граде тяжчайшую дань. А мы есмь божиею милостию настолници своих прародителей [22] и отца моего [23] великого князя Всеволода Ярославич и наследници [24] тоа же чести [25] от бога [26] сподоблени. И ныне убо [27] съвет ищу от вас, моеа полаты князей, и боар, и воевод, и всего над [28] вами христолюбиваго воиньства; и да [29] превознесется имя святыа [30] живоначалныа Троица вашаа храбрости могутством божиею волею с нашим [31] повелением; и кий ми совет противу [32] воздаете?». Отвещаста же великому князю Владимеру Всеволодичю князи, и боаре его,[33] и воеводы и ре||ша ему: «Сердце л. 8 об.

[89–90] *Нет ТЯ.* [91] *Нет Ч.* [92] Трувар *ГН;* Тровор *Е.* [93] Синеус *ЧЕЖЗТ.* [94] *Нет ЯЗТ.* [95–97] князь великий *З.* [96] имя ему *ТЯ; нет И.* [98] *Нет УЕЖЯЗНИРТ;* нии *Г.* [98–99] наречеся *Т;* начался *Р.* [99] *Нет Я.* [100] первы *Ч;* первый *УЕЖ; нет ТЯ.*

III [1] 6370 *Н.* [2–3] великий князь *ЖН.* [4] *На этом кончается текст в списке З.* [5] российских *Н.* [6] *Нет НИТ.* [7] просветившаго *ЕЖ.* [8] Российскую *Н.* [9] *Доб.* святым крещением *И.* [10] бысть *Ч;* же *Е.* [11–12] *Нет ГН;* его да седе *Т.* [13] *Доб.* тогда *Е; доб.* и *ЯТ.* [14] *Нет Е.* [15] *Нет ЕН.* [16] *Нет Ж.* [17] *Нет ЕЖ.* [18] с *ЕРТ;* з *ИГ;* со *ЖН.* [19] *Нет ЯТ.* [20] *Нет ЯТ.* [20–21] *Нет Ж.* [22] родителей *ЯТ.* [23] своего *ЧЕЖЯТ.* [24] настолницы *Т.* [25–26] *Нет ЖЯТ.* [27] *Доб.* совет *Р.* [28] под *Н.* [29] *Нет ЯТ.* [30] пресвятыя *Н; доб.* и *ЕЖ.* [31] вашим *ТЯ.* [32] *Нет ЕЖТЯ.* [33] *Нет ЯТ.*

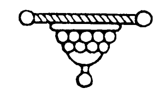
царево в руце божий, яко же есть писано, а [34] мы вси есмы раби твои и [35] под твоею властию».[36] Великий же князь Владимер збирает воеводы благоискусныи [37] и благоразумныи и богоразсудныи,[38] поставляет чиноначалники [39] над различными чины борениа тысящники,[40] и сотники, и пятдесятникы; [41] и съвокупи многи тысяща воинъств, и отпусти [42] их на Африкию [43] Царяграда области; [44] и [45] поплениша их [46] доволно, и возвратишася с многым богатством здравии [47] восвоаси.

Тогда [48] бе во Цареграде [49] благочестивый царь Костянтин Манамах, и [50] в то время брань имеа с персы и с латыни. И [51] составляет же [52] съвет благъпремудре [53] и царский,[54] отряжает убо послы [55] к ве||ликому князю *Владимеру* [56] Всеволодичю: (л. 9) митрополита ефескаго Неофита от Асиа и с ним два епископа, митулинскаго [57] и милитинского,[58] и стратига антиохийскаго,[59] игемона иерусалимскаго Иеустафиа, и иных своих [60] благородных. От своеа же царскиа выа [61] снимает [62] животворящий крест от самого [63] животворящаго древа,[64] на нем же распятся владыка [65] Христос. Снимает же от своеа главы и царский венецъ и поставляет его на [66] блюде злате.[67] Повелевает же принести и [68] крабеицу сердоликову, из неа же Август,[69] царь римский, веселяшеся. Посылает же и ожерелие,[70] сиреч святыа бармы, иже на плещу свою,[71] и чепь [72] от злата аравийска скованну, и [73] иныи многы дары царскиа.[74] И дасть их [75] митрополиту Неофиту и епископом и своим благородным посла||нником, и отпусти их (л. 9 об.) к великому князю Владимеру Всеволодичю, моля его глаголя: «Прийми от нас, о [76] боголюбивый [77] благоверный княже, сиа честныа дарове, [78] иже от начала вечных [79] лет твоего благородиа [80] и поколений [81] царскых жребий [82] на славу и честь на вен-

---

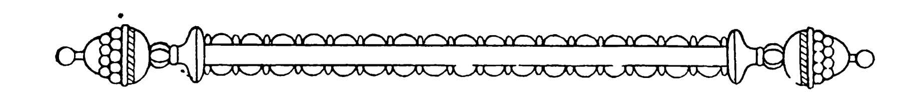
[34] но *ЯТ*. [35] *Нет ЕЖ*. [36] областию *Ч*. [37–38] благоразсудны и благоразумны *И*. [38] благоразсудны *ЧЕЖЯТ*. [39] *Доб*. и *Р*. [39–40] *Нет ЕЖТЯ*. [41] пятодесятоначалники *Н; нет ТЯ*. [42] опусти *Ч*. [43] Афракию *ЧЕТИ*; Фракию *ЖН*. [44] *Доб*. они же шедше *Е*. [45] *Нет Е*. [46] тамо *Ч*; иже *Р*. [47] *Нет Т*. [48] *Доб*. ж *ГР*. [49] граде *Н*. [50] *Нет Ч*. [51] *Нет Н*. [52] *Нет ЕЖЯТ*. [53] премудры *ЧЖ*; премудрый *Н*. [53–54] царь *Н*. [54] церкви *Г*. [55] *Доб*. своя *Ж*. [56] *Так в ЧУЕЖТЯН; в рукоп. нет*. [57–59] *В рукоп. написано на полях тем же почерком*. [58] милитиискаго *ТГЕ*; мелетиискаго *Ж*. [58–59] *Нет Ч*. [59] *Доб*. и *Е*. [60] многих *У*. [61] свояси *ЯТ*. [62] имает *ЯТ*. [62–63] *Нет ЯТ*. [63–64] животворящее древо *ЯТ*. [65] господь наш Иисус *ЯТ*. [66–67] злате блюде *У*; блюдо злато *Е*. [67–71] посылает же и ожерелие, сии бе святыя бармы, иже на плещу свою. Повелевает же принести крабицу сердоликову, из нея же Август, царь римский, веселяшеся *ЯТ*. [68] *Нет ЕЖИ*. [69] *Так в Ч; в рукоп*. Августиа; Августина *Г*; Августиан *Н*. [70] ожерелия *И*. [72] *Так в ЧГУЕЯНЖР; в рукоп*. чепо. [73–74] иными многими дарьми царьскими *ЯТ*. [75] *Нет ЧИ*. [76] от *Ч*; нет *ЖЕТ*. [77] *Доб*. и *ГЕИЖТ*; благолюбивый *Г*. [78–80] *Нет ЕТЯ*. [79] *Доб*. благо *Ч*. [80] родства *Ж*. [81] поколеном *Е*; поколени *Ж*. [82] *Нет Ч*.

чание твоего волнаго[83] и самодеръжавнаго царствиа. О нем же начнут молитися[84] наши посланници, что мы от твоего благородиа просим мира и любве; яко да[85] церкви божиа будут,[86] и все православие в покои пребудет под сущею властию[87] нашего царства и твоего волнаго самодеръжавства Великиа Росиа; яко да нарицаешися[88] отселе[89] боговенчанный[90] царь, венчан сим царским[91] венцем рукою святейшаго митрополита || Кир[92] л. 10
Неофита с епископы». И с того времени князь великий *Владимер*[93] Всеволодичь[94] наречеся Манамах, царь Великиа Росиа. И потом пребыста[95] прочая времяна[96] с царем Костянтином князь великий Владимер[97] в мире[98] и[99] любви. Оттоле и доныне тем царским венцем[100] венчаются великие князи владимерстии, его же прислал греческий царь[1] Костянтин Манамах, егда ставятся[2] на великое княжение руское.[3] А[4] преставися князь великий Владимер киевский[5] Манамах в лето[6] 6633,[7] княжив в Киеве лет 13, а жил всех лет[8] 73, и положен бысть во[9] святей Софеи в Киеве маиа в 19 день.[10]

[83] *Нет Ж.* [84] молити тя *Ж.* [85] от *Е.* [86] *Так в Ч; в рукоп.* будет. [87] *Нет Ж.* [88] рицаешися *У.* [89] *Нет Ж.* [90] благомвенчанный *Ч;* благочинный *ЯТ.* [91] *Так в ГЧУЕЖРТ; в рукоп.* царскиим. [92] *В рукоп. доб.* и; Кира *Е.* [93] *Так в ЕЧУЖЯНИТ; в рукоп. нет.* [94] *Так в УЕЯНРТ; в рукоп.* Всеводичь; Всеволодович *Ж.* [95] *Доб.* та *Я.* [96] время *Ч;* лета *ТЯИТ.* [97–98] *Нет Ч.* [99] *Доб.* в *ЧУ.* [100] *Нет ТЯ.*

IV [1] *Нет Е.* [2] поставятся *ЕЖЯРТ.* [3] *Нет Ч;* росийское *ЖН.* [3–10] *Нет Р.* [4] *Нет Ж.* [5] *Нет ЧИ.* [6–8] *Текст в списке Ч написан на полях внизу.* [7] 6683 *Н.* [9] *Доб.* церкви *Н.*

ВСТУПЛЕНИЕ К ЧИНУ ВЕНЧАНИЯ НА ЦАРСТВО ФЕДОРА ИОАННОВИЧА («ПОСТАВЛЕНИЕ» ПЕРВОЙ ПОДГРУППЫ)

Основной текст: Список ГПБ, Q.XVII.270 . . . . *Л*
Разночтения:
Список БИЛ, собрание Общества истории и древностей российских, № 16 . . . . *М*
Список ГИМ, собрание Уварова, № 331, в 4-ку . . . . . . *Н*
Список ГИМ, собрание Музейное, № 3123 . . . . *О*
Список ЛОИИ, собрание Археографической комиссии, № 43 . . *П*
Список ГПБ, Q.IV.65 . . . . *Р*
Список ГПБ, F.XVII.19 . . . . *С*
Список ГИМ, собрание Уварова, № 11, в 4-ку . . . . *Т*
Список ГИМ, собрание Музейное, № 3248 . . . . *У*

л. 16 [1]Поставление[2] великих князей руских, [3]откуду бе[4] и како начашася[5] ставити на великое княжение святыми бармами и царьским венцем[6]

В лето 6622 бысть сий[7] князь великий Владимер Всеволодичь[8] Манамах, [9]князь великий[10] киевский,[11] правнук великаго князя Владимера, крестившаго[12] Рускую землю,[13] от него же четвертое колено. Той бысть[14] Манамах прозвася от таковыя вины. Егда[15] седе в Киеве на великое княжение, начат [16]совет творити[17] со князи своими, и з бояры, [18]и с велможи,[19] глаголя тако рек: [20] «Егда аз[21] мал есмь[22] иже преже мене царствовавших

I [1] *Перед текстом написано* 1727 году марта 2 чин и *О*. [2] О поставлении *СТУ*. [3–6] на великое княжение святыми бармами и царским венцем откуду бе и како начаша ставитися *СТ*. [4] бог дарова *М;* убо *П;* бо *О*. [5] *Нет О;* зачашася *Р*. [6] *Доб.* глава 15 *О*. [7] *Нет МНУ;* в Киеве *П*. [8] *Доб.* рекомый *СТУ*. [9–10] *Нет М*. [9–11] *Нет П*. [12] просветившаго *РСТУ*. [13] *Доб.* святым крещением *СТУ*. [14] бо *РСТУ*. [15] его, да *Н;* еда *У*. [16–17] советовати *О*. [18–19] *Нет О*. [19] *Доб.* своими *РТУ*. [20] *Нет МП*. [21–22] есмь мал *РУП*.

и хорухви правящих[23] скипетрь Великия Росия,[24] яко же князь великий Олег[25] ходил и взял из[26] Царяграда великую[27] дань на вся воя своя[28] и здрав[29] возвратися васвояси;[30] и потом князь великий Всеслав[31] Игоревич ходил и взял на[32] Констянтине граде тяжчайшую дань.[33] А мы есмы божиею милостию настолницы[34] своих прародителей[35] и отца своего великаго князя Всеволода Ярославича и наследницы тоя[36] же чести[37] от бога[38] сподоблени. И ныне убо[39] совету ищу[40] от вас, моея полаты князей, и бояр, и воевод, и всего[41] над вами[42] христолюбиваго воинства;[43] || и да[44] превознесется имя святыя живоначалныя[45] Троица вашия храбрости могутством[46] божиею волею[47] с нашим[48] повелением;[49] и кий ми[50] совет противу[51] во́здасте?» л. 16 об.
Отвещаста же великому князю Владимеру Всеволодичю князи, и боляре его,[52] и воеводы[53] и реша ему:[54] «Сердце царево[55] в руце божии,[56] яко же есть писано, а мы[57] вси есми[58] раби твои и под твоею властию».[59] Великий же князь Владимер збирает воеводы благоискусныи и благоразумныи[60] и благоразсудныи,[61] поставляет чиноначалники[62] над различными[63] чины борения[64] тысячники,[65] и сотники,[66] и пятидесятники;[67] и совокупи многи тысяча воинств,[68] и отпусти их на Афракию[69] Царяграда области; и попленишa тамо[70] доволно, и возвратишася со многим богатством здравы[71] восвояси.

Тогда бе[72] во Цареграде благочестивый царь Констянтин Манамах,[73] в то время[74] брань имея с персы и с латынею.[75] И составляет же[76] совет благопремудрый[77] царский,[78] отряжает[79] убо послы к великому князю Владимеру Всеволодичю:

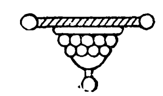
[23] *Нет У.* [24] *Доб.* правящих *У.* [25] *В рукоп. сверху другими чернилами приписано* рязанский. [26] со *Н;* с *РСТУП.* [27] *Нет Р (оборван лист);* велию *С.* [28] *Нет Н.* [28–29] взяти *О.* [30] *Нет М.* [31] *В рукоп. сверху другими чернилами приписано* Святослав; Святослав *П;* Веслав *С.* [32] *Доб. том же М.* [33] *Доб.* наложи *О; доб.* и на убиенное воинство *П.* [34] настолицы *С.* [35] родителей *Н.* [36] с тое *Н.* [37–38] *Нет НРСТУП.* [39–40] советующа *М;* советующу *О.* [40–43] ми к вам от полаты ево князем и боляром и воевод и всему христолюбивому воин *М.* [41–42] *Нет П;* под вами *У.* [44] *Нет Н.* [45] *Нет О.* [46] мужество да явиться *П;* могуществом *У.* [47] милостию *П.* [47–49] по нашему повелению *У.* [48] вашим *Н.* [50] нам *О.* [51] *Нет РСТУ; доб.* ныне *Н.* [52] *Нет МС.* [53] *Доб.* его *С.* [53–54] его, глаголюще *М.* [54] *Доб.* сице *Т.* [54–55] царство *Т.* [56] *Нет Р (оборван лист).* [57–58] есмя вси *РСТУП.* [59] *Так в МНО; в рукоп.* областию; паствою и властвою *С;* пастьвою и властию *РТУ.* [60] *Нет РСТУ.* [61] *Нет П.* [62–65] *Нет НРСТУ.* [63–64] воинствы и *П.* [64] *Нет О.* [65–66] *Нет Т.* [66–67] *Нет Н.* [67] *Доб.* над различными чинми борения *П.* [68] воединство *Р.* [69] Фракию *П;* Афросию *Т.* [70] их *Н;* их области *РСТУ.* [71] *Нет Н.* [72] же *П; доб.* царствуя *П.* [73–74] *Нет О.* [75] *Доб.* слышав Фракию пленуему *П.* [76] *Нет РСТУ.* [77] благопрямый *С;* богпрямый *ТУ.* [78] зело царского чину *М;* царьсы *СТ.* [79] *Испр.; в рукоп.* отражает.

[80] ефескаго Неофита митрополита [81] от Асия [82] и с ним два епи-
л. 17 скопа, || митулинскаго [83] и милитинскаго,[84] игумена [85] иерусалимь-
скаго [86] Иеустафия, и иных [87] своих [88] благородных. [89] От
своея [90] же царския [91] выя [92] снимает [93] животворящий [94] кресть от
самаго [95] животворящаго древа, на нем же распятся владыка
Христос. Снимает же от своея главы царский венец и поставляет
его на [96] блюде злате.[97] Повелевает же принести [98] и [99] крабицу
сердоликову, из нея же Август,[100] царь римский,[1] веселяшеся.[2]
Посылает же [3] и [4] ожерелье, сииречь [5] святыя бармы,[6] иже [7] на
плещу свою,[8] и чепь [9] от злата [10] аравийска скованy,[11] и ины мно-
гия дары царьския.[12] И дасть [13] митрополиту Неофиту и еписко-
пом [14] и своим [15] благородным посланником, [16] и отпусти их [17]
к великому князю [18] Владимеру Всеволодовичю, моля его гла-
голя: «Прийми [19] от нас,[20] о [21] боголюбивый [22] благоверный [23]
княже, сия честныя [24] дарове, [25] иже от начала вечных благолет [26]
твоего благородия [27] и поклонений [28] царских [29] и [30] на славу и
честь на венчание твоего волнаго [31] и самодержавнаго царствия.
О нем же начнут молитися [32] наши посланницы, что мы от
л. 17 об. [33] твоего благородия [34] просим мира и любве; || яко да церкви
божия [35] будут, и все православие в покои пребудут под сущею
властию нашего царства и твоего волнаго самодержъства Вели-
кия Росия; яко да нарицаешися отселе [36] богом венчанный [37] царь,
венчан сим [38] царским венцем рукою святейшаго митрополита
Кир Неофита со епископы». И с того времени князь великий Вла-
димир Всеволодич [39] наречеся [40] Манамах, царь Великия Росия.

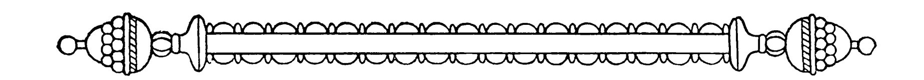
[80–81] митрополита ефеского Неофита *РСТУ*. [81–82] *Нет П*. [83] метелинского *Н*; митилинскаго *Р*; *нет Т*. [83–86] *Нет С*. [84] милитииского *Н*; мелетиискаго *РТУП*; *доб.* и стратига антиохийскаго *Н*; *доб.* и Антипатра, стратига антиохийскаго, и Августа александрийскаго *П*. [84–86] *Нет У*. [85] игемона *НРТП*. [87] *Испр.*; *в рукоп.* инех; *доб.* многих *О*. [88] *Нет П*. [89–90] со своея *У*. [89–93] снимает и от своея выи *П*. [91] церквия *Н*. [92] свояси *Н*. [93] имает *Н*. [93–95] *Нет Н*. [94] *Нет П*. [96–97] златом блюде *М*. [97–98] *Нет У*. [99] *Нет РСТУ*. [99–II 2] *Нет НУ*. [100] Августиян *М*; Августия *РС*. [100–II 1] римский кесарь *П*.

II [2–3] *Нет П*. [4] *Нет РСТУ*. [5] сии бе *Н*. [5–6] *Нет П*. [7] *Нет Т*. [8] *Доб.* возлагаше *С*; воскладаше *М*; *доб.* ношаше *П*; *доб.* полагаше *Т*; *доб.* повелевает же принести крабицу сердоликову, из нея же Август, царь римский, веселяшесь *Н*. [9–10] златую *ОСТ*. [11] *Нет П*. [12] *Доб.* повелевает же принести и крабицу сердоликову, ею же Август, царь римский веселяшеся *У*. [13] вдасть *М*; предаст *П*; даша *Т*; *доб.* их *НРСТУ*. [14] кестспом *О*. [15] *Нет П*. [16–17] повелевая донести сия *П*. [18] государю *СТУ*. [19–20] *Нет Р (оборван лист)*. [21] *Нет РСТ*. [22] благолюбивый *РСТУ*. [23] *Нет П*. [24] *Нет Р (лист оборван)*. [25–27] *Нет НРСТУ*. [26] лет *П*. [28] поколени *МРСТУП*; *доб.* возлагаше *У*. [29] *Доб.* дарми *Н*; *доб.* жребий *РСТУ*. [30] *Нет РСТУ*. [31] великого *У*. [32] молити *М*; молити тя *РТУП*. [33–34] тебе благо *О*. [35] *Доб.* безмятежны *П*. [36–37] благовенчанный *СТ*. [38] *Нет П*; еси *РТУ*. [39] *Нет О*. [40] *Доб.* бысть *П*.

И потом[41] пребыста[42] прочее время[43] с царем Констянтином [44] князь великий Владимир[45] *в мире*[46] и в любве.[47] Оттоле[48] и доныне[49] тем царским венцем[50] венчаются[51] великии князь[52] владимерстии,[53] его же прислал греческий царь Констянтин Манамах,[54] егда ставятся[55] на великое княжение руское.[56] А[57] преставися князь великий[58] Владимир[59] Манамах[60] в лето 6633,[61] княжив в Киеве 13 лет, а[62] жил[63] всех лет[64] 73,[65] и положен бысть[66] в Киеве[67] во святей Софеи[68] маия в[69] 19 день.[70]

[41] *Нет П.* [42] пребысть та *Н.* [42–43] многая времена *РТУ.* [43] лета *Н.* [44–45] *Нет ОП.* [45–46] *Так в МНОПРСТУ; в рукоп. нет.* [47] *Доб.* великий князь Владимер *О.* [48–49] *Нет П.* [50] *Нет Н.* [51] *Доб.* вси благоверныя *П.* [51–53] *Нет Т.* [52–54] *Нет П.* [53] *Доб.* и всея Росии *О.* [55] Поставляются *ОСТУ;* поставятся *НР;* поставляхося *П.* [56] росийское *ОПРСТУ; доб.* тем же царьским венцем и благочестивыя государи цари и великие князи московские и всея России самодержцы и до ныне венчаются, егда поставляются на московское царство и всея России и на прочие государьства *П.* [57] и *О.* [58] *Доб.* киевский *П.* [59] *Доб.* Всеволодич *М; доб.* киевский *НРСТУ.* [60] *Доб.* нареченный во святом крещении Андрей *П.* [61] *Доб.* месяца маия в 19 день *СУ; доб.* месяца маия 10-го *Т.* [62–64] всех лет живота его *О;* всех лет поживе *П.* [63] живота его *М;* живе *Р;* поживе *СТУ;* [63–64] лет вкупе *СТУ.* [65] *Доб.* лета *ОРСТУ.* [66–68] во церкви святей Софеи в Киеве граде *СТУ;* во церкви святеи Софеи в Киеве *П.* [67] церкви *Н.* [68–70] *Нет СТУ.* [69] *Нет Р.*

ПОВЕСТЬ, НАЧИНАЮЩАЯСЯ С РАЗДЕЛЕНИЯ ВСЕЛЕННОЙ АВГУСТОМ

Основной текст: Список ГИМ, собрание Чудовского монастыря, № 264.
Разночтения: Список БИЛ, собрание Румянцева, № 253..... Р

л. 730 [1]Начало царема римски и всем православным великым князем[2]

В лето 5457[3] Августу, кесарю римскому, [4]сиречь царю,[5] грядущу во Египет са многими вои, на брань Клеопатрину. [6]Сия же бе Клеопатра сродница царю Августу,[7] понеже[8] бе прияла власть египетъскую, рода суще Птоломеева. И стрете его [9]Антипатров сын,[10] творя ему велию службу [11]*вои и пищею.*[12] Предай[13] же бог Египет и Клеопатру в руце Августу. Августу же нача ряд покладити на[14] вселенную. Постави брата своего Патрекеа царя Египту; и Августалия, другаго брата [15]*своего, постави*[16] Александреи властодрьжца; Киренеи и Сиреи положи[17] властодрьжца; и[18] рода Антипатрова Асколонитенина[19] за многия его[20] дары и почести постави его царем над Июдеею во Иерусалиме; и[21] Асию всю поручи Ев*лагерду*,[22] сроднику своему; а Илика,[23] брата своего, постави в повершьи Истра; [24] и Пимиона[25] постави в Затоцех Златых, во[26] еже ныне[27] нарицаются Угрове; и[28] Пруса, сродника своего, постави в брезех, [29]понеже град бе велий, глаголемый Марборак, и Тунру, и Хваиница пресловый град,[30] по реку, глаголемую Немон, впадшую в море. И[31] вселися [32]ту присно[33] многими времены лет,

---

I [1–2] Повесть о Аугусте кесаре *Р*. [3] 5456-го *Р*. [4–5] *Нет Р*. [6–7] *Нет Р*. [8] яже *Р*. [9–10] Ирод Антипатрон *Р*. [11–12] *Так в Р; в рукоп.* и вопиюще. [13] предаде *Р*. [14] *Доб.* всю *Р*. [15–16] *Так в Р; в рукоп.* ви. [17] сотвори *Р*. [18] от *Р*. [19] Асколонянина *Р*. [20] *Нет Р*. [21] а *Р*. [22] *Так в Р; в рукоп.* Евграду. [23] Иллирик *Р*. [24] *Доб.* реки *Р*. [25] Пиона *Р*. [26] *Нет Р*. [27] оные *Р*. [28] а *Р*. [29–30] Вислы реки во град, глаголемый Борборок, так же Тору и Хвоиница и пресловущий Гданеск *Р*. [31] *Доб.* тако *Р*. [32–33] Русь *Р*.

поживе до 4-го рода по колену племени своего. И оттоле и до сего времени[34] зовется Прусская[35] земля. || [36]Оттоле же начат л. 730 об.
в ней княжити князь велики.[37]

И в те времена неки воевода наугородскый именем Гостомысл сконьчевает житие[38] свое и созва влодца, [39]яже суть с ним в Новеграде,[40] и рече им: «О[41] мужие новагородстии, совет даю вама, [42]яко слете[43] вь Прасскую землю [44]мужа мудры[45] и призовете от тамо сущих радов».[46] Они же[47] по словеси его [48]послаше межа мужа избранны и премудрыи в Прус[49] и обретоша тамо некаего князя именем Рюрика, суща от рода римска царя Августа, — сей убо[50] Август кесарь пооблада всею вселенною, — и молиша князя Рюрика [51]от всего Новаграда,[52] дабы шел к ним княжити. Князь же Рюрик прииде в Новград, имея с собою два брата; имя 1-му[53] Тривур,[54] а [55]имя 2-му[56] Синяус, а третий племянник его именем[57] Алег.[58] И оттоле нарече бысть Новуграду первый князь великый Рюрик[59] в лето 6370.

[60]По княженьи[61] великаго князя Рюрика четвертае калено князь велики Владимир, иже просвети [62]Русскую землю[63] святым крещением в лето 6496.[64] От великаго блаженаго князя Владимира 4-е колена правнук его князь великий Владимир Всеволодичь || Маномах. И егда сяде в Киеве на великам княженьи, л. 731
совет творяше с князьми своими, и[65] з боляры, и со всеми[66] вельможами своими, глаголя: [67]«Еда же[68] аз есмь юнейши [69]прежде меня державных и хоругви правящих православныа великия Руси скипетр,[70] яко же князь великый Олег ходил и взял со Царяграда велию дань на [71]вся воя своя[72] и здрав [73]во своя возвратися;[74] и патом князь велики Святослав[75] Игаревич ходил ратью[76] и взял на Цариграде[77] тяжчайшюу дань. А мы есма божиею благодатью[78] настолници прародитель своих и отца моего [79]великаго князя Всеволада Ераславича,[80] наследници тоя же чести[81] от бога. И совета ищу от вас, моея полаты князи,

[34] *Доб.* по имени его *Р.* [35] Русская *Р.* [36–37] и от того времени начаша в ней княжити князи велицыи *Р.* [38] бытие *Р.* [39–40] сущая с ним Новаграда *Р.* [41] *Нет Р.* [42–43] яко да по смерти моей послете *Р.* [44–45] мудрые мужи *Р.* [46] *Доб.* владельцев прусских *Р.* [47] *Доб.* по смерти его *Р.* [48–49] шедше в Прусскую землю *Р.* [50] бо *Р.* [51–52] посланницы от всех новогородцев *Р.* [53] единому *Р.* [54] Тривор *Р.* [55–56] другому *Р.* [57] *Нет Р.* [58–59] и от того времени наречен бысть великий Новград, а князь великий Рюрик первый Р. [60–61] от *Р.* [62–63] землю Русскую *Р.* [64] *Доб.* а *Р.* [65] также *Р.* [66] *Нет Р.* [67–68] егда *Р.* [69–70] тех иже прежде мене державствовавших и хоругви царския правящих скипетра Великия Росии *Р.* [71–72] все воинство свое *Р.* [73–74] возвратися восвояси *Р.* [75] Всеслав *Р.* [76] *Нет Р.* [77] Констянтинове граде *Р.* [78] милостию *Р.* [79–80] Всеволода Ярославича великого князя *Р.* [81] *Так в Р; в рукоп.* чти.

и бояре, и воеводы, и всего под вами христалюбиваго воиньства; да превознесется имя святыя живоначалныя Троицы вашея храбрости [82] и могутьства [83] божиею волею с [84] нашим повелением; кый ми совет издаете?». Отвещаста же великому князю Владимиру Всеволодичю князи, и бояре, и [85] вся вельможи,[86] реша: «Сердце царево в руце божии, яко же пишет,[87] а мы есмы во твоей воли, государя нашего по бозе».[88] Великый же князь Владимир избирает [89] воеводы благоискусны и многаразумны ||
л. 731 об. и поставляет чиновники над различным [90] воинствам — тысущьники, и сотники, и пятидесятоначалники над различными чинами и бореньми; и савокупи многая тысящь воиньства,[91] и отпусти я [92] на Фрокию Царяграда; и плениша ю даволна, и возратишеся со многим богатеством во здравии мнозе восвояси.[93]

Тогда же бе во Цариграде царь благочестивый Коньстянтин Монамах, и в то время брань имея с персы и с латынаю. И составляет совет мудр [94] царски, и отрежает послы [95] к великому князю Владимиру [96] Всеволодичю: Неофита митраполита [97] и Асия ефеськыя [98] и с ним два епископа, мелетискаго и метелискаго, и стратилата [99] антиохискаго, [100] и Еустафия *и*гемона [1] иерусалимьскаго,[2] и иных [3] благородных с ними.[4] И от своея выя приемля животворящий крест от самаго животворящего древа, на немь же распятся владыка Христос. Снемлет же и венець царской от своея главы и поставляет его на блюде злате. И повелевает же принести крабицу сердаличную, из нея же Август, кесарь римьский, веселяшеся, и ожерелие, иже на плещу свою
л. 732 ношаше, || и чепь [5] злату, иже [6] от арависка злата искавану, и ины *мн*оги [7] дары царьскыя. И предаст я [8] Неофиту митраполиту со епископы и своим благородным [9] рядником, и посла их [10] к великаму князю Владимиру Всеволодичю, моля его и глаголя: «Приими от нас, боголюбивый благоверный княже, сия честныя дары от начатка вечных лет твоего [11] благородьства поклание, славу же и честь на вечное твое [12] волнаго самодрьжавнаго царьствия, [13] о ем же начнут молити наша послы.[14] И мы от

82–83 мужеством *Р*. 84 и *Р*. 85–86 воеводы его *Р*. 87 писано есть *Р*. 87–88 а мы вси по бозе во твоей государя нашего воли *Р*. 89 нача избирати *Р*. 90 *Доб.* своим *Р*. 91 *Доб.* избраннаго *Р*. 92 их *Р*. 93 *Доб.* О царе Констянтине *Р*. 94 свой масрды *Р*. 95 *Доб.* своя *Р*. 96 *Так в Р; в рукоп.* Вламиру. 97–98 от Ассии ефиискаго *Р*. 99 стратига *Р*. 100–II 2 игемона иерусалимскаго Иеустафия *Р*.

II 1 *Так в Р; в рукоп.* гемона. 3–4 своих благородных воевод *Р*. 5–6 *Нет Р*. 7 *Испр.; в рукоп.* ги; ины моги *Р*. 8 все тое *Р*. 9 *Нет Р*. 10 *Доб.* со благодарением *Р*. 11–12 родства поклонение в славу и честь и на венчание твоего *Р*. 13–14 и им иже будут наши послы молити, просити *Р*.

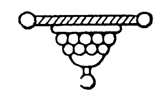
тваего благородия просим мира и любве; да [15] церкви божия без мятежа будут, и все православие в покои пребудет под [16] сущаго царствия нашея властя [17] и тваего волнаго самодерьжства великоя Руси; [18] да наречешися отселе боговенчанный царь, венчан [19] веньцем царскым рукою [20] святейшаго митраполита Кир Неофита и со епископы». И от таго времени князь велики Владимир Всеволадичь наречеся Маномах и царь Великия Руси. И пребысть с царемь Констянтинам прочая время в миру и любви. И оттоле тем венцем царьским, его же присла великый царь Констянтин Монамах греческый, венчаются великыи князи владимирстии, || егда поставляются [21] на великое [22] княжение русское. л. 732 об.

Во [23] царство же Коньстянтина Маномаха отлучися [24] Рим от Царяграда, и испаде папа римски [25] от веры православныя именем Фермос [26] и уклонися к лотыньству. Благочестивому же [27] Коньстянтину Маномаху от таковых вещех во мнозе печали сущу. И собирается сабор повелением царьским по благословению святейшаго потриарха Кир Илия,[28] и снидошася во царьствующий град потриарси александрьскый, и онтиахискый, и ерусалимьскый, [29] и митраполити,[30] и прочи святителие православныя веры. И советам духовным благочестивый царь Коньстянтин Маномах со святейшими вселеньскыми [31] четырьма потриархи [32] и сущих под ними митрополити и епископов, даже и до нижайших чинов, сиречь попов [33] и дьяконов, и извергоста папино имя ис [34] паралипоменя церковных престол четырех патриарх вселеньскых.[35] И от тех времен [36] и доныне лытают от православныя веры отпадше и наречени быша латына, и к тому [37] не поминается папино имя вь церковных преданих от четырех потриаршескых престол вселеньскых. || [38] Сей бо [39] блядивый Фермос не нарицается оттоле папа, но [40] отступник [41] нашея православныа веры християньския,[42] юже прияхом благовестием господа нашего Исуса Христа, сына божия, славя [43] господа [44] бога и святых учени его проповеданьми и вселеньскых [45] седми сабор [46] преданьми. Сей убо [47] акоянный Фермос пресече л. 733

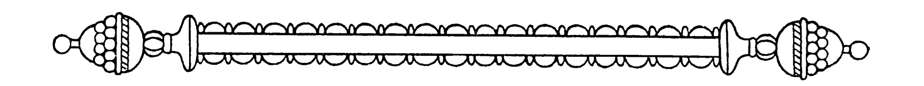
[15] а *Р*. [16–17] сущею властию нашего царствия *Р*. [18] *Доб.* се *Р*. [19] *Слово* венчан *в рукоп. написано два раза.* [20] *Так в Р; в рукоп.* руко. [21] ставятся *Р*. [22] *Так в Р; в рукоп.* векое. [23] а *Р*. [24] *Доб.* или отпаде *Р*. [25–26] Формос от веры православныя *Р*. [27] *Доб.* царю *Р*. [28] Иларија *Р*. [29–30] *Нет Р*. [31–32] четырми соборы с патриархи *Р*. [33] иериов *Р*. [34–35] патриаршества, понеже променя церковный креста четырех патриархов вселенских *Р*. [36] *Доб.* даже *Р*. [37] *Доб.* уже *Р*. [38–39] понеже бо он *Р*. [40] и *Р*. [41–42] от православныя веры *Р*. [43] слова *Р*. [44] *Нет Р*. [45–46] соборов *Р*. [47] бо *Р*.

живоначалныя Троица состав, введе в латыньскый язык четвертае лице божеству,[48] во еже исходити духу святому[49] и от сына, блядословяше. Мы же, православиа ученици, исповедуем безначална отца и собезначална сына[50] слова и сопрестолна суще святого духа, исходяща ис[51] пречистых недр отчи; единасущна бо есть[52] Троица — отець, и сын, и святый дух.[53]

---

[48] в божестве *Р*. [48–49] еже исходит святому духу *Р*. [50] *Доб.* его *Р*. [51] *Нет Р*. [52] *Доб.* святая *Р*. [53] *Доб.* О родословии *Р*.

РОДОСЛОВИЕ ЛИТОВСКИХ КНЯЗЕЙ (СЛЕДУЮЩЕЕ ЗА «ПОВЕСТЬЮ, НАЧИНАЮЩЕЙСЯ С РАЗДЕЛЕНИЯ ВСЕЛЕННОЙ АВГУСТОМ»)

Основной текст: Список ГИМ, собрание Чудовского монастыря, № 264.
Разночтения: Список БИЛ, собрание Румянцева, № 253... *Р*

В лето 6801[54] родослов*и*е[55] литовьскаго княжества начало.[56] По пленении безбожнаго царя Батыя бежа[57] от плена[58] неки князь[59] именем Витенець, рода[60] смоленьскаго князя[61] Ростислава Мстиславича, и вселися в Жемоти у некаего бортника. И[62] бортника таго[63] поял тщерь в жену собе и пребысть с нею 30 лет бездетен. И убиен бысть громам. [64]После же князя Витеньца[65] поял жену[66] его его же раб[67] канющець именем Гегименик. И роди от нея 7 сынов: 1. Наримонти, 2. Евнутик, 3. Олгордик, 4. Кестут,[68] || 5. Скергайлик, л. 733 об.
6. Корядик, 7. Мантовитик.

В лето 6825[69] и[70] князь Юрьи Данилович масковьскый и князь Михайло Ерославич[71] Тверьски поидоша в Орду[72] ко царю[73] о великам княженьи[74] во споре владимерьском.[75] Князь же[76] Михайло[77] Ерославич[78] Тверьски убиен бысть в Орде, а князь Юрьи Данилович прииде из Орды на великое княженье. И виде грады запустевшея многи и[79] люди[80] собирающеся вмале,[81] печалию содрьжим бе велиею[82] от таковом запусте-

---

[54] 5801-го *Р*. [55] *Так в Р; в рукоп.* родасловне. [56] *В рукоп. это слово приписано на полях.* [57] избеже *Р*. [58] *Доб.* его *Р*. [59] князиц *Р*. [60–61] смоленских князей *Р*. [62–63] *Нет Р*. [64–65] а после его *Р*. [66–67] раб его *Р*. [68] Кестутик *Р*. [69] 5825 *Р*. [70] *Нет Р*. [71] *В рукоп. на полях приписано* Ефтерски. [72–73] *Нет Р*. [74–75] володимирском во споре *Р*. [76] *Нет Р*. [77] *Испр., в рукоп.* Михало; Михаил *Р*. [78] *На полях в рукоп. приписано* Ефтерски. [79] *Нет Р*. [80–81] в мале дружине собирающеся *Р*. [81–82] велию печалию одержими *Р*.

нии. По убиении бо[83] великаго[84] князя Михаила Чернигавскаго и Феодора болярина его просыпашеся[85] измаильтене, полетеша[86] по всей земли Русстей, яко[87] птица по воздуху, овех[88] християн мечем[89] заколающе, овехь же во плен[90] вождаху,[91] а оставшеи[92] смертию безгодною и [93] гладом погубляху,[94] грех ради наших.

Великый же князь Юрьи Данилович нача рать[95] разсылати по [96] исполненых местах и градом[97] и собрати оставшея люди от пленения. Посла убо и сего Гегименника на Киевскую землю и на Волыньскую и [98] от ту[99] страну Днепра [100] также расточенныя собирати[1] и наполняти [2] грады и веси,[3] а на оставших жилцех
л. 734 повеле царски||я уроки и дани имати не совершенне, но слехка.[4] И с ним посла сынов его, даже и некаего мужа славна именем Борейка и иных множайших. Сей же предиреченный [5] Гегименик бе[6] муж зело[7] храбр и велия разуму,[8] нача собирати дани[9] и сокровища изыскивати по странам онем. И [10] обогате велми зело,[11] и совакупи о собе люди много, подоваше[12] им потребная не скудною рукою. И нача владети многими землями и назвася от них князь великый Гедимант[13] литовьскый Первый[14] русскых государей несогласием[15] *и*[16] междусобьными браньми.

В лето 6833.[17] И[18] князь великый Юрьи Данилович Владимирскый во Орде убиен бысть от князя Дмитрия Михайловича Тверьскаго. И не по мнозе[19] и сам князь Дмитрее Михайлович Тверьскый[20] ту же чашу испи в Орде у[21] царя.[22]

В лето 6849[23] князь великый Симион Иванович седе на великам княженьи [24] владимерьском и масковьскам.[25] В та же лета[26] сконьчася Гедиман Первый князь великый литовскый. По нем седе сын его первый Наримант на великам княженьи литовьскам. И велия[27] бысть сему[28] брань со иноплеменникы, и впаде в руце иноплеменникам. В то время бывшу великому князю Ивану Да-
л. 734 об. ниловичу || в Орде,[29] и возложи князь великий Иван Данилович

---

[83] же бысть *Р*. [84] *Нет Р*. [85] умножишася *Р*. [86] и плуташа *Р*. [87] *Доб*. же *Р*. [88] новых бо *Р*. [89] *Так в Р; в рукоп*. мечи. [90] *Доб*. к себе *Р*. [91] отвождаху *Р*. [92] оставших всех *Р*. [93–94] глад губяше *Р*. [95] *Нет Р*. [96–97] разоренным градом и местом *Р*. [98–99] во всю *Р*. [100–III 1] собирати расточенные люди *Р*.

III [2–3] ими грады его плененыя и веси *Р*. [3–4] а оставшихся жильцов, кои не похотят идти, имати дани и оброки царскии *Р*. [5–6] *Нет Р*. [7] *Доб*. бе *Р*. [8] *В рукоп. над строкой приписано* а. [9] *Доб*. царския *Р*. [10–11] зело обогате *Р*. [12] и давше *Р*. [13] Гедиман *Р*. [14] *Так в Р; в рукоп*. первых. [14–15] государей русских и великих князей несогласьем *Р*. [16] *Доб. из Р*. [17] 5833-го *Р*. [18] *Нет Р*. [19] *Доб*. времени *Р*. [20] *Доб*. и брат его князь Александр Михайлович Тверский *Р*. [21] от *Р*. [22] *Доб*. убиени быша *Р*. [23] 5849-го *Р*. [24–25] в Володимере *Р*. [25–26] в том же лете *Р*. [27] *Нет Р*. [28] ему *Р*. [29–30] и пожаловал князь великий Иван Данилович

свое великое жалование на крали Наримонте и окупи его у татар, пакы же отпусти его к Литве.[30] Он же по своему обету,[31] не дошед[32] своея отчины, крестися, и наречен бысть во святем крещении именем[33] Глеб. И таго ради его братия не даша ему великаго княжения литовьскаго.[34]

И сяде на великом княженьи литовьском брат его Ольгард, а Наримант отъиде к Великаму Новуграду, Евнут же вселися, идеже ныне Вилна, а Скиргайла сь братам своим Кестутьем сатвориша себе селение при[35] некоем езере 20[36] поприщь от Вилны. И воста Скиргайла на брата своего Кестута и уби его. Сын же Кестутав Витафт, беже в немьци и тамо собра себе дружину многу, и пришед оттуду, и уби дядю своего Скиргайла и два сына его. И вселися на месте отца своего,[37] и нарече имя месту таму Трокы,[38] и савокупися любовию нелицемерною с дядею своим Олгардам. Той бо Олгард вина и секера[39] не пияше и велий разум имеяше, и мьногия земли и княжениа притяжа[40] себе, || и удержа велию власть. л. 735

В лето 6858[41] князь велики Ольгард литовьскый присла послы своя к великаму князю Симиону Ивановичу на[42] Москву са многими дары и моля его, прося мира и живота братьи своей.[43] Великый же князь Симион Олгардова моления[44] не презре, пожалова брата[45] его Карибута[46] да иных[47] многих отпусти я к нему.[48] Та же[49] пакы присла Олгард к великаму князю Симиону Ивановичу, прося за собя свести его[50] тщеря великаго князя Александра Михайловича Тверьскаго. Князь же великый Симион по благословению отца своего Фегнаста, митраполита всея Руси, вда за него свою свесть[51] великую княжну Ульянею, сестру великаго князя[52] *Михаила Александровича*[53] Тверьскаго. И бысть у Олгорда от первыя жены сынов пять: 1. Корибут,[54] 2. Скиргайла, 3. Кирсайла,[55] 4. Швиртигайла,[56] 5. Мингайла.[57] А от втарыя жены великыя княгини Ульянеи 7 сынов: 1. Андрей Полотскый, 2. Влодимир Бельскый, 3. Иван Острожскый, 4. Ияков, 5. Лигвен[58] Волыньскый, 6. Василие Черторизскый, 7. Олег[59] Киевьскый.

По сих же время преиде не мало, князь великый Олгард в недуг впаде ||[60] и во еже сыном[61] своим нача уряд чинити: и л. 735 об.

Нариманта, откупи от татар и отпусти его в Литву *Р*. [31] обещанию *Р*. [32] *Доб.* до *Р*. [33] *Нет Р*. [34] *Нет Р*. [35–36] езере за двадесять *Р*. [37] *Доб.* и дяди своего *Р*. [38] Тропии *Р*. [39] сикира *Р*. [40] приобрете *Р*. [41] 5828-го *Р*. [42] в *Р*. [43] *Так в Р; в рукоп.* свое. [44] прошения *Р*. [45] братию *Р*. [46] Кориая *Р*. [47–48] к нему Олгерду отпустил *Р*. [48–49] и *Р*. [50] *Нет Р*. [51] *Нет Р*. [52–53] *Так в Р; в рукоп.* Александра Михайловича. [54] Коривут *Р*. [55] Кирисайло *Р*. [56] Овитригайло *Р*. [57] Минигайло *Р*. [58] Логвин *Р*. [59] Олейко *Р*. [60–61] вельми таже к сыновом *Р*.

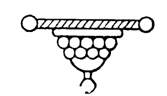
Якова[62] сына своего возлюби паче всех, и таму даде великое княжение литовское[63] Вилну, а [64] проча сыны своя устрои и по уделам посади.[65] Благоверная же великая княгини Ульянея, видев своего мужа Олгорда последнея дышюще и зело печашеся о его спасении, созва [66] своя сыны и отца своего духовнаго призва [67] Давыда архимадрита печерскаго. И увеща своего супруга советам благым, и божиею милостью сподоби его божественаго [68] крещениа. И наречен бысть Олгард во святом крещении именем Александр. По сих [69] благоверная [70] княг*иня* [71] Ульянея со отцомь своим духовным архимадртам Давыдомь святымь ангельскым иночества великым образам [72] украси, [73] и Алексей инок во Олександра места таго [74] именова; [75] по малых днех и преставися в лето 6885.[76] И положиша тела [77] его во церкви пречистыя [78] богородица в Вилне, юже созда сопружница [79] его. И не по мнозе времени преставися благоверная великая княгини Ульянеа, в той же церкви погребоша тела ея. Ияков же, сын Олгордав,
л. 736 впаде в прелесть латыньскую римскиа веры || и [80] наре*че*н [81] бысть Егайла князь великый литовскый, и бысть советник и друг безбожнаму Мамаю князю Ардыньскаму, его же поби [82] за Доном [83] благоверный князь велики Дмитрие Иванович. Витафт же Кестутьев савокуписе свершенною любовию сь Егайлам и пожиста время доволна.[84] И патом Егайло взят бысть в [85] Краков и каруноваше его вь Кракове каролевствам Польскым, а на Вилне остави брата своего Витовта Кестутьева. Витавт же ста в римскую веру и устроися на Вилне князь велики литовьскай и нача созидати грады многи, заруби же град Киев и Чернигав и взя Брянеск и Смоленеск, и отступиша к нему вси князи пограничныя со отчинами своими от Киева даже и до Фоминьска приложишася к Витавту. Сия убо о [86] сих [87] до зде [88] известна суть.

И Якова Ростислава Мьстиславича князя смоленскаго сродник его князь Витенець. И Витеникав [89] канюшець Гегиманик, сиречь [90] Едимант. Гедимантав [91] сын Олгард, Олгардав сын Егайло, Егайлов сын Андрей Казимир, Казимирав сын Жидихьмант [92] король.[93] Гедиманов сын 1 Наримант, Наримантав
л. 736 об. сын Патрекий, Патрекиев сын Юрьи, || за него же князь велики

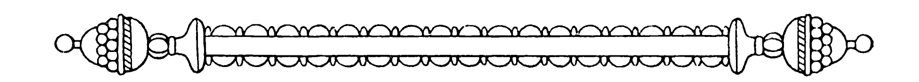
---

[62] *Доб.* же *Р.* [63] и *Р.* [64–65] прочих сынов своих всех по уделом устроил *Р.* [66] *Доб.* вся *Р.* [67] *Нет Р.* [68] бог святого *Р.* [69] *Доб.* же *Р.* [70] *Доб.* великая *Р.* [71] *Так в Р; в рукоп.* княг. [72] *Доб.* того *Р.* [73–74] Алексия во Александрово имя того *Р.* [75] *Доб.* и *Р.* [76] 5880 *Р.* [77] *Нет Р.* [78] пресвятыя *Р.* [79] супруга *Р.* [80] *Нет Р.* [81] *Так в Р; в рукоп.* нарен. [82] победи *Р.* [83] *Доб.* рекою *Р.* [84] не мало *Р.* [85] *Доб.* город *Р.* [86] от *Р.* [87–88] *Нет Р.* [89] Витеник *Р.* [90–91] Гидеман. А Гедиманов *Р.* [92] Гедимонт *Р.* [93] *Доб.* нынешный шестый *Р.*

Василей Васильевич дал[94] сестру свою Анну.[95] Княж Юрьевы дети князь Василей да князь Иван. А княж Васильев сын князь Иван Булгак да князь Данило Щеня. А княж Ивановы дети другаго брата князь Михайла Калышка да князь Василей Касой да князь Иван Мунында. Сие абие и конець. Аминь.[96]

[94] отдал *Р*. [95] *Доб*. в жену *Р*. [95–96] *Нет Р*.

ПОВЕСТЬ О РАЗДЕЛЕНИИ ВСЕЛЕННОЙ НОЕМ

Основной текст: Список БИЛ, собрание Ундольского, № 576
Разночтения: Список ГИМ, собрание Синодальное, № 850... *Б*

Повесть о разделении[1] вселенныя трем сыном Ноевым по отца своего Ноя благословению

От историа Ханаонова и предела, рекомаго Арфаксадова,[2] перваго сына Ноева, рожешагося по потопе. По отца своего Ноя благословению разделися вся вселенная на три чясти трем сыном его: Симу, Хаму и Афету. Хам же извержеся от нерадениа и от благословениа отца своего Ноя занеже[3] не покры наготы отца своего, упившися вином. [4]И егда изтрезвися Ной от вина[5] и разуме, елико сътвори ему ||
л. 17 сын его меншой. «Проклят буди Хам, да будет раб братома своима». И благослови[6] дву сынов своих Сима и Афета, иже покрыша наготу отца своего опако зряще, наготы же не видеша. И благослови Ной Симова сына Арфаксада[7] вместо Хамово, яко вселится в пределех части Ханаоновых. И родишася ему два сына: первому имя Мерсем, а[8] второму имя Хус, — сии начялници[9] Египту. И умножившися от них родов по коленом. Отлучи же ся Хус в глубочяйшая чясти страны Иньдея и распространися тамо на въстоце; Мерсу[10] же ||
л. 17 об. умножишася племена даже и до сее страны. Афету же излишая[11] племена от северныя[12] страны[13] даждь и до полунощныя страны. И въста некий начялник того же рода именем Фарис в Селаврийскых странах и създа град во имя свое именем Афракс.[14] Правнук же его именем Гаидуварик, сей первый написа астрологию в асирийскых пределах Симовых и[15] преименова себе.[16] Сеостр первее всех въцарися в Египте, по колену его многа лета преминуша.[17] И от его роду начя царствовати

---

[1] *Доб.* вся *Б.* [2] *Так в Б; в рукоп.* Афраксадова. [3] зане *Б.* [4–5] *Нет Б.* [6] *Доб.* Ной *Б.* [7] *Так в Б; в рукоп.* Афракьсада *Б.* [8] *Нет Б.* [9] *Доб.* быша *Б.* [10] Мерсему *Б.* [11] излияшаяся *Б.* [12] северных *Б.* [13] стран *Б.* [14] Афраск *Б.* [15] *Нет Б.* [16] *Доб.* имя *Б.* [17] преминушася *Б.*

[18]в Египте[19] Фили||ск, и тъи пооблада вселенною. По Фи- л. 18
листе же, многым летом минувшим, въста некий царь в Египте
от того же рода именем Некътанав волъхв; сей же ни оружьем,
ни бранми противляюся, но имея[20] помощ волшебную хит-
рость[21] и притяжа к себе страны многы. И потом приидоша на
него языци, перси, вири, ирапи[22] бранью. Он же не возмог про-
тивитися,[23] утаився, отбеже в Македонию; и тамо роди Але-
ксандра Макидонскаго царя от Алимпиады,[24] жены Филлипповы.
Александр же вторый пооблада вселен||ною в 12 лет, и всех лет л. 18 об.
живота его[25] *32 лета*,[26] и скончася от отравы, и предаде Египет
ряднику своему Птоломею. Мати же Александрова по смерти
сына своего възвратися к отцю своему Фолу, царю ефиопьскому.
Фол же вдасть ю второму браку за Виза, сродника Нектанавова.
Виз же роди от нея дщерь и нарече ю Антиа, и създа град
в Сосвенех, и нарече имя граду[27] в свое имя и дщери своеа Ви-
зантиа, ныне же именуем Царьград. От Александра Макидон-
скаго до Птоломея Прокаженнаго преминуло Птоломе||ев 22. л. 19

Птоломей же Прокаженный имея дщерь Клеопатру премуд-
рую, и та правяше Египетское царство после отца своего Птоло-
мея. Иулии, кесарь римскый, посла зятя своего Антонина, стра-
тига римскаго, на Египетское царство вои*нь*ством.[28] Антонину же
пришедшу с многыми вои по суху и по морю на брань Египту,
посла же Клеопатра к Антонину, стратигу римскому, послы
с многыми дары, глаголющи: «Веси,[29] о стратиже, египетское
богатство, лутче ми есть с покоем царствовати, нежели с мало-
умьем || излиати крови человечьскыя». Умили же ся Антонин и л. 19 об.
прият Египет без крови, и посяже за нь царица Клеопатра пре-
мудрая; и въцарися Антонин в Египте. И услышав Иулии, ке-
сарь римскый, Антониново презорство, и постави брата своего
Августа стратигом над ипаты, и посла его с четырми браты
своими и с всею областию римскою на Антонина. И пришед
Август,[30] взят Египет, и уби зятя своего Антонина, а сам седе
в Египте. Взят же Клеопатру царицю, дщерь Птоломея Прока-
женаго, || и посла ю в Рим в кораблех с многым богатством л. 20
египетскым[31] и Клеопатру.[32] Она же глаголющи: «Лутче ми есть
царици египетской смерть прияти, нежели пленницею приведеной
быти в Рим», и умори себя ядом аспидовым.

Въсташа же на Улия кесаря ипаты: Врутос, и Помплии, и
Крас; и убиста его в Риме. И скоро прииде весть[33] к Августу[34]
в Египет о Иулиеве смерти. И опечалися велми[35] о братни

[18–19] *Нет Б.* [20] имеяше *Б.* [21] *Так в Б; в рукоп.* хитрос. [22] ириби *Б.* [23] *Доб.* им *Б.* [24] *Доб.* царицы *Б.* [25–26] *Так в Б; в рукоп.* 40 лет. [27] *Доб.* тому *Б.* [28] *Так в Б; в рукоп.* воиством. [29] *Доб.* ли *Б.* [30] *Так в Б; в рукоп.* Августа. [31–32] *Нет Б.* [33–34] *Нет Б.* [35] *Доб.* Август *Б.*

смерти, и скоро съзва[36] вся воеводы, и чиноначялникы, и
л. 20 об. ипаты,[37] и препоситы, и възвещая им смерть Иулиа || [38] брата своего,[39] кесаря римскаго. Они же единогласно рекоша,[40] римляне и египтяне: «О преславьный стратиже, Иулиа кесаря брата твоего от смерти възставити не можем, а твое величьство венчаем венцем римьскаго царства». И облекоста его в одежу Сеострову, начялнаго[41] царя Египту, в порфиру и [42] в висон,[43] и препоясаста его поясом дерьмлидом, и възложиста на главу его митру[44] Пора, царя индийскаго, юже принесе Александр[45] Макидонский
л. 21 от Индея, и приодеша его по плещема окро||иницею царя Филиска, владущаго[46] вселенною, и радостне въскликнуша вельим гласом: «Радуйся, Августе, кесарю римскый всея вселенныя!».

О възвращении Августа кесаря, царя римскаго, во Египет[47] своими ипаты. В лето 5457-е Августу, кесарю римскому, грядущу в Египет[48] своими ипаты, яже бе власть египетскаа рода сущи Птоломеева. И срете его Ирод, сын Антипатров, творя ему великую почесть и послужение воем, пищею и дарми. Предаде же бог Египет и Клеопатру в руце
л. 21 об. Августу. Август же начя || дань покладывати на вселенней. Постави брата своего Патракиа[49] царя Египту; Августалиа, другаго брата своего, постави царя Александрии; и Киринеи[50] и Кесарии властодръжца; Ирода же Антипатрова Асколонитянина за многыа ради его[51] почести постави его царя над июдеею в Иерусалиме; Асию же поручи Евлагерду, сроднику своему; Алирика же,[52] брата своего, постави в повершии Астра; Пиона постави в Отоцех Златах, иже наричются Угрове; а Пруса, срод-
л. 22 ника своего, постави[53] в брезе Вислы || рекы в граде Мармабок, и Турн, и Хвоиницы,[54] и пресловый Гданеск, и ины многы грады по реку, глаголемую Немон, впадшую в море. И живе Прус многа времена лет и до четвертаго роду; и оттоле и до сего времени зовется Прусскаа земля.

О новогородском воеводе Гостомысле. В та же времена некий воевода именем Гостомысл скончевается житием своим и созва вся владущая Новагорода и рече им: «О мужие ноугородстии, совет даю вам аз, яко да пошлете в Прусийскую
л. 22 об. землю || мужа мудры и призовите от тамо сущих родов к себе владелца». Они же шедше в Прусийскую[55] землю и обретоша тамо некоего князя именем Рюрика, суща от рода римска Августа

---

[36] *Доб.* к себе *Б.* [37] *Так в Б; в рукоп.* упаты. [38–39] *Нет Б.* [40] *В рукоп. слово* рекоша *написано два раза.* [41] первоначальнаго *Б.* [42–43] виссон *Б.* [44] *Так в Б; в рукоп.* мистру. [45] *Доб.* царь *Б.* [46] *Так в Б; в рукоп.* владушаго. [47] *Доб.* с *Б.* [48] *Доб.* с *Б.* [49] Патрекия *Б.* [50] Киринии *Б.* [51] *Нет Б.* [52] *Нет Б.* [53] *Нет Б.* [54] *Так в Б; в рукоп.* Хвоисници. [55] Прусскую *Б.*

кесаря. И молиша князя Рюрика посланници от всех ноугородцов, дабы шел к ним княжити.[56]

О великом княжении первом ноугородском. В лето 6000 прииде от Прусьскиа земля в Новъгород князь именем Рюрик от рода римскаго, осмое колено от Пруса, августова сродника, имея с собою два брата: единаго имя Тро||вор, л. 23
а второму имя Синеус, а третей племенник его Олег. И оттоле наречен бысть Великий Новъгород; и начя князь великий Рюрик первый княжити в нем. А от великого князя Рюрика четвертое колено великий князь Владимер, иже просвети землю Русскую святым крещением в лето 6496-е. А от великаго князя Владимера четвертое колено князь великий Владимер Всеволодович Манамах, правнук его. Прозвася Манамах от тая вины, егда венчася венцем греческаго царства, святыми бармами, и наречен бысть Манамах царь. ||

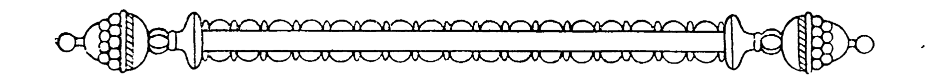
О великом княжении князя Владимера Всево- л. 23 об.
лодичя Великиа Росиа. В лето 6641 князь Владимер Всеволодич седе в Киеве на великом княжении, съвет начя творити с князми своими и с велможам и с бояры, тако рек: «Егда аз мал есмь и преже мене царствовавших и хоругви правящих скипетра Великиа Росиа, яко же князь великий Олег ходил и взял с Царяграда великую дань на вся воя своя и здрав въсвояси възвратився; и потом ходил князь великий Всеслав Игоревич и взял на Констяньтине граде тяжчяйшу||ю дан. А мы л. 24
есмя божиею милостию настольници своих прародителей и отца моего великого князя Всеволода Ярославича наследници тоя же чясти от бога. Ныне же съвета ищу от вас, моея полаты князей и бояр, и воевод, и всего христолюбиваго воинства; да превознесется имя святыя живоначалныя Троица и вашея храбрости могутством божиею волею с нашим повелением; кый ми съвет против въздаете?». Отвещаста же великому князю Владимеру Всеволодичю его князи, и бояре, и воеводы: «Сердце царево в руце божии, а мы вси есмя || в твоей воли». Княз же великий л. 24 об.
Владимер събирает воеводы благоискусны и благоразумны и поставляет чиноначялники над различьными воиньствы — тысищники, и сотники, и пятидесятники над малыми чинми борян; совокупи многыя тысища воинства, и отпусти их на Фракию Цариограда области; и плениша я доволно, и възвратишася с многым богатством.

Тогда бе в Цариграде благочестивый царь Констянтин Манамах, тогда имея брань с персы и с латынею. И съставляет совет благо||мудрый царьский, отряжает послы к великому князю л. 25

[56] *На слове* княжити *кончается список Б.*

Владимеру Всеволодичю: Неофита митрополита ефесскаго и с ним два епископа мелетиньска, и стратига Антипу антиохийскаго, игемона Еустафя иерусалимьскаго, и инех многых благородных. От своея же выи сьемлет животворящий крест от самого животворящаго древа, на нем же распятся владыка Христос. И снемлет с своея главы венец царьский и поставляет его на блюде злате. Повелевает же принести крабьицю сердоликову, из
л. 25 об. нея же Августян, царь римский, веселяашеся, || и ожереле, зовомо святыя бармы, иже на плещю своею ношаше, и чепь от злата аравийскаго искованну, и ины многы дары царскиа. И предаде их митрополиту Неофиту с епископы и своим благородным посланником, и посла их к великому князю Владимеру Всеволодичю, моля его глаголя: «Прийми от нас, о боголюбивый благоверный княже, сия честныа дарове, иже от начатка вечных благ твоего родства и поколеном царьскых и жребьи на славу и честь и на венчание твоего волнаго самодрьжавнаго царствиа. И о нем же
л. 26 начнут тя мо||лити посланници, что мы от твоего благородиа просим мира и любве; яко церкви божиа безмятежни будут, и все православие в покои пребудет под сущею властью нашего царства и твоего волнаго самодеръжавства Великиа Росиа; яко да нарицаешися отселе боговенчянный царь, венчан сим царьскым венцем и святыми бармами рукою святейшаго митрополита кир Неофита с епископы». И от того времени князь великий Владимер Всеволодовичь Манамах царь наречеся Великия Росиа.
л. 26 об. И пребысть потом прочая времена с царем || Констянтином в смирении и любви. И оттоле и доныне тем венцем венчяются царьскым велиции князи володимерьстии, его же прислал греческый царь Констянтин Манамах, егда ставятся на великое княжение русское.

Отлучися папа римскый Формос от Царииграда церкви в латынство в та же лета. В царство Констянтина Мономаха отлучися от Цариграда церкви, и от правые веры отпаде римский папа Формос и уклонися в латынство. Царь же Констянтин и
л. 27 святейший папа || Кир Иларие повеле собратися собору в царствующий град святейшиа патриархи александрийскиа, и антиохийскыя, ирусалимьскыя. И с их советом благочестивый царь Коньстянтин Мономах с святым вселеньскым собором четырми патриархи, и митрополиты, и епископы, иереи изверъгоша папино имя из поминаний церковных и отлучиша его от четырех патриарх. И от православныя веры отпадша, и от того времени и доныне лытают, нарекошася латыня. Мы же, православнии хри-
л. 27 об. стиане, исповедаем святую Троицю — отца и сына || и святого духа — в едином божестве веруем и покланяемся.

РОДОСЛОВИЕ ЛИТОВСКИХ КНЯЗЕЙ (СЛЕДУЮЩЕЕ ЗА «ПОВЕСТЬЮ О РАЗДЕЛЕНИИ ВСЕЛЕННОЙ НОЕМ»)

Основной текст: Список БИЛ, собрание Ундольского, № 850

Родство великых князей литовскых

В лето 6820 [57] по пленении безбожнаго Батыя избежа от плена его некий князь именем Витенец, рода смоленьскых князей, и вселися в Жомоти у некоего бортника. И поят у него дщерь в жену себе и пребысть с нею 30 лет бездетен. И убьен бысть громом. И последи князя Витенца поят жену его раб его конющець именем Гегиманик. И роди от нея 7 сынов: 1. Родиминтик, 2. Евнутик, 3. Олгерд, 4. Кестутик, 5. Скиригалик, || 6. Кирия- л. 28
дик, 7. Мамонтик.

О великом княжении володимерском. В лето 6825 князь Юрий Данилович московскый да князь Михаил Ярославич Тверскый поидоша в Орду о великом княжении в споре. И князь Михаил Ярославич Тверской убьен бысть в Орде. А князь Юрьи Данилович прииде на великое княжение. И виде многы грады запустевша и людей събирающеся мало, печалию одеръжим бе. По убьении бо князя Михаила Черниговскаго разсыпашася измаилтяне по всей земли Русской, яко птици полетеша. И христианьский род овех мечем закалающе, других же в || плен отвожаху, а оставшая смерть и глад погуб- л. 28 об.
ляше. Сия случишася нам грех ради наших.

Великый же князь нача разсылати по городом и по местом собрати оставшая люди. Посла убо сего Гегиманика на Волынскую землю и на Киевьскую наполняти плененые грады и веси, а уставших имати дани царьскиа. И с ним посла некоего мужа именем Бореска и иных множайших. Сей же реченный Гегименик

---

[57] *Последняя цифра непонятна в рукописи.*

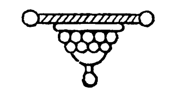
бе муж храбр и велика разума, нача брати дани на людех и
съкровища изыскивати и обогатися велми. И собра к себе мно-
л. 29 жество || людей, и дая им потребнаа неоскудно, и начят владети
многыми землями. И назвася от них великий князь Гегиман
литовскый Первый русских государей великых князей
несъгласьем и междоусобными бранми, раб их назвася тако и
нача княжити в Литве.

О великом княжении володимерьском и
московском. В лето 6859-е князь великий Семен Иванович
седе на великом княжении владимерском и московском. В то же
лето преставися Гегимант, князь литовский Первый. И по нем
л. 29 об. сяде на великом княжени сын его Наримант. И бысть || ему
брань с иноплеменники, и впаде в руце их. В то же время бывшю
великому князю Ивану Даниловичю в Орде, и откупил князь
великий Нариманта у татар и отпустил к Литве. Он же по
своему обету, не дошед вотчины своея, крестися, и наречен бысть
во святом крещении Глеб. И того ради братья его не дашя ему
великого княжениа.

Но седе на великом княжении брат его Олгерд, а Наримант,
брат его, нареченный во святом крещении Глеб, отъиде в Вели-
кий Новъград, Евнут вселися, идеже ныне Вилна, а Скиригайло з
л. 30 братом своим с Кестутем всели||шяся при некоем озере за 20 верст
от Вилны. И въста Скиригайло на брата своего Кестутя и уби
его. Сын Кестутиев Витофт бежа в немци и тамо собра себе
друзи мнози, и пришед оттуду, и уби дядю своего Скиригайла и
два сына его. И вселися на месте отца своего и дяди своего, и
нарече имя месту тому Троки, и съвокупися любовию с дядею
своим с Олгердом. Той же Олгерд вина не пьяше и велик разум
имяше, земля же и княжениа притяжа к себе многы и удержа
велию власть.

л. 30 об. Князь великий Олгерд литовьский || прислал о миру к великому
князю Семиону Ивановичю московскому. В лето 6858 князь ве-
ликий Олгерд литовский присла послы своя к великому князю
Семиону Ивановичю на Москву с многими дарми, прося мира
и живота братьи своей. Князь великий Семион пожаловал
Олгерда и братию его Кориада и иных отпустил к нему.
И пакы второе прислал Олгерд к великому князю Семиону Ива-
новичю, прося за себя свести его дщери великаго князя Але-
ксандра Михайловичя Тверскаго. И князь великий Семион по
л. 31 благословению отца своего Феогна||ста, митрополита всея Русии,
вдасть за него свесть свою великую княжну Ульанию. И роди-
шася от нея 7 сынов: 1. Андрей Полотцкий, 2. Владимер Бел-
ский, 3. Иван Острожский, 4. Яков, 5. Легбен Волынский, 6. Ва-
силей Черторижский, 7. Олерко Киевский.

По сем времени мало преиде, князь великий Олгерд впаде в недуг и начят сыновом своим ряд: Иакова сына своего възлюби паче всех и даде ему великое княжение и град Вилну, а прочих сынов своих по уделом устроив. Благоверная же великая княгини Улианиа виде своего мужа Олгерда последне дышу||ша и печало- л. 31 об.
вашеся о спасении его и съзва сыны своя и отца своего духовнаго призва, Давыда архимандрита печерскаго. И увеща своего мужа Олгерда съветом благым и божиим поспешением, сподоби его святого крещениа. И наречен бысть в святом крещении Александр. И после того великим чином одеяся, святою схимою, великым аггилскым образом, украсився, и вместо Александра Алексей наречен бысть; и по малех днех и преставися, и положишя тело его в церкви святыя богородица, юже сам создал. По сем же и супружница его, благовернаа великаа княя||гини л. 32
Улианиа, немного время пожив, преставися, и в то же церкви погребошя тело ея. Иаков же, сын Олгердов, впаде в латынскую прелесть — Ягайло же великий князь литовскый, бысть советник и друг безбожному царю Мамаю, его же победил за Доном великий князь Дмитрей Иванович. Витофт же Костутьевич съвокупися любовию с Ягайлом. И по сем Ягайло взят бысть в Краков и коруноваше его кралем полскым в Кракове, а на Вил оставил брата своего Витофта. Витофт же устройся на Вилне князь велики литовский и нача созида||ти грады многыя, заруби Киев л. 32 об.
и Чернигов и взял град Брянеск и Смоленск, и приступишя к нему вси князи погранические с вотчинами от Киева даже и до Фоминьского приложишяся к Витофту.

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ ТЕКСТОВ

Разночтения приводятся наиболее значительные по всем спискам; орфографические расхождения опущены. Перестановки слов в тексте, не имеющие смысловых значений, в разночтениях не приводятся. Неточности и описки в основных списках исправлены по другим спискам и оговорены в сносках. В тексте все исправления выделены курсивом. Буква «ѣ» заменяется через «е», юсы большой и малый — через «у» и «я», «і» заменяется через «и», «фита» — через «ф», «оу» — через «у»; «ъ» в середине слова сохранен. Выносные буквы внесены в текст. Титла раскрыты, буквы-цифры переданы арабскими цифрами. Пунктуация современная.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН — Библиотека Академии Наук СССР.
БИЛ — Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ГИМ — Государственный Исторический музей.
ГПБ — Государственная Публичная библиотека в Ленинграде.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ЛОИИ — Ленинградский отдел Института истории Академии Наук СССР.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества.
Труды ОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии Наук СССР.
ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов.
Чтения ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

СОДЕРЖАНИЕ

Утверждено к печати
Институтом Русской литературы
(Пушкинский Дом)
Академии Наук СССР

*

Редактор Издательства *Г. И. Зикеев*
Художник *С. Н. Тарасов*
Технический редактор *Р. А. Аронс*
Корректоры *Н. А. Браиловская* и *Л. А. Ратнер*

РИСО АН СССР № 39—93 В. Подписано к печати 5/VIII 1955 г. М-41829. Бумага $60 \times 92/16$. Бум. л. $6^3/_4$. Печ. л. $13^1/_2$. Уч.-изд. л. 13,26 + 8 вкл. (0,53 уч.-изд. л.). Тираж 10 000. Зак. № 107. Цена 9 р. 90 к

1-я тип. Издательства АН СССР.
Ленинград. В. О., 9 линия, дом № 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
64	Левый столбец, 26 снизу	в Египте	вь Египте
64	Правый столбец, 4 снизу	великы	великий
81	4 сверху	одержим	одрљжим
81	5 „	рождениа моего	рожениа моего
		девят десят	девять десять
82	13 снизу	святом	святем
89	1 „	Смоленск.	Смоленеск.
101	14 сверху	«русских	«русскых
161	4 „	услышав	услышев
163	6 „	нашими	нашим
167	22 снизу	от чей	отчей
169	10 „	Полотский	Полотскии
174	19 „	*Ббам*	*БбаМ*
175	20 „	милости *ИКВ.*	милости и *КВ.*
183	16 „	разанский	рязанский
193	17 „	[32] *Доб. том же М.*	[32] *Доб.* том же *М.*
195	11 „	Поставляются *ОСТУ*	поставляются *ОСТУ*
198	4 „	ины моги *Р.*	моги *Р.*
204	19 сверху	Ардыньскаму,	ардыньскаму,
206	8 снизу	пределах	пределех
207	7 „	Помплии,	Помплий,
213	3 „	Смоленск,	Смоленеск,

Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских.

